

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
Кафедра международных отношений

ДИПЛОМАТИЯ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ

Материалы
III Международной научной конференции

Минск, 20 марта 2025 г.

BELARUSIAN DIPLOMACY AMID EMERGING CHALLENGES

Materials
of the III International Scientific Conference

Minsk, March 20, 2025

Научное электронное издание

Минск, БГУ, 2025

УДК 327.82(476)(06)
ББК 66.49(4Бей)я431

Редакционная коллегия:

кандидат политических наук, доцент *Е. А. Достанко* (гл. ред.);
доктор политических наук, профессор *Ю. И. Малевич*;
доктор исторических наук, профессор *В. В. Фрольцов*;
кандидат исторических наук, доцент *И. М. Авласенко*;
кандидат исторических наук, доцент *А. С. Миксюк*;
кандидат исторических наук, доцент *О. П. Рубо*;
кандидат исторических наук, доцент *А. В. Селиванов*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *О. Г. Субботин*;
кандидат исторических наук, доцент *И. В. Жилинская*

Дипломатия Беларуси в условиях новых вызовов = *Belarusian Diplomacy amid Emerging Challenges* : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 20 марта 2025 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2025. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Текст : электронный. – ISBN 978-985-881-832-6.

Рассмотрены приоритетные направления развития дипломатии Республики Беларусь и других государств в современных условиях, ключевые тренды в международных политических и экономических отношениях, актуальные вопросы развития двусторонних отношений Беларуси с различными странами мира, перспективы участия республики в интеграционных процессах на евразийском пространстве.

The collection contains materials of the conference “Belarusian Diplomacy amid Emerging Challenges”, dedicated to the priority areas of development of the diplomacy of the Republic of Belarus and other states in the modern context, key trends in international political and economic relations, actual issues in the development of Belarus’s bilateral relations with various countries around the world, as well as the prospects for the Republic’s participation in integration processes within the Eurasian space.

Минимальные системные требования:

PC, Pentium 4 или выше; RAM 1 Гб; Windows XP/7/10;
Adobe Acrobat.

Оригинал-макет подготовлен в программе Microsoft Word

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *А. С. Миксюк*

Подписано к использованию 03.09.2024. Объем 1,3 МБ

Белорусский государственный университет.
Управление редакционно-издательской работы.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.
Телефон: (017) 259-72-40.
e-mail: urir@bsu.by
<http://elib.bsu.by>

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОВОГО ПОРЯДКА И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

<i>Русакович А. В.</i> Мировая политика: новый баланс сил или политико-дипломатическое маневрирование	6
<i>Беленченко Н. Н.</i> Современные вызовы и угрозы безопасности в Евразии. Роль Республики Беларусь в обеспечении безопасности на евразийском пространстве	12
<i>Авласенко И. М.</i> Новый этап трансформации системы европейской безопасности? Вызовы и новые возможности для дипломатии Республики Беларусь	18
<i>Соколов А. П.</i> Результаты досрочных выборов в Бундестаг 2025 г.: последствия для европейской безопасности	24

РАЗДЕЛ II ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Снапковский В. Е.</i> Как мы (СССР, УССР и БССР) выходили из ВОЗ в 1949 г.	29
<i>Баройская В. М.</i> Да пытання заключэння савецка-польскай узгад-няльнай канвенцыі ў ліпені 1932 г.	35
<i>Шуст А. С.</i> Становление белорусской школы исследований национальных интересов	41
<i>Байчоров А. М.</i> Повестка контроля над вооружениями в дипломатии Республики Беларусь 1990-х гг.	45
<i>Драбавіч Д. А., Снапкоўскі У. Е.</i> Пытанне аб беларускай нацыя-нальнай меншасці ў Польшчы ў беларускай дыпламатыі пачатку 1990-х гг.	50
<i>Мацевич М. В., Журавская О. С.</i> Экономическая дипломатия как инструмент внешнеполитической стратегии Республики Беларусь	54
<i>Буконкин Д. А.</i> Актуальные проблемы международного регулиро-вания вопросов реализации информационного суверенитета	59
<i>Кривохиж С. В.</i> Союзное государство России и Беларуси в оценках китайских исследователей	66
<i>Дмитриев Д. А., Поличенко У. Д., Соболев И. Д.</i> «Конфронта-ционный» потенциал ФРГ как вызов для Союзного государства России и Беларуси	72
<i>Малевич Ю. И.</i> «Новая дипломатия КНР» в отношении Республики Беларусь как члена ШОС	78
<i>Слуцкая Л. В.</i> Участие в БРИКС как направление многосторонней дипломатии Республики Беларусь	81

<i>Федорович А. И.</i> Эволюция и перспективы взаимодействия Беларуси с Шанхайской организацией сотрудничества	89
<i>Василевская В. Э.</i> Белорусско-китайские отношения в реализации инициативы «Один пояс, один путь»: промежуточные результаты и перспективы сотрудничества	94
<i>Сунь Шэнцзы, Ковяко И. И.</i> Китайско-белорусское сотрудничество в сфере туризма в 2016–2022 гг.	99
<i>Сунь Цзянь.</i> Потенциал китайско-белорусского сотрудничества в контексте процесса нормализации отношений между Россией и ЕС ...	106
<i>Шнырин А. Г.</i> Об особенностях развития белорусско-индийских отношений в контексте западных санкций	111
<i>Чувилев И. А.</i> Диверсификация направлений сотрудничества между Республикой Беларусь и Республикой Зимбабве: достижения и перспективы	116
<i>Пашков Н. О.</i> Религиозный аспект отношений между Республикой Беларусь и Республикой Кипр	121
<i>Кресс-Романова Т. В.</i> Традиционные конфессии Республики Беларусь в вопросе миграционного кризиса	128

РАЗДЕЛ III

ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ БЕЛОРУССКОЙ ДИПЛОМАТИИ

<i>Кабанов И. П.</i> Цифровизация в сфере международных отношений: новый вид договоренностей	134
<i>Рабец Т. Д.</i> Коммуникационная политика в продвижении национального культурного бренда	141
<i>Коноплев В. Э.</i> Роль информационного пространства в формировании внешнеполитического имиджа Республики Беларусь	147
<i>Аль Али В. Е.</i> Роль социальных сетей в современной дипломатии Беларуси	153
<i>Миксюк А. С.</i> Продвижение положительного имиджа СНГ на мировой арене	159

РАЗДЕЛ IV

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Снисаренко К. Л.</i> Концепт «иммиграционный вопрос» в анализе государственного регулирования иммиграции	166
<i>Селиванов А. В.</i> Международное сотрудничество в целях реализации инициатив ООН по регулированию вынужденной миграции в Африке в начале XXI в.	172

<i>Черняк А. Д.</i> Фактор влиятельности посредников при урегулировании политических конфликтов	177
<i>Олжабаев К. Ж., Романова М. Е.</i> «Мягкая сила» в устранении препятствий на внутреннем рынке Евразийского экономического союза	183
<i>Демидович Е. В., Хэ Юэцзе.</i> Участие Китая и России в ШОС: состояние и перспективы направлений исследований	189
<i>Ли Цзинин.</i> Политико-экономический вектор развития «стратегического треугольника» Россия – Индия – Китай	196
<i>Ань Нань.</i> Зимбабве и Китай: образец китайско-африканского сотрудничества	202
<i>Ван Ифу.</i> Отличительные особенности внешней политики Китая в 1950–2001 гг. через призму китайско-афганских отношений	206
<i>Свилас С. Ф., Никонович О. С.</i> Политический диалог Франции и Вьетнама в XXI в.	211
<i>Хемеда И. А. Т. С.</i> Египет и создание Организации освобождения Палестины в 1964 г.	218
<i>Свилас С. Ф., Певзнер В. А.</i> Африка как стратегическое направление внешней политики Испании	223

РАЗДЕЛ I ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОВОГО ПОРЯДКА И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА: НОВЫЙ «БАЛАНС СИЛ» ИЛИ ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ МАНЕВРИРОВАНИЕ

А. В. Русакович

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, RussAV@bsu.by*

В статье проанализированы содержание, основные механизмы и особенности политико-дипломатического диалога по проблеме восстановления отношений между Россией и США, а также урегулирования в Украине. Отмечается, что переговорный процесс по украинскому конфликту в феврале–марте 2025 г. демонстрирует своего рода «возвращение» дипломатии как основного механизма урегулирования спорных вопросов. Подчеркивается сложность и противоречивость процесса, разногласия между США и Европейским союзом. Как предполагает автор, принятые в ходе переговоров между Россией и США решения станут основой для создания новой конфигурации структуры безопасности в регионе.

Ключевые слова: безопасность; диалог; дипломатия; международные отношения; переговоры; урегулирование.

WORLD POLITICS: NEW «BALANCE OF POWER» OR POLITICAL AND DIPLOMATIC MANEUVERING

A. Rusakovich

*Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, RussAV@bsu.by*

The article analyzes the content, main mechanisms and features of the political and diplomatic dialogue between Russia and the United States on the problem of restoring relations, as well as the settlement in Ukraine. It is noted that the negotiation process on the Ukrainian conflict in February–March 2025 demonstrates a kind of «return» of diplomacy as the main mechanism for resolving contentious issues. The complexity and contradictory nature of the process, disagreements between the US and the European Union are emphasized. As the author suggests, the decisions made during the negotiations between Russia and the US will become the basis for creating a new configuration of the security structure in the region.

Keywords: security; dialogue; diplomacy; international relations; negotiations; settlement.

Развитие современного мира характеризуется высокой динамикой, активно происходит процесс переформатирования в направлении полицентричности, вместе с тем основные составляющие мироустройства образуют устойчивую систему.

В настоящее время формируются новые направления, которые еще несколько месяцев назад сложно было спрогнозировать. Основные мировые игроки в определенной степени вынуждены работать в условиях «сверхновой геополитической реальности».

Следует прежде всего отметить несколько важных факторов, сложившихся в мировой системе в последние годы, и, как представляется, оказывающих влияние на ситуацию.

Экономические, политические, общественные модели ведущих государств мира, несмотря на все сложности развития, усиление геополитической конфронтации, в целом продемонстрировали устойчивость, определенный запас прочности, способность к активной модернизации. Следует также отметить нарастание разрывов между государствами, регионами в уровне технологического, промышленного, экономического развития, нарушение баланса и принципа устойчивого развития.

Глобальная «связанность» мира, обусловленная международной торговлей, взаимными инвестициями, развитием технологий, производственными и логистическими цепочками, будет возрастать. Как отмечается в докладе Конференции ООН по торговле и развитию, в 2024 г. объем мировой торговли достиг рекордных 33 трлн дол. США, увеличившись на 3,7 % по сравнению с 2023 г., причем рост обеспечили развивающиеся экономики и активная торговля услугами. Диалектика и динамика развития формирует и другой тренд – возрастание роли национальных государств в регулировании экономического развития, обеспечения их технологического суверенитета. Как отмечают авторы доклада, впереди новые риски: торговые дисбалансы, изменения в политике и геополитическая напряженность [1].

Либеральные модели экономического развития продолжают оставаться доминирующим направлением в мировой практике, хотя и подвергаются серьезному испытанию. Иные социально-экономические и политические концепции, как представляется, пока не в состоянии продемонстрировать свой доминирующий потенциал.

Доступ к природным ресурсам – начиная от водных запасов и заканчивая редкоземельными материалами, необходимыми для развития ИТ-технологий, космоса, производства новейших материалов и продуктов – будет являться одним из важных факторов прогрессивного, устойчивого, суверенного развития.

Изменения в мировой расстановке сил, которые наблюдаются два последних месяца (февраль–март 2025 г.), в настоящее время имеют в основном политическую природу и предназначены, как предполагается, для урегулирования наиболее крупных международных конфликтов. Мирное развитие создает основы для укрепления позиций прежде всего крупных, экономически сильных государств.

Во многом «старт» формирования новой ситуации связан с началом деятельности новой администрации Д. Трампа в США. Запад, прежде всего, в лице нового руководства США, признает необходимость корректив-

ровки своей линии в отношении мировых процессов. Следует отметить, что общий подход Д. Трампа в международных делах – «сделать Америку снова сильной» в долгосрочной перспективе нацелен на комплексное усиление Запада в мировой политике. Формула «мир посредством силы» как механизм реализации администрацией Д. Трампа подходов к разрешению геополитических конфликтов вызывает ряд вопросов в плане доминирования силовой составляющей в противовес политико-дипломатическим методам и, как представляется, не содействует вовлеченности других важных акторов в процесс урегулирования. Попытка США обозначить «новое устройство мира»: выход из ряда международных организаций, восстановление диалога с Россией, вопрос о присоединении Гренландии, заявка на включение в состав США Канады, «особые интересы» в зоне Панамского канала, введение ограничений в торговле с Китаем, ЕС, Канадой, Мексикой, активное противодействие иммиграции, другие действия – являются, как представляется, своего рода попыткой перезагрузить «*Pax Americana*». Поэтому процессы ожидаются весьма сложные, в какой-то степени противоречивые.

В первую очередь необходимо отметить определенное размежевание в позициях США и Европейского союза и Великобритании (далее – ЕСВ). Для экспертно-аналитической сферы это означает на данный момент распад/фрагментацию «коллективного Запада». Для этого имеются определенные основания. В ходе Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2025 г. европейские члены НАТО были поставлены перед фактом отсутствия автоматического действия принципа «оборонительного зонтика» со стороны США и необходимостью повышения оборонных расходов. Введение дополнительных пошлин администрацией Д. Трампа на европейские сталь, алюминий, другие группы товаров также осложнило отношения между ЕС и США.

В этих условиях ЕСВ предпринял необходимые действия для повышения «стратегической автономии». В плане реализации этого намерения в начале марта 2025 г. председатель Европейской комиссии У. фон дер Ляйен объявила о планах создания оборонного фонда ЕС в размере 800 млрд евро. Также предполагается корректировка позиции ЕС относительно «зеленой энергетики», активизация деятельности по развитию промышленного потенциала, инноваций.

Наиболее очевидным размежевание между США и ЕСВ наблюдается в отношении дальнейшей политики в отношении России и Украины. Украинский конфликт является одним из ключевых для всей Евразии и имеет сложную природу, в него в той или иной степени вовлечены все крупные игроки мира.

Самым важным событием в международных отношениях стал активный переговорный процесс между руководством США и России. Телефонный разговор президентов России и США 12 февраля 2025 г., как предполагается, имеет ключевое значение для начала процесса мирного урегулирования в Украине. Как было подчеркнуто в официальном сооб-

щении российской стороны, «Дональд Трамп высказался за скорейшую остановку боевых действий и решение проблемы мирными средствами. Владимир Путин, со своей стороны, упомянул о необходимости устранения первопричин конфликта и согласился с Дональдом Трампом в том, что долгосрочное урегулирование может быть достигнуто путем мирных переговоров» [2]. Также стороны обсудили ближневосточное урегулирование, иранскую ядерную программу, двусторонние российско-американские отношения в сфере экономики.

В развитие договоренностей двух президентов 18 февраля 2025 г. в Эр-Рияде (Саудовская Аравия) состоялись переговоры представителей России и США на уровне глав внешнеполитических ведомств и помощников президентов. В ходе переговоров были выделены два направления: проблема нормализации двусторонних американо-российских отношений и урегулирование украинского кризиса. С учетом значения США и России в мировой повестке продвижение сторон по этим направлениям способно изменить всю конфигурацию международных отношений. В то же время следует подчеркнуть определенную преемственность политики новой администрации США в отношении России: сохранение доктринальных установок Стратегии национальной безопасности 2022 г., продление односторонних ограничительных мер, сохранение традиционных военно-политических союзов и т. д.

В ходе сложных переговоров между США и Украиной в феврале-марте 2025 г. центральными темами были два вопроса: согласие Украины на североамериканскую формулу урегулирования конфликта и заключение соглашения между США и Украиной по редкоземельным металлам, доступ к разработке которых В. Зеленский предложил в своем «плане победы» в 2024 г. США применили принцип «давления» на украинское руководство, отказав Украине по вопросу о приеме в НАТО, приостановили обмен разведывательными данными и оказание помощи. На переговорах в Саудовской Аравии 11 марта 2025 г. делегаций США и Украины были достигнуты договоренности о возобновлении военной помощи США и обмена разведданными. Украина также согласилась на предложение по США по временному прекращению огня на 30 дней при условии взаимного согласия на это и со стороны России. Как заявляли украинские политики, на мирных переговорах для Украины будут неизменными три принципиальных вопроса: территориальная целостность и суверенитет; выбор относительно участия в международных организациях и союзах; сохранение обороноспособности и вооруженных сил.

18 марта 2025 г. состоялся телефонный разговор президентов В. Путина и Д. Трампа. По информации российской стороны, в разговоре была «выражена обоюдная заинтересованность в нормализации двусторонних отношений в свете особой ответственности России и США за обеспечение безопасности и стабильности в мире» [3]. Лидеры двух государств подтвердили намерение продолжить усилия по достижению украинского урегулирования в двустороннем режиме.

В ходе беседы Д. Трамп «выдвинул предложение о взаимном отказе сторон конфликта от ударов на 30 дней по объектам энергетической инфраструктуры. Владимир Путин положительно откликнулся на эту инициативу и сразу дал российским военным соответствующую команду» [3]. Президент России заявил о готовности к совместной с американскими партнерами тщательной проработке возможных путей урегулирования, которое должно носить комплексный, устойчивый и долгосрочный характер, и, конечно, учитывать безусловную необходимость устранения первопричин кризиса, законные интересы России в области безопасности. В контексте инициативы Президента США о введении 30-дневного перемирия российской стороной был обозначен ряд существенных моментов, касающихся обеспечения действенного контроля за возможным прекращением огня по всей линии боевого соприкосновения, необходимости остановки принудительной мобилизации в Украине и перевооружения ВСУ [3].

Одним из обсуждаемых вопросов между Россией и США также является восстановление экономического сотрудничества.

Европейский союз в новых условиях оказался в определенной степени вне переговорного процесса по украинской проблематике. Более того, фактический отказ Венгрии, Словакии от активной поддержки Украины блокировал возможности ЕС как активного актора международных отношений. С учетом предыдущей политики активной поддержки Украины ряд европейских лидеров заявили о стремлении наращивать ее поддержку. Британский премьер К. Стармер заявил о создании «коалиции желающих» по урегулированию в Украине, в которую могут войти свыше 30 государств. Свое участие в этой коалиции допустили Франция, Великобритания, Литва, Эстония, Швеция, Дания, Канада, Ирландия, Австралия. Великобритания и Франция также предложили план о размещении 30 тыс. военных в Украине после достижения мирного соглашения. В целом очевидно, что европейские лидеры теряют инициативу в украинской проблеме.

Следует отметить, что идут активные консультации США со своими союзниками, в том числе в рамках НАТО. Обсуждается не только Украина, но и другие вопросы, например, трансформация американского присутствия в европейских странах НАТО, проблема повышения тарифов со стороны США на европейскую продукцию и др.

Переговорный процесс по украинскому конфликту в феврале–марте 2025 г. демонстрирует своего рода «возвращение» дипломатии как основного механизма урегулирования спорных вопросов в международных отношениях и имеет ряд особенностей.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что основную роль в переговорах играют государства (в первую очередь крупные), причем принципиальные вопросы обсуждают лидеры государств. Многосторонние переговорные площадки (ООН, ОБСЕ) в этом процессе менее задействованы, снижена роль Европейского союза как субъекта международного общения. В пере-

говорном процессе администрацией США широко используется принцип «челночной дипломатии», с помощью которого США наладили эффективную коммуникацию со всеми сторонами конфликта и тем самым обозначили свое влияние и поставили себя в «центр» процесса. Для переговорного процесса характерно активное информационное, медийное сопровождение, сочетание публичности и закрытости, наблюдается высокий уровень востребованности экспертно-аналитического сообщества.

С учетом высокой динамики ситуации важным аспектом происходящего является информирование/координация действий основных участников переговоров (Россия и США) со своими военно-политическими союзниками. Так, необходимость «сверить» часы в новых геополитических условиях во многом определила содержание встречи Президентов Беларуси и России в Москве 13–14 марта 2025 г.

Переговоры по украинской проблематике ожидаются многоаспектные, они затронут вопросы прекращения военных действий, границ, гарантий безопасности, статуса Украины, ее будущего восстановления. Предположительно, за основу могут быть взяты Стамбульские договоренности марта 2022 г. между Россией и Украиной. Как представляется, в широком плане договоренности должны способствовать снижению напряженности в регионе с выходом на сокращение соответствующих арсеналов и обновленную конфигурацию структуры безопасности в регионе, которая может быть основана на обновленной Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе [4]. Возможна серия договоренностей между Россией и США, включая прежде всего двусторонние аспекты отношений, как основы для последующих соглашений, достижения мирного урегулирования между Россией и Украиной и легитимизации этих процессов на уровне Совета Безопасности ООН. В настоящее время важным является начало широкого диалога, который отвечает интересам всего мирового сообщества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Глобальная торговля в 2025 году: риски нарастают // Организация Объединенных Наций. – 14.03.2025. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/03/1462256> (дата обращения: 16.03.2025).
2. Телефонный разговор с Президентом США Дональдом Трампом // Президент России. – 12.02.2025. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/76259> (дата обращения: 15.03.2025).
3. Телефонный разговор с Президентом США Дональдом Трампом // Президент России. – 18.02.2025. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/76477> (дата обращения: 15.03.2025).
4. Русакович, А. Запад осознал необходимость корректировки своей линии в отношении России // Евразия. Эксперт. – 24.02.2025. – URL: <https://eurasia.expert/andrey-rusakovich-zapad-osoznal-neobkhodimost-korrektirovki-svoey-linii-v-otnoshenii-rossii/> (дата обращения: 24.02.2025).

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРАЗИИ. РОЛЬ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Н. Н. Беленченко

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, belenchenkoNN@bsu.by*

Статья посвящена анализу современных вызовов и угроз безопасности на евразийском пространстве, а также роли Республики Беларусь в их преодолении. Рассматриваются ключевые аспекты функционирования таких организаций, как ОДКБ, ЕАЭС и ШОС, а также белорусские инициативы, направленные на укрепление многостороннего сотрудничества и создание устойчивой системы евразийской безопасности. В статье подчеркивается роль Беларуси как стратегического участника интеграционных процессов, ее вклад в формирование архитектуры равной и неделимой безопасности в Евразии, в том числе посредством разработки Евразийской хартии многообразия и многополярности в XXI в. Основные выводы акцентируют внимание на перспективах углубления сотрудничества в области коллективной безопасности, экономической интеграции и устойчивого развития, что может способствовать формированию сбалансированной и предсказуемой системы международных отношений в регионе.

Ключевые слова: ЕАЭС; евразийская безопасность; Евразийская хартия многообразия и многополярности; Евразия; ОДКБ; Республика Беларусь; ШОС.

CURRENT CHALLENGES AND THREATS TO SECURITY IN EURASIA. THE ROLE OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN ENSURING SECURITY IN THE EURASIAN SPACE

N. Belenchenko

*Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, belenchenkoNN@bsu.by*

The article analyses current challenges and threats to security in the Eurasian region, as well as the role of the Republic of Belarus in overcoming them. It examines key aspects of the functioning of such organisations as the CSTO, the EAEU and the SCO, as well as Belarusian initiatives aimed at strengthening multilateral cooperation and creating a sustainable system of Eurasian security. The article also emphasises the role of Belarus as a strategic participant in integration processes and its contribution to the formation of an equal and indivisible security architecture in Eurasia, including the development of the Eurasian Charter of Diversity and Multipolarity in the XXI century. The main conclusions focus on the prospects for deepening cooperation in the field of collective security, economic integration and sustainable development, which can contribute to the formation of a balanced and predictable system of international relations in the region.

Keywords: EAEU; Eurasian security; Eurasian Charter of Diversity and Multipolarity; Eurasia; CSTO; Republic of Belarus; SCO.

В современном мире, где геополитические вызовы становятся все более сложными и многогранными, обеспечение безопасности на евразийском пространстве приобретает особое значение. Республика Беларусь, занимая стратегически важное положение в центре Европы, играет ключевую роль в укреплении стабильности и сотрудничества в регионе, а участие страны в таких организациях, как Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) делают ее важным игроком в формировании архитектуры евразийской безопасности.

Цель статьи – определить основные вызовы и угрозы безопасности в Евразии, проанализировать роль Республики Беларусь в их преодолении, а также текущие механизмы сотрудничества и перспективы развития. Особое внимание будет уделено деятельности региональных организаций с участием Республики Беларусь и белорусской инициативе по разработке Евразийской хартии многообразия и многополярности в XXI в. с точки зрения ее потенциального вклада в укрепление многополярного мира.

Евразийский континент занимает исключительно важное место в глобальной мировой системе. Для континента характерно разнообразие политических систем, социально-экономических моделей, ценностей, религий, культур. Страны региона представляют различных акторов современного мира: Россия, Китай, США, Запад, Глобальный Юг, которые имеют различные, порой противоположные, подходы к формированию будущей системы международных отношений.

После распада биполярной системы международных отношений на континенте сложились две условных «модели безопасности»: система европейской безопасности, опирающаяся на западные, либеральные представления, где значительная роль отводилась ОБСЕ, и «азиатский порядок», который характеризуется разнообразием, доминирующей ролью государства и абсолютизацией суверенитета, отрицанием неоколониальных форм взаимодействия, наличием конфликтности и силовой составляющей в межгосударственных отношениях [1].

Современные вызовы евразийской безопасности включают в себя не только традиционные военные угрозы, но и новые формы рисков, такие как кибертерроризм, гибридные войны, экономические санкции, дестабилизация логистических цепочек, демографические вызовы и экологические катастрофы. Более того, происходящие в последнее время структурные изменения в политике и экономике стран региона спровоцировали рост заинтересованности отдельных из них в укреплении своего лидерства и снижении влияния соперников. В данных реалиях основные усилия государств должны быть направлены на совместный поиск адекватных форм урегулирования конфликтов нового поколения, создания возможности для их предупреждения, а в случае возникновения и обострения – для их разрешения на взаимоприемлемой основе. Готовность государств Евразии к сотрудничеству по урегулированию региональных

конфликтов имеет многоуровневый характер: в рамках двусторонних связей и региональных организаций (ОДКБ, ШОС и др.).

Республика Беларусь, обладая опытом в области многостороннего сотрудничества, может сыграть ключевую роль в разработке стратегий противодействия этим угрозам. Исторически Беларусь всегда выступала за интеграционные процессы, направленные на укрепление политического, экономического и военного сотрудничества. Это стало основой для ее участия в таких организациях, как ОДКБ, ЕАЭС и ШОС.

Существенную роль в противодействии классическим формам угроз в Евразии может сыграть ОДКБ в силу ее многопрофильности и регионального характера. Так, основными задачами организации являются: обеспечение коллективной безопасности государств-членов; координация внешнеполитических позиций по проблемам международной и региональной безопасности; развитие военно-политического и военнотехнического сотрудничества; расширение взаимодействия по противодействию современным вызовам и угрозам безопасности (международный терроризм, наркотрафик, нелегальная миграция, транснациональная организованная преступность); реагирование на чрезвычайные ситуации, гуманитарные катастрофы; совершенствование сотрудничества в сфере информационной безопасности, обеспечении кибербезопасности, биологической безопасности.

Являясь одним из ключевых участников ОДКБ Республика Беларусь активно участвует в миротворческих силах и совместных военных учениях, которые направлены на повышение оперативной совместимости и готовности к реагированию на потенциальные угрозы. Кроме того, Беларусь выступает за укрепление правовой базы ОДКБ, предлагая инициативы, направленные на совершенствование механизмов предотвращения конфликтов и кризисного управления. Как отметил Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, «организация остается неотъемлемым элементом обеспечения безопасности ее государств-членов и Евразийского региона в целом» [2].

Деятельность Евразийского экономического союза в текущих реалиях международной обстановки следует рассматривать с точки зрения реализации заложенного в ней потенциала по созданию единого экономического пространства, гармонизации экономических и политических интересов государств-членов, развитию единого рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Отдельное внимание уделяется выработке механизма принятия ответных консолидированных мер реагирования на экономическое давление, оказываемое на государства – члены ЕАЭС третьими странами.

Как подчеркнул Президент Республики Беларусь, ЕАЭС должен стать «ведущей не только региональной, но и мировой экономической организацией. А будет экономика – к этому и политика придет, и военно-политическое сотрудничество» [3]. Также Беларусь выступает за углубление сотрудничества в области энергетической безопасности, что особенно

важно в условиях глобальных вызовов, связанных с изменением климата и переходом к зеленой экономике.

Полноправное членство Республики Беларусь в Шанхайской организации сотрудничества также открывает новые возможности для укрепления безопасности на евразийском пространстве. Беларусь рассматривает ШОС как основу для формирования архитектуры равной и неделимой безопасности в Евразии, активно поддерживает усилия ШОС по борьбе с терроризмом, экстремизмом и наркотрафиком, предлагая свои наработки в области кибербезопасности и защиты критической инфраструктуры. Участие Беларуси в ШОС также способствует усилению ее роли в формировании многополярного мира и укреплении региональной стабильности.

В контексте формирования евразийской системы безопасности и сотрудничества следует подчеркнуть значение инициативы Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко о разработке Евразийской хартии многообразия и многополярности в XXI в. Процесс воплощения в жизнь данной концепции происходит с учетом новых геополитических и международно-правовых реалий и ее выверенной гармонизации с выдвинутой Председателем КНР Си Цзиньпином глобальной инициативой в сфере безопасности. Одним из ее ключевых принципов является необходимость устранять коренные причины конфликтов, будь то на Ближнем Востоке, Балканах, Украине или в Юго-Восточной Азии. В этом залог созидания более справедливого мироустройства и подлинной многосторонности. Также инициатива не используется против какой-либо страны – напротив, важен диалог со всеми потенциальными участниками, включая европейские государства, соблюдение принципов уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела и равноправного сотрудничества между государствами [4].

Ожидается, что разрабатываемая архитектура безопасности не будет ограничена военно-политическими аспектами, а ее неотъемлемыми элементами станут социально-экономическая, культурная, климатическая и экологическая составляющие. Кроме того, отдельное внимание планируется уделить сотрудничеству в области здравоохранения.

На данный момент белорусское предложение поддержано российской стороной, о чем свидетельствует подписанное 22 ноября 2024 г. по результатам заседания коллегий внешнеполитических ведомств Беларуси и России совместное видение Евразийской хартии многообразия и многополярности в XXI в. [4]. Также в марте 2025 г. по результатам переговоров президентов Республики Беларусь и Российской Федерации было принято совместное заявление, в котором отмечается, что новые военно-политические реалии создают необходимость формирования устойчивой системы евразийской безопасности на основе принципа равной и неделимой безопасности. В данной связи главы государств призвали все страны содействовать выстраиванию архитектуры безопасности в Евразии для решения проблем международного и регионального развития, в том чис-

ле поддержать их совместную инициативу о разработке Евразийской хартии многообразия и многополярности в XXI в.

Таким образом, Беларусь активно выступает за формирование многополярного мира, где каждая страна имеет возможность вносить вклад в глобальную безопасность и развитие. В условиях усиления геополитической конкуренции Беларусь предлагает использовать многосторонние форматы сотрудничества, такие как ОДКБ, ЕАЭС и ШОС, для решения общих проблем. Инициативы Беларуси направлены на создание баланса сил, который позволит избежать доминирования одной страны или группы стран и обеспечит равноправное участие всех государств в международных делах.

На этом фоне необходимым для стабильности и развития Евразии выглядит создание совместного механизма безопасности, наряду с прочным политическим и экономическим сотрудничеством. Предполагается, что евразийская система безопасности будет основываться на следующих основных принципах, определяющих ее структуру и цели:

- 1) участие и принятие решений на основе консенсуса («никаких особых мнений»);
- 2) учет географического фактора с целью развития инклюзивности и объединения всех стран Евразии;
- 3) продвижение принципа готовности к взаимодействию со всеми существующими многосторонними организациями для снижения конфронтации и разработки совместных, а не конкурентных целей;
- 4) минимизация внешнего военного присутствия путем снижения зависимости от иностранных сил;
- 5) нацеленность на приоритет экономического развития, способствующего процветанию, в том числе на основе безопасности.

Говоря о перспективах развития евразийской безопасности можно с уверенностью ожидать дальнейшего укрепления роли ОДКБ, ЕАЭС и ШОС в ее обеспечении. Для ОДКБ ключевыми направлениями станут повышение оперативной готовности и развитие новых механизмов реагирования на гибридные угрозы. В рамках ЕАЭС акцент будет сделан на углубление экономической интеграции и создание единого пространства безопасности, включая защиту критической инфраструктуры. Что касается ШОС, то полноправное членство Беларуси может быть использовано для расширения сотрудничества в области борьбы с терроризмом, экстремизмом и киберугрозами. Более того, Беларусь может стать инициатором создания новых форматов сотрудничества, направленных на укрепление безопасности в регионе. Одним из таких может стать платформа для обмена опытом и лучшими практиками в области кибербезопасности, защиты данных и борьбы с дезинформацией.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что евразийская безопасность, в отличие от европейской, феномен не военно-политический. Это модель комплексного развития Евразии и реализации ее огромного потенциала. В условиях же современных геополитических вы-

зовов развитие евразийской безопасности зависит от способности стран региона объединить усилия для решения общих проблем и создания новых механизмов взаимодействия. Ключевую роль в этом процессе готова играть Республика Беларусь в силу ее опыта, стратегического положения и приверженности принципам многополярности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Русакович, А. О Большой Евразии как модели современного мира / А. Русакович // СБ – Беларусь сегодня. – 31.10.2024. – URL: <https://www.sb.by/articles/evraziyskaya-bezopasnost-integratsiya-mnogopolyarnyy-mir-aleksandr-lukashenko-i-vladimir-putin-prinya.html> (дата обращения: 14.03.2025).
2. Сессия Совета коллективной безопасности ОДКБ // Президент Республики Беларусь. – 23.11.2023. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/sammit-organizacii-dogovora-o-kollektivnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 14.03.2025).
3. Участие в заседании Высшего Евразийского экономического совета в Санкт-Петербурге // Президент Республики Беларусь. – 25.12.2023. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/uchastie-v-zasedanii-vysshego-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soveta-v-sankt-peterburge> (дата обращения: 15.03.2025).
4. Совместное видение Евразийской Хартии многообразия и многополярности в XXI веке // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – 02.12.2024. – URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/e17826d893bofef2.html (дата обращения: 17.03.2025).

НОВЫЙ ЭТАП ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ? ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ДИПЛОМАТИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

И. М. Авласенко

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, AvlasenkIM@bsu.by*

В статье поставлен вопрос о начале нового этапа в эволюции системы европейской безопасности после прихода к власти второй администрации Д. Трампа в США. Предпринята попытка обрисовать особенности данного этапа, раскрыть ключевые возможности и вызовы для дипломатии Республики Беларусь. С одной стороны, показано, что переформатирование региональной системы международных отношений влечет за собой более благоприятные возможности для участия в общеевропейском диалоге, для частичного возобновления контактов с западными соседями. С другой стороны, показано, что ключевым вызовом для дипломатии Республики Беларусь может стать сохранение региональной военно-политической напряженности при общем снижении потенциала для защиты национальных интересов, маневрирования и предложения «добрых услуг».

Ключевые слова: дипломатия Беларуси; европейская безопасность; Европейский союз; Республика Беларусь; Соединенные Штаты Америки; трансатлантические отношения.

A NEW STAGE OF TRANSFORMATION OF THE EUROPEAN SECURITY SYSTEM? CHALLENGES AND NEW OPPORTUNITIES FOR THE DIPLOMACY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

I. Aulasenka

*Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, AvlasenkIM@bsu.by*

The article raises the question of the beginning of a new stage in the evolution of the European security system after the second Trump administration came to power in the United States. An attempt is made to outline the features of this stage, to reveal the key opportunities and challenges for the diplomacy of the Republic of Belarus. On the one hand, it is shown that the reformatting of the regional system of international relations entails more favorable opportunities for participation in the pan-European dialogue, for partial resumption of contacts with Western neighbors. On the other hand, it is shown that the key challenge for the diplomacy of the Republic of Belarus may be the preservation of regional military and political tensions with a general decrease in the potential for protecting national interests, maneuvering and offering «good services».

Keywords: diplomacy of Belarus; European security; European Union; Republic of Belarus; transatlantic relations; United States.

Предыдущая архитектура системы европейской безопасности доказала свою тупиковость, приведя в 2022 г. к полномасштабному вооруженному конфликту между Россией и Украиной (а по сути – приняв характер глобального противостояния между теми политическими силами в западном мире, кто привержен атлантистскому союзу и его глобальному доминированию, и теми государствами, которые отстаивают приверженность парадигме многополярного мироустройства). За три года прямое и опосредованное вооруженное противостояние пришло в патовое состояние. Для получения решительного перевеса в противостоянии Российской Федерации не хватило материальных ресурсов и научно-технического потенциала, а руководство западных стран не смогло согласовать более жесткую политическую линию из-за страха перед негативными экономическими последствиями своих решений и недовольством со стороны избирателей.

События начала 2025 г., а именно приход к власти в США новой администрации Д. Трампа, позволяют сделать осторожный вывод о том, что стартовал новый этап трансформации архитектуры европейской безопасности. Хотя сама система пока находится в состоянии турбулентного неустойчивого состояния, целый ряд высказываний американских, российских, европейских политиков говорит о том, что ключевые стейкхолдеры стараются выйти из патовой ситуации и нащупывают пути к тому, чтобы прекратить боевые действия и выйти на новую форму равновесия. В связи с этим стоит попытаться обозначить принципы, на которых может быть выстроена обновленная европейская система международных отношений. А также ответить на вопрос: какие новые возможности и вызовы для дипломатии Республики Беларусь в ней появляются? Поиск ответов на эти вопросы и является предметом данной статьи.

На текущий момент заметны несколько тенденций, которые неизбежно повлияют на характерные черты нового этапа эволюции системы европейской безопасности. Во-первых, происходит размывание трансатлантической солидарности и ослабление институциональной основы трансатлантического военно-политического союза. Знаковой в этом отношении стала речь вице-президента США Джей ди Вэнса на Мюнхенской конференции по безопасности 14 февраля 2025 г., в которой он фактически провозгласил отказ от обязанностей США защищать Европу [1]. После выступления Вэнса даже прозвучал тезис о том, что «трансатлантический союз» мертв [2]. И если ранее информация о намерении Д. Трампа отказаться от обязательств по защите европейских членов НАТО циркулировала на уровне слухов [3], то теперь, после ряда выступлений американских политиков, это становится реальностью. Опирируя терминологией З. Бжезинского, США во внешней политике, исповедуя принцип *America first*, переходят от парадигмы «глобального лидерства» к доктрине «мировой гегемонии» [4], в рамках которой давление оказывается не только на крупнейших стратегических соперников, но и на союзников.

Во-вторых, со сменой администрации Вашингтон стремится выступить в качестве посредника в процессе урегулирования российско-укра-

инского конфликта. США здесь преследуют прежде всего свои собственные интересы, монополизировав диалог с Москвой и Киевом и стремясь определить наиболее выгодные для себя контуры послевоенного урегулирования. Однако следствием этой интенции является смена подхода в отношениях с Российской Федерацией, начало нормализации двустороннего взаимодействия в отдельных сферах. В том числе это касается диалога о новых контурах общеевропейской системы безопасности.

В-третьих, на фоне этих процессов происходят попытки военно-политической консолидации и автономизации Евросоюза. Однако этот процесс может вызвать сопротивление, как внешнее, со стороны Москвы и Вашингтона, так и внутреннее. Во многих странах Евросоюза усиливается поддержка правых политических сил, которые отличаются евроскептицизмом и которым выражает поддержку администрация Д. Трампа. В связи с этим процесс осложняется противоречиями между теми политическими силами, которые отстаивают идею консолидации и унификации военно-политической сферы Евросоюза, и теми, кто выступает за сохранение и укрепление национальной государственности внутри ЕС.

Таким образом, если движущим принципом предыдущей архитектуры европейской безопасности была консолидация коллективного Запада против Российской Федерации и Республики Беларусь, то в настоящий момент происходит частичное возвращение к тем формам, которые существовали во время «холодной войны»: решение ключевых европейских проблем зависит от способности Вашингтона и Москвы найти к ним согласованный общий подход. США отошли от парадигмы администрации Дж. Байдена, которая базировалась преимущественно на идеологическом подходе, и перешли к более прагматичной политике Д. Трампа. Однако не исключено, что такой тренд столкнется с сопротивлением большинства государств Евросоюза, стремящихся упрочить собственную коллективную субъектность на международной арене.

Ситуация, которая стала вырисовываться после января 2025 г., настолько необычна, что для характеристики данного этапа трансформации автор статьи употребил бы термин «опрокидывание» по отношению к прежней модели архитектуры европейской безопасности. Действия новой администрации США напоминают эмоциональный порыв игрока в шахматы, который просто опрокидывает стол с шахматной доской и фигурами. Это напоминает и январскую обложку журнала «*Time*», на которой Д. Трамп смахивает все, что осталось на президентском столе от Д. Байдена, совершая революцию как во внутренней политике, так и во внешней [5].

В отличие от предыдущей региональной системы международных отношений, которая характеризовалась нарастающей эскалацией между западными странами и Москвой, сейчас появилась реальная возможность выйти на общеевропейское долгосрочное урегулирование и формирование новой системы договоренностей. Однако успех этой перспективы зависит от результатов украинского урегулирования, от способности Вашингтона и

Москвы найти точки согласия по дискуссионным вопросам. После прекращения боевых действий между Россией и Украиной и определения первых параметров мирного урегулирования, могут быть созданы предпосылки для более широкого диалога о формировании обновленной архитектуры безопасности в Европе. В этих условиях изменится региональная среда и могут появиться новые возможности для обеспечения национальных интересов Республики Беларусь. Какие благоприятные возможности это несет для белорусской дипломатии? Во-первых, само прекращение боевых действий недалеко от наших границ является фактором, снижающим общую напряженность. Оно дает возможность на практике перейти к обсуждению сценария «Хельсинки 2.0», о котором руководство Республики Беларусь говорило во второй половине 2010-х гг. [6].

Во-вторых, столкнувшись с уменьшением желания Вашингтона вкладываться в европейскую оборону и перспективой частичного вывода американского контингента [7], правительства стран Прибалтики и Польша окажутся перед необходимостью придерживаться более ответственной внешнеполитической линии. До этого на протяжении 20 лет, с момента вступления в Евросоюз и НАТО, руководители этих государств нередко использовали провокативную обвинительную риторику в отношении восточных соседей, опираясь на общий военный потенциал стран Запада и рассчитывая на готовность союзников оказать помощь в рамках статьи 5 Вашингтонского договора. В нынешних обстоятельствах, оказавшись перед перспективой обороняться сугубо своими силами, сильно уступая Российской Федерации в военном потенциале, политические силы стран Прибалтики могут смягчить риторику. Такая смена статус-кво в среднесрочной перспективе может стать прологом к смягчению риторики и готовности к возобновлению конструктивного диалога с официальным Минском.

Вместе с тем, следует сделать важную оговорку: реализация указанного варианта зависит от военно-политической динамики в регионе. Если в ближайшей перспективе продолжится спираль эскалации, которая выразится в наращивании как военно-политической группировки НАТО в странах Прибалтики, так и региональной союзной белорусско-российской группировки, то потепление политических отношений также будет отложено. В связи с этим следует обозначить и ряд вызовов для белорусской дипломатии, которые могут появиться в обновленной региональной системе международных отношений.

Во-первых, существует риск, что в обновленной системе международных отношений в Европе ведущую роль будут отыгрывать государства, доминирующие в военно-политическом отношении, в то время как значение малых и средних государств будет снижено. Особенно вероятно это на этапе ее формирования, успех чего зависит от непосредственных договоренностей между ключевыми акторами. То есть риск заключается в том, что место и роль Республики Беларусь в обновленной системе региональной безопасности будет определяться преимущественно внешними факторами. Второй сложностью является то, что ключевая линия напряженности

в европейском регионе, т. е. линия соприкосновения ведущих военно-политических блоков региона – НАТО и ОДКБ – даже после частичной нормализации американо-российских отношений все равно будет проходить по западной границе Беларуси. А это означает сохранение военно-политических рисков для нашей страны на высоком уровне. Обобщая, можно сказать, что ключевым вызовом для Республики Беларусь в обновленной региональной системе европейской безопасности может стать сохранение военно-политической напряженности при общем снижении потенциала для защиты национальных интересов, маневрирования и предложения «добрых услуг». Это может приглушить голос Минска в процессе формирования обновленной системы европейской безопасности.

На протяжении первой половины 2020-х гг. существенно поменялись геополитические реалии: Республика Беларусь упрочила свои контакты с Российской Федерацией в рамках Союзного государства, контакты с Западом были значительно редуцированы. С учетом этих обстоятельств представляется, что место Беларуси в обновленной архитектуре европейской безопасности может быть близким к тому, которое занимает Великобритания. Подобно тому, как у Лондона, уже не являющегося ныне членом Евросоюза, сохраняются «особые отношения» с Вашингтоном на западном фланге европейского региона, так и у Минска поддерживаются особые отношения с Москвой, скрепленные обновленной нормативно-правовой базой Союзного государства, а именно союзными программами интеграции, Концепцией информационной безопасности (2023 г.), Концепцией безопасности (2024 г.) и Договором о гарантиях безопасности (2024 г.). Тем не менее, в случае конструктивного подхода со стороны США и стран Евросоюза Республика Беларусь может выдвинуть отдельные инициативы для нормализации отношений с западными соседями, внося вклад в возобновление диалога и снижение региональной напряженности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Hains, T. Full Speech: Vice President JD Vance Tells Munich Security Conference “There's A New Sheriff In Town” / T. Hains // Real Clear Politics. – 14.02.2025. – URL: https://www.realclearpolitics.com/video/2025/02/14/full_speech_vice_president_jd_vance_addresses_munich_security_conference.html (date of access: 17.03.2025).
2. Champion, M. Trump's New World Order: The Transatlantic Alliance Is Dead / M. Champion // Bloomberg. – 17.02.2025. – URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2025-02-17/trump-s-new-world-order-the-transatlantic-alliance-is-dead> (date of access: 17.03.2025).
3. Трамп рассказал, как пригрозил не защитить НАТО при нападении России // РБК. – 11.02.2024. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/02/2024/65c869f09a794759a518c951> (дата обращения: 17.03.2025).
4. Бжезинский, З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство: перевод с английского / Збигнев Бжезинский. – М. : Междунар. отношения, 2005. – 287 с.
5. Calabresi, M. Donald Trump's Disruption Is Back / M. Calabresi // Time. – 19.01.2025. – URL: <https://time.com/7207806/trump-second-inauguration-oath-of-office/> (date of access: 19.03.2025).

6. Выступление Президента Беларуси на пленарном заседании, посвященном торжественному открытию 26-й сессии ПА ОБСЕ // БЕЛТА. – 05.07.2017. – URL: <https://www.belta.by/president/view/vystuplenie-prezidenta-belarusi-na-plenarnom-zasedanii-posvjaschennom-torzhestvennomu-otkrytiju-26-j-255952-2017/> (дата обращения: 17.03.2025).

7. Rachman, G. Vance's real warning to Europe / G. Rachman // Financial Times. – 17.02.2025. – URL: <https://www.ft.com/content/11f121f9-391c-4597-93f7-f12894e1b79d> (date of access: 18.03.2025).

РЕЗУЛЬТАТЫ ДОСРОЧНЫХ ВЫБОРОВ В БУНДЕСТАГ 2025 г.: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А. П. Соколов

*МГИМО МИД России,
пр. Вернадского, 76, 119454, г. Москва, Россия, a.sokolov@inno.mgimo.ru*

Статья посвящена рассмотрению итогов досрочных парламентских выборов в феврале 2025 г. для внешней и внутренней политики Германии. Представлены итоги электоральной кампании для немецких политических партий. В ходе предвыборной борьбы внешнеполитические вопросы обладали приоритетным вниманием избирателей. Рост голосов за оппозиционные партии АдГ и «Левая» фиксирует рост недовольства немецкого электората внешней политикой ФРГ, в том числе в рамках украинского кризиса. Новое немецкое правительство будет вынуждено учитывать данное обстоятельство в определении внешнеполитических приоритетов в сфере международной безопасности.

Ключевые слова: безопасность; внешняя политика Германии; выборы в бундестаг; Германия; Олаф Шольц; Фридрих Мерц.

RESULTS OF THE 2025 EARLY BUNDESTAG ELECTIONS: IMPLICATIONS FOR EUROPEAN SECURITY

A. Sokolov

*MGIMO University,
76 Vernadsky Avenue, Moscow 119454, Russia, a.sokolov@inno.mgimo.ru*

The article is devoted to the consideration of the results of the early parliamentary elections in February 2025 for the foreign and domestic policy of Germany. The results of the electoral campaign for German political parties are presented. During the election campaign, foreign policy issues were of priority attention among voters. The growth of votes for the opposition parties AfD and “The Left” records the growth of dissatisfaction of the German electorate with the foreign policy of Germany, including in the context of the Ukrainian crisis. The new German government will be forced to take this circumstance into account in determining foreign policy priorities in the sphere of international security.

Keywords: security; German foreign policy; Bundestag elections; Germany; Olaf Scholz; Friedrich Merz.

Досрочные выборы в бундестаг стали очередным свидетельством «правого поворота» в странах ЕС. Победу одержал консервативный блок ХДС/ХСС, провозгласивший отказ от меркелевского дрейфа влево. Второй финишировала оппозиционная правопопулистская «Альтернатива для Германии» (АдГ), набрав более 20 % голосов. Вылет из бундестага СвДП, казалось бы, выбивается из тенденции «поправения», однако немецких либералов подвел противоречивый опыт работы в «светофорной» коалиции в 2021–2024 гг.

Сравнительно высокий результат христианских демократов нельзя объяснить исключительно «поправением» европейского политического поля. Немецкий избиратель рассматривал голосование за бывшую «партию Меркель» как билет в благополучное недавнее прошлое, ассоциированное с «канцлерин». Показательное дистанцирование лидера ХДС Ф. Мерца от своей предшественницы подобным настроениям не мешало. Покинувший немецкую политику в начале 2000-х гг. юрист-миллионер Ф. Мерц символизировал консервативную Германию, какой она могла бы быть без А. Меркель. Так или иначе, на февральских выборах немецкий избиратель стремился скорее в идеализированное прошлое, чем в непредсказуемое будущее.

На пользу христианским демократам пошло и достигнутое взаимопонимание внутри блока. В отличие от выборов 2021 г. двум «сестринским» партиям – ХДС и ХСС – удалось сравнительно быстро договориться о фигуре кандидата на пост канцлера. Руководитель баварцев М. Зёдер, за исключением нескольких эпизодов, поддержал Ф. Мерца как будущего главу немецкого правительства. Электоральная кампания шла согласованно, и голоса за ХСС усилили блок консерваторов.

Другой «народной» партии – СДПГ – напротив, пришлось принять на себя основной удар от разочарованных работой «светофорной» коалиции избирателей. Худший более чем за полтора века результат социал-демократов показал, что кредит доверия избирателей исчерпан. «Эффект Шольца», вытянувший СДПГ из электорального болота в 2021 г., на этот раз не сработал. В ожесточенной конкуренции на левом фланге немецкой политики социал-демократы уступили «Левой» и даже активно критикуемым «зеленым».

На фоне обвала голосов у СДПГ потеря нескольких процентов партией «Союз 90/Зеленые» выглядит поправимым сбоем. Несмотря на противоречивые результаты работы возглавляемых «экологами» Министерства иностранных дел и Министерства экономики и защиты климата, достаточное число граждан ФРГ все еще верят в благостность форсированного перехода на возобновляемые источники энергии, «ценностной» внешней политики и избирательного пацифизма. «Зеленым» лучше других партий «светофорной» коалиции удалось переложить ответственность за провалы в работе правительства с себя на партнеров, а то и просто списать их на происки оппозиции.

Настоящее чудо удалось сотворить «Левой» партии. Еще за полгода до выборов ее фактически вычеркнули из большой немецкой политики. Проходной 5 %-й барьер представлялся для нее непреодолимой преградой. Однако кризис придал «Левой» свободу и гибкость в выборе электоральной стратегии. Партия вернулась к истокам и сделала упор на социально-экономические проблемы немецких граждан. Активно откликнулась молодежь, особенно страдающая от удорожания жизни в ФРГ. В результате партия не только осталась в бундестаге, но и почти удвоила свои показатели по сравнению с 2021 г.

Обратная ситуация сложилась у «Союза Сары Вагенкнехт» (ССВ). Амбициозный политический проект, взявший громкий старт в начале 2024 г., не выдержал проверку главным испытанием – выборами в бундестаг. После успешных кампаний в Европарламент и ландтаги восточных федеральных земель ССВ растерял свой пробивной импульс. Избиратель не понял – можно ли считать партию Вагенкнехт респектабельной и стабильной политической силой или это все еще бескомпромиссная оппозиционная и несколько маргинальная партия. Предвыборная риторика ССВ как по форме, так и по содержанию также оставляла широкое поле для трактовок о реальном позиционировании партии в немецкой политике. Для протестного электората она осталась слишком нерешительной, а частью политического мейнстрима С. Вагенкнехт так и не стала.

Эмоционально восприняли свое поражение на выборах и вылет из бундестага либералы. Многолетний лидер СвДП К. Линднер объявил о своей отставке, подведя черту под целой эпохой внутри партии с яркими победами и горькими неудачами. Либералов утянуло на дно репутации политической силы, торпедировавшей работу «светофорной» коалиции своей недостаточно гибкой финансовой политикой.

Наконец, важнейший итог выборов – двукратный рост популярности «Альтернативы для Германии», которому не смогли помешать ни внешнее давление, ни провокации. Технически представляется возможным говорить о том, что в ФРГ образовалась новая «народная» партия, представляющая широкие слои общества. Карты с избирательными округами, демонстрирующие, что электорат АдГ сконцентрирован на территории бывшей ГДР, не должны вводить в заблуждение. Более детальный анализ показывает рост числа сторонников партии и в западных федеральных землях. Основным залогом роста популярности АдГ – не столько действия самой партии, сколько очевидные неудачи «светофорной» коалиции. Экономика, миграционный вопрос, безопасность – ни одна из этих проблемных для немецкого государства тем не была «оздоровлена» в годы канцлерства Олафа Шольца.

В то же время активная поддержка АдГ со стороны представителей команды президента США Д. Трампа не привела к существенному росту ее поддержки. Значительное число немецких избирателей готовы дать шанс партиям политического мейнстрима навести в стране порядок. А основным электорат АдГ больше волнуют конкретные проблемы на местах, чем оценка заокеанского партнера.

От нового правительства в формате «большой» коалиции ожидают слаженной и быстрой работы. Нет никаких гарантий, что Ф. Мерц удастся с наскока распутать гордиев узел немецкого поликризиса. Не ясно и то, как сложатся у него отношения с администрацией Трампа, тогда как от этого контакта зависят основные направления внешней политики Берлина.

Наиболее вероятный итог досрочных выборов в бундестаг – формирование «большой» коалиции из двух «народных» партий: блока ХДС/

ХСС и СДПГ. После негативного опыта работы «светофора» немецкий политикум постарается избежать трехпартийного правительства. Формат *GroKo* (нем. *Grosse Koalition*) впервые был опробован еще в 1966 г. и с тех пор неоднократно управлял ФРГ. В «эру Меркель» его критиковали за размытие идейных основ как у христианских демократов, так и у СДПГ.

От совместной работы двух крупнейших политических сил ФРГ обыватели будут ожидать возвращения спокойных времен А. Меркель, каким бы хрупким с точки зрения сегодняшнего дня ни казалось внешнее благополучие Германии в первые десятилетия XXI в. Нет признаков того, что ХДС и СДПГ смогут запустить машину времени и разом исправить все проблемы немецкого общества и государства. Однако Ф. Мерц, как давний соперник А. Меркель, символизирует так и не реализованный консервативный поворот, которой еще можно успеть совершить, сделав Германию снова процветающей. Солидный возраст кандидата на пост канцлера от христианских демократов является в этом смысле конкурентным преимуществом, отсылающим к политическому феномену первого канцлера ФРГ К. Аденауэра.

Показательно, что поликризис современной ФРГ, с которым предстоит иметь дело новому правительству, имеет преимущественно внешнеполитическое измерение. На это указывают не только оппозиционные партии, но и респектабельный немецкий политикум. В ходе предвыборных дебатов О. Шольц обвинил Россию и в миграционном кризисе, и в инфляции, и в деиндустриализации ФРГ.

Немецкое руководство пыталось использовать украинский конфликт как импульс для внутренних преобразований. Декларируемый приоритет поддержки Киева любыми силами и средствами стал универсальной объяснительной моделью происходящих в ФРГ тревожных процессов. Даже вопросы локального характера приобретали внешнеполитическое измерение. Неслучайно с подачи АдГ и «Союза Сары Вагенкнехт» выборы в ландтаги Саксонии, Тюрингии и Бранденбурга в 2024 г. прошли под знаком обсуждения роли и места Германии в украинском кризисе, хотя возможности федеральных земель влиять на международные отношения ограничены.

Став наряду с США лидером в объемах военной и финансовой помощи Киеву, Германия не смогла трансформировать этот статус в рост международного авторитета даже среди своих союзников. Восточноевропейские соседи продолжают упрекать Берлин в непоследовательности, припоминая колебания немецких политиков в первые месяцы украинского конфликта. Франко-германский тандем так и не стал драйвером ЕС, как и форматом ретрансляции консолидированной позиции всех государств союза. Наконец, американо-германские отношения после второго прихода Д. Трампа на пост президента США выглядят особенно непростыми.

Не лучше ситуация и с государствами мирового большинства. На фоне активности крупных международных игроков Берлин теряет свою

привлекательность как ценный партнер. Комбинация экспортно-ориентированной экономики и ценностной внешнеполитической риторики утратила уникальность и эффективность. Спор Берлина и Пекина вокруг дешевых китайских электромобилей, попадающих на рынок ЕС, показывает уязвимость статуса «мастерской мира» в категории высокотехнологичной продукции.

Наконец, самая сложная ситуация сложилась в российско-германских отношениях. Разрыв энергетического сотрудничества с Москвой открыл для немецкой экономики ящик Пандоры. Доступные российские энергоносители не удалось заменить ни за счет обращений к альтернативным поставщикам, ни через ускоренный переход на «зеленую» энергетику. Выстраивавшиеся десятилетиями контакты в экономике, науке, образовании, культуре и других сферах были разорваны по инициативе немецкой стороны.

Не преувеличивая место России в иерархии внешнеполитических приоритетов ФРГ, представляется справедливым отметить, что именно состояние российско-германских отношений будет показателем эффективности нового германского правительства. Именно в диалоге с Москвой немецкому руководству предстоит проявлять готовность к защите своих витальных интересов. Следование Берлина деструктивному курсу на цементирование разрыва с российской стороной приведет не к укреплению, а к размыванию доверия со стороны трансатлантических союзников, поскольку продемонстрирует дефицит стратегического целеполагания.

Оппозиционные партии «Альтернатива для Германии» и «Союз Сары Вагенкнехт» выступают за нормализацию российско-германских отношений. Даже если ни одна из них не окажется представленной в правительстве, их рейтинги показывают, что около трети немецких избирателей не разделяют нынешний конфронтационный курс Берлина. Игнорирование общественного запроса на новые подходы во внешней политике рискует подорвать доверие к новому немецкому руководству едва ли не быстрее, чем очередное обострение миграционного кризиса.

*Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ-БРФФИ (24-48-10015)
«Трансформация военно-политических, энергетических
и социально-гуманитарных аспектов системы европейской безопасности:
значение для Союзного государства».*

РАЗДЕЛ II ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

КАК МЫ (СССР, УССР И БССР) ВЫХОДИЛИ ИЗ ВОЗ В 1949 г.

В. Е. Снапковский

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, snap@bsu.by*

Рассматривается исторический опыт советской дипломатии, связанный с выходом СССР, УССР и БССР из Всемирной организации здравоохранения в 1949 г. Причины выхода изложены в телеграмме заместителя министра здравоохранения СССР М. А. Виноградова генеральному директору ВОЗ Б. Чизхольму 12 февраля 1949 г. Вслед за тремя советскими делегациями из ВОЗ вышли 6 восточноевропейских стран. Описана реакция руководства ВОЗ на решение СССР, убеждавшего Москву сохранить активное членство в организации. Показан процесс возвращения СССР к «активному членству» в ВОЗ в 1956–1957 гг. без участия УССР и БССР.

Ключевые слова: Всемирная организация здравоохранения; Советский Союз; Белорусская ССР; Украинская ССР; Восточная Европа.

HOW WE (SOVIET UNION, UKRAINIAN SSR AND BELARUSIAN SSR) LEFT THE WHO IN 1949

U. Snapkouski

*Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, snap@bsu.by*

The article examines the historical experience of Soviet diplomacy associated with the withdrawal of the USSR, the Ukrainian SSR and the Belarusian SSR from the World Health Organization in 1949. The reasons for the withdrawal were set out in a telegram from the Deputy Minister of Health of the USSR M. A. Vinogradov to the Director General of WHO B. Chisholm on February 12, 1949. Following the three Soviet delegations, six Eastern European countries withdrew from WHO. The article describes the reaction of the WHO leadership to the decision of the USSR, which persuaded Moscow to maintain active membership in the organization. The process of the USSR's return to “active membership” in WHO in 1956–1957 without the participation of the Ukrainian SSR and the Belarusian SSR is shown.

Keywords: World Health Organization; Soviet Union; Belarusian SSR; Ukrainian SSR; Eastern Europe.

Толчком для написания текста стала политика президента Д. Трампа по выходу США из ряда международных организаций: БАПОР, ВОЗ, Совета ООН по правам человека. Намечается новый выход из ЮНЕСКО.

Опубликована инициатива одного из сенаторов, направленная на выход США из ООН. По оценкам специалистов, выход из ООН маловероятен, но возможны разные варианты [1]. В соответствии с указом Д. Трампа от 21 января 2025 г. США выходят из ВОЗ по следующим причинам: 1) организация не справилась пандемией *COVID-19*, возникшей в китайском городе Ухань, и с другими глобальными кризисами в области здравоохранения; 2) она не смогла провести реформы и продемонстрировать «независимость от неподобающего политического влияния стран-членов ВОЗ»; 3) в связи с несоразмерными и обременительными взносами, которые США делали в ВОЗ. США являются крупнейшим спонсором ВОЗ, на долю которых приходилась почти пятая часть ее бюджета, составляющего около 6,8 млрд дол. США [2]. В указанных причинах очевиден китайский след и акцент на обеспечении американских интересов.

С точки зрения международного права выход страны из ВОЗ невозможен по Уставу ВОЗ, не предусматривающем право выхода из организации [3, с. 428, 446]. Нет этого права и в Уставе ООН. С другой стороны, Устав ООН, как и любой другой международный договор, в том числе Устав ВОЗ, может быть денонсирован государством-участником согласно тому же международному праву, что вытекает из принципа суверенитета государства. Как известно, государства являются главными, основными и первичными субъектами международного права и международных отношений, которые создают вторичные субъекты – международные правительственные организации, в том числе ООН и ВОЗ. Из этой же позиции исходит Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. История с США показывает, что они выходят из тех или иных международных организаций, а затем возвращаются в них через некоторое время.

Теперь обратимся к историческому опыту советской дипломатии, проводившей в первое послевоенное десятилетие политику абсентеизма в отношении специализированных учреждений ООН. Эту проблему применительно к ВОЗ автор исследовал в докторской диссертации о внешнеполитической деятельности БССР в 1944–1953 гг. и последующих публикациях [4, с. 159–167; 5, с. 169–170]. Она же нашла отражение в сборнике документов «Беларусь в политике соседних и западных государств» (т. 4, 1944–1991 гг.), куда включены 34 выявленных нами документа из Архива внешней политики Российской Федерации [6, с. 198–202, 236–248 и др.].

Кратко канва исторических событий, связанных с началом деятельности БССР в ВОЗ, выглядит следующим образом. Делегация БССР во главе с заместителем министра здравоохранения БССР Н. Т. Евстафьевым вместе с делегациями СССР и УССР приняла активное участие в Международной конференции по здравоохранению (июнь–июль 1946 г., Нью-Йорк). 22 июля 1946 г. представители 61 государства подписали Устав ВОЗ. БССР присоединилась к Уставу 7 апреля 1948 г. и в этот же день он вступил в силу, поскольку было получено 26 необходимых ратификаций и присоединений. БССР вместе с СССР, УССР и остальными 58 государствами считается государством-основателем ВОЗ [4, с. 159–162].

Делегация БССР приняла участие в 1-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения (ВАЗ) (24 июня – 24 июля 1948 г.) и была избрана на максимальный трехлетний срок в число 18 государств-членов, которые имели право назначить членов Исполнительного комитета – одного из главных органов ВОЗ. Так БССР стала членом Исполкома ВОЗ [7, с. 293]. В 1949 г. в советской политике относительно этой организации наступил резкий поворот. СССР, УССР и БССР заявили о выходе из ВОЗ по причине ее неудовлетворительной работы, после чего из ВОЗ вышли также 6 восточноевропейских стран – Албания, Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Чехословакия [8]. Поскольку Уставом ВОЗ не был предусмотрен выход государств из организации, подавшие заявления страны советского блока стали считаться «неактивными членами», за которыми сохранялась обязательство уплаты взносов [7, с. 348].

12 февраля 1949 г. заместитель министра здравоохранения СССР М. А. Виноградов направил телеграмму генеральному директору ВОЗ Б. Чизхольму, в которой сообщал, что Советский Союз не удовлетворен деятельностью ВОЗ, что международные мероприятия по профилактике и борьбе с болезнями, а также деятельность по распространению достижений медицинской науки осуществляются организацией неудовлетворительно. В то же время содержание административного персонала требует больших финансовых затрат, которые становятся обременительными для государств – членов ВОЗ. Все это свидетельствует о том, что деятельность организации не соответствует целям, поставленным перед ней на конференции 1946 г. Учитывая вышеизложенное, Советский Союз заявил, что более не считает себя членом ВОЗ [4, с. 163]. Аналогичные заявления сделали заместители министров здравоохранения БССР и УССР. В 1949–1950 гг. к ним присоединились 6 стран Восточной Европы.

Реакция генерального директора ВОЗ Б. Чизхольма на телеграмму М. А. Виноградову последовала 17 февраля 1949 г.: «Ваше сообщение не может быть мною принято как уход из Организации, так как такая процедура не предусмотрена Уставом ВОЗ» [6, с. 236]. О выходе СССР, УССР и БССР из ВОЗ сообщалось в трех информационных письмах посланника СССР в Швейцарии А. Кулаженкова (штаб-квартира ВОЗ размещалась в Женеве) генеральному директору Б. Чизхольму от 7 марта 1949 г., к каждому из которых прилагались письма заместителей министров здравоохранения СССР, УССР и БССР о выходе трех стран из ВОЗ. Самих писем в архивном деле нет [6, с. 237–238]. 16 марта Б. Чизхольм сообщил заместителю министра здравоохранения БССР Н. Евстафьеву о получении его письма о выходе БССР из ВОЗ и выразил надежду, что правительство БССР найдет возможным изменить свое решение [6, с. 241].

Неделей раньше 9 марта 1949 г. Посольство Канады в СССР в письме в Министерство иностранных дел СССР выразило сожаление в связи с выходом СССР, УССР и БССР из ВОЗ и пожелание дальнейшего участия делегата СССР в работе Исполнительного комитета ВОЗ [6, с. 239]. 9 апреля 1949 г. Египетская королевская миссия в Москве направила письмо в

МИД СССР с сообщением, что представитель Египта в Исполкоме ВОЗ предложил отложить обсуждение вопроса о выходе СССР, УССР и БССР из ВОЗ. В письме подчеркивалось важное значение практического и научного опыта организации здравоохранения, достигнутого в СССР и констатировалось, что деятельность ВОЗ продолжается только 5 месяцев. Характерным было упоминание позиции представителя СССР на сессии ВАЗ в Нью-Йорке в июле 1948 г., который отказался включить в Устав ВОЗ статью о возможном выходе из организации какого-либо ее члена, что было принято ВАЗ [6, с. 242].

6 мая 1949 г. генеральный директор ВОЗ Б. Чизхольм направил письмо министру иностранных дел БССР К. В. Киселеву с выражением надежды, что БССР останется членом ВОЗ и направит свою делегацию на Вторую Всемирную ассамблею здравоохранения, однако эта попытка также не увенчалась успехом. В письме конкретно говорилось: «Как Вам известно, я продолжаю считать Белорусскую Советскую Социалистическую Республику членом Организации и очень искренне надеюсь, что она останется членом последней. Я дал указания моему персоналу в том смысле, что в наши отношения не будет внесено никаких изменений и что Вам будут по-прежнему направляться все документы, предложения услуг и прочая информация, которая предоставляется всем государствам-членам» [6, с. 247].

В апреле–мае 1949 г. директор административных и финансовых служб ВОЗ М. Сигель обращался с письмами в адрес министра здравоохранения СССР, где содержалась резолюция Исполкома ВОЗ об увеличении фонда оборотных средств и дополнительных взносах государств-членов в этот фонд. Дополнительная сумма от СССР исчислялась в 141 тыс. дол. США [6, с. 245–247]. (Можно с большой долей вероятности предполагать, что эта сумма рассчитывалась также на УССР и БССР). Но взносов со стороны трех советских делегаций в фонд ВОЗ не поступило.

Вторая сессия ВАЗ (июнь 1949 г.) приняла резолюцию, в которой выразила глубокое сожаление в связи с отсутствием представителей СССР, УССР и БССР на Ассамблее, а в отношении СССР и БССР – среди членов Исполнительного комитета, что затрудняет работу организации. Резолюция призвала три страны пересмотреть свое намерение и принять участие в работе настоящей и следующей сессий ВАЗ, а в отношении СССР и БССР – в сессиях Исполнительного комитета и полностью одобрила меры, принятые в этом отношении Исполнительным комитетом и Генеральным директором [7, с. 347].

Политика «систематического абсентеизма», которая проводилась «советским блоком» в специализированных учреждениях в 1950 г. в целях достижения представительства КНР в ООН не привела к успеху, а еще больше подорвала международные позиции «коммунистических» государств [9, с. 81]. Возвращение СССР на путь реализма и конструктивного сотрудничества со специализированными учреждениями стало возможным после прихода к власти нового советского руководства в 1953 г.

В июле 1955 г. во время работы 20-й сессии ЭКОСОС представитель СССР, положительно оценивший деятельность ВОЗ, заявил о присоединении Советского Союза к ней. В связи с тем, что руководство ВОЗ не признавало выхода СССР из организации и продолжало считать его «неактивным членом», процедуры принятия СССР в ВОЗ не было. 9-я сессия ВАОЗ (май 1956 г.) после рассмотрения принципов и политики, которые нужно применять при решении вопроса о задолженности по взносам стран-членов, не участвующих активно в работе ВОЗ, приняла резолюцию № 9.9, предусматривавшую уплату неактивными членами символической суммы в размере 5 % их ежегодного взноса в течение 10 лет [7, с. 348–349]. В 1957 г. членство в ВОЗ восстановили Болгария, Албания, Польша и СССР [4, с. 170]. Что касается БССР и УССР, они не восстановили своего активного членства в ВОЗ и не принимали участия в ее работе до начала 1990-х гг. Однако ВОЗ продолжала считать их «неактивными членами» [7, с. 368]. Видимо исходя из этого, второе, третье и последнее, четвертое (1984 г.) издания «Дипломатического словаря» указывали, что вместе с СССР членами ВОЗ являются также УССР и БССР [10, с. 223]. Республика Беларусь возобновила свое активное членство в ВОЗ в 1992 г.

Выход СССР, УССР и БССР из ВОЗ в 1949 г. и последующее возвращение СССР в организацию в 1957 г. (без двух союзных республик, членов ООН) представляет сложную и неоднозначную страницу в истории советской дипломатии и внешнеполитической деятельности советского государства. Вернувшись в ВОЗ при новом руководстве, Москва решила сэкономить финансы на участии УССР и БССР в этой организации. Такое состояние дел продолжалось вплоть до распада СССР. Столкнувшись с аварией на Чернобыльской АЭС, Беларусь и Украина могли бы лучше помочь своим гражданам, полноценно участвуя в деятельности ВОЗ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Косачев, К. Выход США из ООН маловероятен, но возможны разные варианты / К. Косачев // Российский совет по международным делам. – 21.02.2025. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/vykhod-ssha-iz-oon-maloveroyaten-no-vozmozhny-raznye-varianty/> (дата обращения: 10.03.2025).
2. Трамп распорядился вывести США из Всемирной организации здравоохранения // BBC. – 21.02.2025. – URL: <https://www.bbc.com/russian/articles/cqjv48p8gglo> (дата обращения: 10.03.2025).
3. Белорусская ССР в международных отношениях. Международные договоры, конвенции и соглашения Белорусской ССР с иностранными государствами (1944–1959) / ред. К. В. Киселев; сост. Маргунский С. П., Зайцев А. С. – Минск : Издательство Академии наук БССР, 1960. – 1050 с.
4. Снапкоўскі, У. Е. Знешнепалітычная дзейнасць Беларусі ў 1944–1953 гг. / У. Е. Снапкоўскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1997. – 207 с.
5. Снапковский, В. Е. Белорусская ССР в ООН: отряд советской дипломатии в действии / В. Е. Снапковский. – Минск : Право и экономика, 2021. – 318 с.
6. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зборнік дакументаў і матэрыялаў. У 4 т. Т. 4: 4 ліпеня 1944 г. – 25 жніўня 1991 г. / рэдкал.: С. М. Мартынаў [і інш.]. – Мінск, ЮНІПАК, 2015. – 539 с.

7. Всемирная организация здравоохранения: сборник резолюций и решений Всемирной ассамблеи здравоохранения и Исполнительного комитета. 1948–1967 гг. – Женева : ВОЗ, 1968. – 670 с.
8. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 47. Оп. 4. П. 17. Д. 29.
9. Лабейри-Менахем, К. Специализированные учреждения Организации Объединенных Наций / К. Лабейри-Менахем. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1955. – 236 с.
10. Дипломатический словарь : в 3 т. / гл. ред. А. А. Громыко. – Т. 1. – 4-е, перераб. и доп. изд. – М. : Наука, 1984. – 430 с.

ДА ПЫТАННЯ ЗАКЛЮЧЭННЯ САВЕЦКА-ПОЛЬСКОЙ УЗГАДНЯЛЬНАЙ КАНВЕНЦЫІ Ў ЛІПЕНІ 1932 г.

В. М. Бароўская

*Інстытут гісторыі НАН Беларусі,
вул. Акадэмічная, 1, 220072, г. Мінск, Беларусь, borovskaya-olga@mail.ru*

У артыкуле разгледжаны асноўныя этапы па заключэнні «Дагавора аб ненападзенні» паміж СССР і Польшчай 25 ліпеня 1932 г. і ўзгадняльнай канвенцыі, іх ўплыў на агульную растаноўку сіл ва ўсходнееўрапейскім рэгіёне. Падкрэсліваецца жаданне савецкага кіраўніцтва па выкарыстанні двухбаковых перагавораў у паляпшэнні гандлёва-эканамічных адносін Польшчы і СССР; і польскага кіраўніцтва на захаванні цэласнасці савецка-польскай мяжы. Дзеля дасягнення кампрамісу бакі імкнуліся пэўны час залагоджваць спрэчныя двухбаковыя пытанні (праблема свабоднага культурнага і рэлігійнага развіцця нацыянальных меншасцей, ліквідацыі антысавецкіх элементаў у Польшчы).

Ключавыя словы: узгадняльная канвенцыя; дагавор аб ненападзенні; арбітраж; калектыўная бяспека.

ON THE ISSUE OF CONCLUDING THE SOVIET-POLISH CONCILIATION CONVENTION IN JULY 1932

O. Borovskaya

*Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus,
1 Academicheskaya Street, Minsk 220072, Belarus, borovskaya-olga@mail.ru*

The article examines the main stages of the conclusion of the «Non-Aggression Pact» between the USSR and Poland on July 25, 1932 and the conciliation convention, their impact on the overall deployment of forces in the Eastern European region. The desire of the Soviet leadership to use bilateral negotiations to improve trade and economic relations between Poland and the USSR is emphasized, and the Polish leadership to preserve the integrity of the Soviet-Polish border. In order to reach a compromise, the parties tried for some time to settle controversial bilateral issues (the problem of free cultural and religious development of national minorities, the elimination of anti-Soviet elements in Poland).

Keywords: conciliation convention; non-aggression pact; arbitration; collective security.

К ВОПРОСУ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ СОГЛАСИТЕЛЬНОЙ КОНВЕНЦИИ В ИЮЛЕ 1932 Г.

В. М. Боровская

*Институт истории НАН Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь, borovskaya-olga@mail.ru*

В статье рассмотрены основные этапы по заключению «Договора о ненападении» между СССР и Польшей 25 июля 1932 г. и согласительной Конвенции, их влияние на

общую расстановку сил в восточноевропейском регионе. Подчеркивается желание советского руководства по использованию двусторонних переговоров в улучшении торгово-экономических отношений Польши и СССР; и польского руководства на сохранении целостности советско-польской границы. Для достижения компромисса стороны стремились определенное время задабривать спорные двусторонние вопросы (проблема свободного культурного и религиозного развития национальных меньшинств, ликвидации антисоветских элементов в Польше).

Ключевые слова: согласительная конвенция; договор о ненападении; арбитраж; коллективная безопасность.

Перагаворы па заключэнні «Дагавора аб ненападзенні» і ўзгадняльнай канвенцыі адбываліся ў 1925–1932 гг. шляхам сустрэч паўнамоцнага прадстаўніка СССР у Польшчы (П. Л. Войкава) з прадстаўнікамі Міністэрства замежных спраў Польшчы (міністрам, віцэ-міністрам, дырэктарам Усходняга дэпартаменту Г. Янкоўскім); прадстаўніка Польшчы ў СССР (С. Кентшыньскі, С. Патэк) з членамі Калегіі НКЗС СССР (аддзел Польшчы і Прыбалтыкі С. І. Аралаў – Б. С. Стаманякоў, рэдка народным камісарам замежных спраў).

У савецка-польскіх перагаворах па заключэнні «Дагавора аб ненападзенні» варта вылучыць пэўную перыядызацыю:

1) 1925–1927 гг. – этап першапачатковага агучвання абодвума бакамі сваіх пазіцый адносна будучага пакта аб ненападзенні (польская пазіцыя аб падключэнні да савецка-польскага дагавора яшчэ і краін Прыбалтыкі, Румыніі супрацьпастаўлялася савецкім жаданнем паступовага заключэння савецка-польскага, савецка-латвійскага, савецкага-літоўскага і савецка-эстонскага дагавораў);

2) 1927–1931 гг. – перыяд лавіравання і адначасовага зацягвання перагавораў, калі абодва бакі не жадалі ісці на пэўныя ўступкі, аднак пад уплывам зменаў у агульнай міжнароднай сітуацыі (заключэння пакта Брыяна-Келага, Маскоўскага пратакола) маскіравалі свае сапраўдныя памкненні перад шырокімі коламі грамадскасці;

3) 1931–1932 гг. – этап канструктыўнага дыялогу і дэталёвых перагавораў па карэктыроўцы тэкста дагавора, знаходжанне кампрамісу па ўзгадняльнай працэдурі.

Галоўным пунктам заключэння «Дагавора аб ненападзенні» была ўмова аб «інтэгральным і найбольш хуткім ажыццяўленні тых пастановаў Рыжскага мірнага дагавора, якія да гэтага моманту не былі выкананы». Савецкі бок жадаў «звязаць выкананне старых абавязацельстваў па Рыжскім дагаворы не толькі з палітычнага пункта гледжання, але, у асабліваці, з гандлёвага». У першую чаргу мелася на ўвазе прадстаўленне эканамічных кампенсацый пры ліквідацыі старых польскіх прэтэнзій па Рыжскім дагаворы. Польскі бок выстаўляў патрабаванне – «забеспячэнне і ўмацаванне трывалага міру на тэрыторыі Усходняй Еўропы» удзел у заключэнні сістэмы гарантыйных дагавораў паміж СССР і краінамі Прыбалтыкі. Савецкі бок лічыў больш рацыянальным ажыццяўленне «папярэдніх размоў неафіцыйнага характару, г. зн. без аб'яўлення аб тым, што пачаты афіцыйныя перагаворы аб пак-

це. Падчас гэтых папярэдніх перагавораў выявіцца магчымасць зразумець сапраўдныя намеры бакоў» [1, s. 490].

3 сакавіка 1925 г. у «Інструкцыі міністра замежных спраў Польшчы для дыпламатычных пляцовак адносна польска-савецкіх адносін у апошнім паўгоддзі» А. Скшыньскі адзначаў, што «галоўнай мэтай польскай палітыкі ў адносінах да савецкага ўраду з'яўляецца імкненне да захавання міру, а таксама трывалага прытрымлівання створанага дзякуючы мірнаму дагавору тэрытарыяльнай сістэмы ўздоўж заходняй мяжы СССР ад магчымасці яго сілавога парушэння з боку савецкага ўраду». Формула, якая б дазволіла б захаванне статус кво, магла б стаць выхадам да пабудовы больш-менш нармальных адносін суседскага суіснавання паміж Польшчай і СССР, засноўвалася з аднаго боку на захаванні міру і пазбяганні вайны, з другога – неабходнасці прытрымлівання супрацоўніцтва з Румыніяй і краінамі Прыбалтыкі [1, s. 518].

Новая фаза савецка-польскіх перагавораў па заключэнні «Дагавора аб ненападзенні» пачалася ў студзені 1927 г. у сувязі з прыездам новага польскага паўнамоцнага прадстаўніка ў СССР С. Патэка. Польскі бок выказваў зацікаўленасць у падпісанні не толькі савецка-польскага пакта, але і аналагічных з краінамі Прыбалтыкі. 26 лютага 1927 г. у лісце члена Калегіі НКЗС СССР Б. С. Стаманякова паўнамоцнаму прадстаўніку СССР у Польшчы П. Л. Войкаву ўказвалася на адцягванне польскім урадам пачатку перагавораў. Забойства П. Л. Войкава ў Варшаве 7 чэрвеня 1927 г. прыпынілі двухбаковыя ініцыятывы ў гэтым кірунку.

У лісце Б. С. Стаманякова Д. В. Багамолаву ад 1 лістапада 1927 г. указвалася, што падчас абмеркавання пытання заключэння пакта аб ненападзенні паміж СССР і Польшчай было вырашана не рабіць ніякіх далейшых сур'ёзных уступак Польшчы па спрэчных пытаннях, праяўляючы адначасова былую зацікаўленасць у перагаворах і прымаючы ўсе меры, каб адказнасць за магчымы неспех перагавораў лягла не савецкі бок. Меркаванні Калегіі НКЗС СССР зыходзіла з агульнага міжнароднага становішча і выклікала б пагаршэнне савецка-германскіх адносін. Таму Б. С. Стаманякоў раіў паўнамоцнаму прадстаўніку СССР у Польшчы паступова прыпыніць перагаворы па заключэнні пакта і актывізаваць працу па падрыхтоўцы гандлёвага дагавора [2, с. 236].

Дадатковым штуршком да актывізацыі савецка-польскіх перагавораў стала падпісанне 27 жніўня 1928 г. пакта Брыяна-Келага (Парыжскі пакт) па стварэнні сістэмы калектыўнай бяспекі і Маскоўскага пратакола ў лютым 1929 г. У лісце Д. В. Багамолава Б. С. Стаманякову ад 29 мая 1928 г. указвалася, што «палякі баяцца, што пакт Келага (да таго ж без іх удзелу) створыць глебу для рэвізіі ў бліжэйшым будучым Версальскага дагавора. Таму растуць іх апасенні за заходнія межы. Як кампенсацыя за перагляд і выпраўленне заходніх межаў Германіі прапаноўваюцца якіясьці «гарантыі» супраць СССР. У цяперашні момант я лічу, што пытанне аб якім-небудзь пераглядзе ўсходніх межаў Польшчы неактуальна, бо ўся польская грамадская думка была бы супраць яго» [2, с. 316].

У лісце намесніка народнага камісара замежных спраў СССР М. М. Крэсцінскага У. А. Антонаву-Аўсеенку ад 22 кастрычніка 1930 г. указвалася аб змесце яго сустрэчы з С. Патэкам (зандаж глебы адносна пытання заключэння пакта аб ненападзенні). Польскі дыпламат указваў, што «нашы перагаворы аб заключэнні пакта аб ненападзенні сутыкнуліся з 4 перашкодамі. Першай быў Статут Лігі Нацый, які забараняў Польшчы прымаць на сябе абавязкі безумоўнага нейтралітэта. Другая заключа-лася ў нашым нежаданні дамаўляцца адначасова з Польшчай і іншымі прыбалтыйскімі дзяржавамі. Трэцяя зводзілася да нашага нежадання ўключыць у пакт і Румынію. Чацвёртая цяжкасць была ў нашых адмоўных адносінах да арбітражу. С. Патэк лічыць, што першая перашкода адпа-дае, калі пакт Келага будзе ўзгоднены з Статутам Лігі Нацый. Што да-тычыцца другой і трэцяй перашкоды, то яны верагодна, не з'явяцца ўжо перашкодай, бо мы пагадзіліся на адначасовае падпісанне з Польшчай, прыбалтамі і Румыніяй Маскоўскага пратакола. Пытанне ж аб арбітражу здымуць самі палякі, ідучы па прымальнаму для нас шляху ўзгадняльнай працэдуры» [2, с. 504].

У лісце народнага камісара замежных спраў СССР М. М. Літвінава да паўнамоцнага прадстаўніка СССР у Польшчы У. А. Антонава-Аўсеенкі ад 30 студзеня 1930 г. адзначалася, што падчас яго сустрэчы з С. Патэкам стала зразумела, што «ніякія змены ў пазіцыі польскага ўраду ў адносінах да СССР не адбылося і што ваша паведамленне аб такіх зменах ён лічыць вынікам вашага аптымізму і па-другое, Польшча як і раней лічыць за-ключэнне пакта аб ненападзенні празмерным і непатрэбным і, па край-ней меры, будзе настойваць інтэгральна на раней выстаўленыя ёю умо-вы». «У выпадку сапраўднага імкнення з боку Польшчы да радыкальных зменаў усёй яе палітыкі, адмовы ад мараў Пілсудскага аб стварэнні вялікай Польшчы за кошт Украіны, Беларусі і Літвы і яе гатоўнасці да заклю-чэння пакта аб ненападзенні і расцэньвання намі такога пакта ў якасці сапраўднай гарантыі міра на бліжэйшыя гады – паўстала б пытанне, ці не трэба нам пераглядзець сваю палітыку і ахвяраваць у некаторай ступені нашымі цяперашнімі адносінамі з Германіяй» [2, с. 538–539].

16 снежня 1931 г. адбылася сустрэча прадстаўніка Польшчы ў Ма-скве С. Патэка і М. М. Літвінава адносна выпрацоўкі праекта дагавора аб ненападзенні. У выніку абмяркоўваўся польская прапанова па ўтварэнні Узгадняльнай камісіі, якая павінна будзе займацца вырашэннем спрэч-ных пытанняў. якія ўзніклі ў працэсу выканання Рыжскага мірнага да-гавора. У сваю чаргу народны камісар замежных спраў СССР выказаўся супраць гэтага варыянта. На думку М. М. Літвінава, яе пасяджэнні не будуць мець канкрэтных вынікаў, як доказ прыводзіцца прыклад працы Змешанай узгадняльнай камісіі па вырашэнні пагранічных інцыдэнтаў, дзе 75 % разгледжаных спраў засталіся без адказу. У сваю чаргу С. Патэк адзначыў, што «ў Польшчы маецца шэраг прэтэнзій адносна нібыта не-выканання з нашага боку некаторых матэрыяльных пастановаў Рыжскага дагавора. У савецкага боку маюцца прэтэнзіі адносна дапушчэння на тэ-

рыторыю Польшчы дзейнасці ўрада Пятлюры і розных белагвардзейскіх арганізацый, маюцца прэтэнзіі за «рэйд» з польскай тэрыторыі. Калі мы і польскі бок перадасць усе гэтыя прэтэнзіі ва ўзгадняльную камісію, то зразумела, што яна не зможа абсалютна нічога зрабіць з імі, яны толькі прывядуць да абвастрэння ў нашых адносінах. Такім чынам падпісваючы пакт аб ненападзенні і ажыццяўляючы крок наперад, мы адначасова прыйдзем да новых і сур'ёзных цяжкасцей, тым самым зробім два крокі назад» [2, с. 640].

У сакрэтным лісце члена Калегіі НКЗС СССР Б. С. Стаманякова да У. А. Антонова-Аўсеенкі ад 30 снежня 1930 г. акрэслівалася ўзаемасувязь паміж прапановамі польскага боку па заключэнні пакта аб ненападзенні і станам польска-германскіх адносін. «Словы Залескага не адлюстроўваюць ніякага пералому ў польскай палітыцы ў адносінах да СССР, і што ніякіх сур'ёзных намераў у Пілсудскага ў адносінах да збліжэння з намі і зараз няма. Можа быць размова з польскага боку ідзе аб тым, каб уцягнуць нас у такія несур'ёзныя перагаворы з мэтай, з аднаго боку, аказаць удзеянне на Германію і зрабіць яе больш згаворлівай у адносінах да Польшчы, з другога боку, выклікаць у Германіі недавер да нашых намераў у адносінах да Германіі» [3, с. 353].

У дзённіку сустрэч М. М. Літвінава адносна яго сустрэчы з С. Патэкам 14 лістапада 1931 г. адзначалася, што польскі пасланнік указваў, што «заклучаныя Рыжскі дагавор, пакт Келага і Маскоўскі пратакол у дастатковай ступені забяспечваюць мір паміж абодвума краінамі і асаблівай неабходнасці ў чацвёртым пакце няма» [3, с. 590–591]. Тым не менш ён лічыць, што было б карысным заключэнне і пакта аб ненападзенні, калі ён будзе ўключаць новыя моманты. Польскі ўрад цікавіць заключэнне пакта з краінамі па ўсёй лініі ад Фінляндыі да Румыніі ўключна.

Нягледзячы на дастаткова скептычную пазіцыю польскага кіраўніцтва, 25 ліпеня 1932 г. быў падпісаны «Дагавор аб ненападзенні» паміж СССР і Польшчай першапачаткова тэрмінам на 3 гады, але ўжо 5 мая 1934 г. працягнуты да 31 снежня 1945 г. [4, с. 607]. Па дагаворы бакі прызнавалі суверэнітэт, узаемныя межы і тэрытарыяльную цэласнасць адзін аднаго. У лісце паверанага ў справах СССР у Польшчы Б. Г. Падольскага намесніку народнага камісара замежных спраў СССР М. М. Крэсцінскага ад 28 ліпеня 1932 г. указвалася, што замаль уся польская прэса з адухаўленнем адклікнулася на падпісанне пакта, як тут кажуць «Патэк-Крэсцінскага». Разам з апублікаваннем самога факта падпісання, у цэлым шэрагу артыкулаў размешчаны каментарыі, якія асвятляюць значэнне гэтага акта для Польшчы. Усе прызнаюць значнасць паляпшэння адносін паміж Польшчай і СССР. Аднак гэта не паўсюль аднолькава» [5, с. 223].

Савецка-польскія перагаворы па падрыхтоўцы і заключэнні «Дагавора аб ненападзенні» 25 ліпеня 1932 г. і узгадняльнай канвенцыі, якія цягнуліся з 1925 г. па 1932 г., яскрава прадэманстравалі жаданне савецкага кіраўніцтва па выкарыстанні двухбаковых перагавораў у паляпшэнні гандлёва-эканамічных адносін Польшчы і СССР; і польскага кіраўніцтва

на захаванні цэласнасці савецка-польскай мяжы. Дзеля дасягнення кампрамісу бакі імкнуліся пэўны час залагоджваць спрэчныя двухбаковыя пытанні (праблема свабоднага культурнага і рэлігійнага развіцця нацыянальных меншасцей, ліквідацыі антысавецкіх элементаў у Польшчы).

БІБЛІАГРАФІЧНЫ СПІС

1. Dokumenty do historii stosunków polsko-sowieckich 1918–1945 / red. serii M. Wołos. – Т. II: 1926–1932. – Cz. 1: Trudne lata (czerwiec 1926 – luty 1929). – Warszawa, 2022. – 950 s.
2. Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. : сб. док. в 4 т. / под общ. ред. С. А. Скляр, М. С. Павловой. – М.: Аспект Пресс, 2017. – Т. 2: 1926–1932. – 630 с.
3. Dokumenty do historii stosunków polsko-sowieckich 1918–1945 / red. serii M. Wołos. – Т. II: 1926–1932. – Cz. 2: Na drodze ku stabilizacji (luty 1929 – lipiec 1932). – Warszawa, 2022. – 950 s.
4. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. – Т. 5: 1926–1932 гг. – М., 1967. – 616 с.
5. Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. : сборник документов в четырех томах / под общ. ред. М. М. Наринского, Н. Е. Клейменовой, С. А. Склярова. – М. : Аспект Пресс, 2017. – Т. 3: 1932–1939. – 637 с.

СТАНОВЛЕНИЕ БЕЛОРУССКОЙ ШКОЛЫ ИССЛЕДОВАНИЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

А. С. Шуст

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, post@pac.by*

Статья посвящена обзору процесса складывания отечественной международно-политической интеллектуальной традиции изучения проблематики национальных интересов, выделению основных этапов этого процесса и переосмыслению белорусским учеными традиционных подходов в последние годы. Отмечены особенности формирования национальной школы в малых и средних государствах, объективные ограничения и перспективы развития.

Ключевые слова: национальные интересы; научная школа; международные отношения; внешняя политика.

FORMATION OF THE BELARUSIAN SCHOOL OF NATIONAL INTEREST STUDIES

A. Shust

*Academy of Public Administration
under the aegis of the President of the Republic of Belarus,
17 Moskovskaya Street, Minsk 220007, Belarus, post@pac.by*

The article is intended to review the process of formation of the domestic international political intellectual tradition of studying the problems of national interests, highlighting the main stages of this process and rethinking traditional approaches by Belarusian scientists in recent years. The features of the formation of a national school in small and medium-sized states, objective limitations and development prospects are noted.

Keywords: national interests; scientific school; international relations; foreign policy.

Формирование научно обоснованного подхода к выявлению, анализу и операционализации национальных интересов является важным элементом государственного управления и стратегического планирования. Потребность в систематической разработке проблематики национальных интересов возникает перед каждым государством, обоснованно претендующим на независимое суверенное развитие. Создание национальной школы политологического исследования национальных интересов не является привилегией крупных государств, ряд малых и средних стран в последние десятилетия разработали отличающиеся самостоятельным характером подходы к исследованию указанной проблематики.

В качестве удачных примеров можно назвать Швейцарию, с ее уникальной школой нейтралитета, посредничества и многосторонней дипломатии, развиваемую знаменитыми Федеральным технологическим инсти-

тутом в Цюрихе, Женевским институтом международных отношений и Университетом Санкт-Галлена. Заметный вклад внесли страны Северной Европы в разработку вопросов международного сотрудничества, предотвращения конфликтов и обеспечения безопасности, – мировое признание получила Копенгагенская школа международных отношений с ее моделью секьюритизации и десекуритизации. Своеобразием отличаются исследования национальных интересов и внешнеполитических приоритетов в Турции (с нео-османизмом и собственной концепцией евразийства [1]) и Израиля (с акцентом на стратегическую безопасность в условиях враждебного окружения [2]). Включение в процессы евро-атлантической интеграции породило запрос на соответственно адаптированную научную рефлексию в странах Восточной Европы [3; 4].

Принятый Республикой Беларусь курс на суверенное развитие, отказ от копирования политической ориентации стран–соседей потребовал глубокого осмысления международной позиции, внешнеполитических приоритетов и базовых потребностей белорусского общества и государства в современную эпоху. Постепенно наше государство утвердилось в качестве самостоятельного актора на международной арене, надежного участника интеграционных объединений, поборника неконфронтационного и устойчивого развития европейского региона. Этот практический успех был достигнут благодаря рациональной и ответственной деятельности Беларуси, основанной на хорошем понимании своих национальных интересов и целей.

Размышления о сущности и содержании национальных интересов Республики Беларусь занимали белорусских ученых с первых лет независимости. На раннем этапе в центре внимания были вопросы внутренней политики и социально-экономического развития [5], национального сознания и самобытной культуры [6]. Постепенно спектр рассматриваемых вопросов расширялся и приобретал комплексный характер [7]. Крупной работой в этот период стала докторская диссертация Е. В. Матусевича на тему «Национально-государственные интересы Республики Беларусь в контексте процесса глобализации» [8], целью которой было обоснование специфики формирования национально-государственных интересов белорусского государства.

Новый этап осмысления национальных интересов Республики Беларусь начался с вовлечения в проблемную плоскость вопросов международной политики и положения Беларуси в мире. Важный вклад внесли А. А. Челядинский [9], С. А. Кизима [10].

Разработка новой редакции Концепции национальной безопасности Республики Беларусь в 2010 г. стала очередным этапом в развитии проблематики национальных интересов. Было преодолено терминологическое разнообразие прошлых десятилетий и с этого времени утверждается в качестве базового понятие «национальные интересы», которое отражает, что конкретно защищается от угроз. В отличие от использовавшихся ранее категорий «национально-государственные» и «жизненно важные

интересы»; отмечается, что понятие «национальные интересы» гораздо шире и направлено не только на «выживание», но и на «развитие, победу в глобальной конкурентной борьбе» [11, с. 180].

В эти годы Беларусь ведет активную многовекторную политику, что находит отражение и в соответствующем направлении научного поиска, – выходят работы, посвященные взаимодействию культур, конструктивному контакту цивилизаций и поиску новой политической философии в глобальном мире [12; 13].

Работа над очередной редакцией Концепции национальной безопасности в начале 2020-х гг. выразилась в том числе в проведении серии научных мероприятий, позволивших раскрыть и обсудить актуальные вопросы обеспечения национальных интересов Республики Беларусь в современную эпоху [14; 15]. В обсуждение были вовлечены специалисты всех регионов страны, что сделало осуждение подлинно общенациональным.

Понимание содержания национальных интересов в отечественной науке в последние годы эволюционирует в направлении все большей многомерности и комплексности, выхода за пределы общеполитических и военно-политических аспектов, смещения исследовательского фокуса на гуманизацию и экономизацию изучаемого феномена [16], разработки методологических аспектов [17].

Среди научных центров Беларуси, развивающих исследование вопросов национальных интересов, ведущие позиции занимают Белорусский государственный университет, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Институт (с 2022 г. – Академия) национальной безопасности, к которым с 2019 г. добавился Белорусский институт стратегических исследований. Сравнительно небольшое, в сопоставлении с соседними странами, количество научных центров, концентрация исследований в нескольких крупных учреждениях имеют объективные причины (малые размеры страны и ресурсные ограничения). Слабая институциональная диверсификация может быть преодолена посредством проведения регулярных и, по возможности, многочисленных научных мероприятий.

В настоящее время белорусская школа исследований национальных интересов, по существу, представляет собой скорее научное направление или интеллектуальное течение, то есть движение научной мысли, объединенное общими идеями, предметом и методологией, чем исследовательскую традицию в четких институциональных формах.

Для укрепления отечественной научной школы представляется важным расширение тематического спектра исследований, включение новых направлений, развитие междисциплинарного научного подхода, увеличение количества публикаций в зарубежных изданиях и осуществление совместных исследовательских программ с научными центрами дружественных государств.

Наличие собственной политологической школы, разрабатывающей вопросы концептуализации и операционализации национальных интересов, наделяет государство интеллектуальным суверенитетом, позво-

для ему формулировать национальные интересы, исходя из уникального исторического опыта и геополитического положения, снижает зависимость от зарубежных концепций, предотвращает фактическую монополизацию знания крупными державами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Davutoğlu, A. Strategic Depth: Turkey's Role in the International Arena / A. Davutoğlu. – Doha : Al Jazeera Centre for Studies and Arab Scientific Publishers, 2010. – 646 p.
2. Inbar, E. Contours of Israel's new strategic thinking / E. Inbar // Political Science Quarterly. – 1996. – N 4. – P. 41–64.
3. Kuźniar, R. Polityka zagraniczna RP 1989–2024 / R. Kuźniar. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2025. – 570 p.
4. Csaba, L. Globalization and European Integration: A Central European Perspective / L. Csaba // Journal of Risk. – 2025. – № 2. – P. 4–16.
5. Беларусь на шляхах незалежнасці : зборнік артыкулаў. Вып. 1. / рэдкал.: Л. Ф. Яўменаў, А. А. Чэлядзінскі, І. А. Бродка. – Мінск : Адзел навуковай інфармацыі па гуманітарных навук АНБ, 1992. – 210 с.
6. Беларусь: шляхі абнаўлення і развіцця : матэрыялы навук. сес. Аддз-ня гуманітар. навук, 3–4 лістап. 1993 г. / рэдкал.: Л. Ф. Яўменаў [і інш.]. – Мінск : АНБ, 1994. – 287 с.
7. Заико, Л. Ф. Национально-государственные интересы Республики Беларусь. / Л. Ф. Заико. – Минск : Изд. В. М. Скакун, 1999. – 214 с.
8. Матусевич, Е. В. Национально-государственные интересы Республики Беларусь в контексте процесса глобализации : автореф. дисс. ... д-ра полит. наук: 23.00.04 / Е. В. Матусевич ; БГУ. – Минск, 2005. – 33 с.
9. Челядинский, А. А. Внешнеполитические приоритеты и интересы Республики Беларусь / А. А. Челядинский // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2003. – № 4. – С. 27–33.
10. Кизима, С. А. Вызовы западного глобализационного проекта и национальное государство : монография / С. А. Кизима. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2008. – 266 с.
11. Национальная безопасность Республики Беларусь / С. В. Зась [и др.]; под ред. М. В. Мясниковича и Л. С. Мальцева. – Минск : Беларуская навука, 2011. – 557 с.
12. Республика Беларусь – Европейский союз: проблемы и перспективы партнерства / А. А. Коваленя [и др.]; под ред. Л. Ф. Евменова ; Национальная академия наук Беларуси, Институт философии. – Минск : Беларуская навука, 2013. – 525 с.
13. Бондарь, Ю. П. Национальные интересы Республики Беларусь в контексте цивилизационного выбора / Ю. П. Бондарь // Весці БДПУ. – 2015. – № 1. – С. 3–6.
14. Стратегические национальные интересы Республики Беларусь в контексте современных глобальных вызовов : материалы науч.-практ. конф., Гродно, 29–30 марта 2022 г. / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: А. Ф. Проневич (гл. ред.) [и др.]. – Гродно, 2022. – 140 с.
15. Концептуальные подходы в сфере национальной безопасности: тенденции и параметры трансформации : материалы респ. межвед. науч.-практ. конф., г. Минск, 27 янв. 2022 г. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
16. Мацель, В. М. Национальные интересы Республики Беларусь в контексте экономической дипломатии страны / В. М. Мацель // Концептуальные подходы в сфере национальной безопасности: тенденции и параметры трансформации : материалы респ. межвед. науч.-практ. конф., г. Минск, 27 янв. 2022 г. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск, 2022. – С. 162–164.
17. Денисевич, А. В. Стратегическое конструирование защиты национальных экономических интересов / А. В. Денисевич // Проблемы управления. – 2019. – № 4. – С. 107–111.

ПОВЕСТКА КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ В БЕЛОРУССКОЙ ДИПЛОМАТИИ 1990-х гг.

А. М. Байчоров

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, baichor@bsu.by*

Статья посвящена анализу участия белорусских дипломатов в продвижении повестки контроля над вооружениями в 1990-е гг. Несмотря на то, что эта повестка была монополизирована Москвой во времена Советского Союза, в белорусской дипломатии были определенные традиции в этой сфере, на базе которых Министерство иностранных дел Республики Беларусь начало уделять серьезное внимание вопросам международной безопасности и разоружения. Минск не только официально присоединился к основным договорам по контролю над вооружениями, но белорусские представители приняли активное участие в обеспечении бесперебойного выполнения этих договоров. Отказ Минска от обладания оружием массового уничтожения (ядерного и химического) и от определенных видов конвенционального оружия (противопехотных мин), а также значительное сокращение тяжелых обычных вооружений (танки, боевые машины пехоты, боевые самолеты и др.) стали конкретным вкладом Республики Беларусь в укрепление европейской безопасности и доверия в военно-политической области в восточно-европейском субрегионе.

Ключевые слова: контроль над вооружениями; белорусская дипломатия; Советский Союз; Россия; ООН; ядерное оружие; конвенциональное оружие; нераспространение оружия массового уничтожения; международный режим нераспространения.

ARMS CONTROL NARRATIVE IN BELARUSIAN DIPLOMACY IN THE 1990s

A. Baichorov

*Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, baichor@bsu.by*

This article is devoted to the analysis of the Belarusian diplomats' participation in promotion of the arms control in the 1990s. Despite the fact that this narrative was monopolized by Moscow during the Soviet Union existence, there were certain traditions in this field in the Belarusian diplomacy that were used by the Belarusian Foreign Ministry in dealing with the issues of international security and disarmament. Minsk officially joined main arms control treaties, the Belarusian representatives had actively participated in assuring unimpeded implementation of these treaties. Minsk's refusal to have the weapons of mass destruction (nuclear and chemical) and certain types of conventional weapons (anti-personnel mines) as well as drastic reductions of heavy conventional weapons (battle tanks, armored personnel vehicles, battle airplanes) constituted actual contribution of the Republic of Belarus in strengthening European security and trust in the military-political field in the East-European sub region.

Keywords: arms control; Belarusian diplomacy; Soviet Union; Russia; United Nations; nuclear weapons; conventional weapons; nuclear non-proliferation; international non-proliferation regime.

Повестка контроля над вооружениями была сформулирована в систематизированном виде в выступлении Президента США Дж. Ф. Кеннеди 21 октября 1961 г. в его речи на Генеральной Ассамблее ООН. Дж. Ф. Кеннеди обратил внимание международного сообщества на то, что в интересах сохранения мира на Земле, необходимо осуществление целого набора согласованных мер, который он назвал Программой разоружения. Он предложил в качестве первоочередных сделать шесть шагов: 1) все страны должны подписать договор о запрещении испытаний оружия; 2) остановить производство расщепляющихся материалов для использования в вооружениях; 3) запретить передачу контроля над ядерным оружием тем странам, которые его не имеют; 4) не выводить ядерное оружие в космос; 5) постепенно сокращать существующие ядерные вооружения с конвертацией их материалов для использования в мирных целях; 6) остановить производство стратегических ракет, способных нести ядерное оружие, с постепенным их уничтожением [1]. В том же году Дж. Ф. Кеннеди подписал Указ о создании в структуре президентской администрации США Агентства по разоружению и контролю над вооружениями. В США, СССР и некоторых других странах началась подготовка в среде дипломатов особой «разоруженческой касты». Плодами усилий этой касты стало подписание таких важных соглашений по контролю над вооружениями как Договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах (1963 г.).

Для практического осуществления международного сотрудничества по вопросам разоружения и контроля над вооружениями соответствующие структурные подразделения были созданы в министерствах иностранных дел многих государств. В МИД Республики Беларусь в 1993 г. также появилось Управление международной безопасности и разоружения. Это управление стало инструментальным в проведении работы по присоединению Республики Беларусь к Договору о нераспространении ядерного оружия (1968 г.), Договору о ракетах средней и меньшей дальности (1987 г.), Договору об ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений (1991 г.), и др.

Это известный факт, что в эпоху существования Советского Союза Москва обладала абсолютной субъектностью в дипломатической сфере. Министерства иностранных дел БССР и УССР были допущены к выполнению роли двух дополнительных голосов в комитетах Генассамблеи ООН, в ЮНЕСКО и некоторых других межправительственных организациях системы ООН. По какой-то причине, а скорее всего по случайности (может быть, в МИД СССР не оказалось желающих заниматься этим новым вопросом) делегации БССР в ООН было поручено Москвой в 1973 г. представить на рассмотрение Первого комитета Генассамблеи Организации (Комитете по международной безопасности и разоружению) новый проект резолюции: об использовании научно-технического прогресса в интересах мира и социального развития. На его основе в 1977 г. была разработана резолюция «Запрещение разработки и производства новых видов оружия массового уничтожения и новых систем такого оружия». Резолюция поручала Конференции по разоружению в Женеве отслежи-

вать информацию о возможных разработках новых видов ОМУ в мире и докладывать о них Первому комитету. В начале 1990-х гг. представители США неоднократно обращались к представителю Республики Беларусь в Первом комитете Генеральной Ассамблеи ООН с предложением снять эту белорусскую резолюцию с повестки дня Первого комитета, так как она сильно перегружена и разведка не сообщает о том, что где-либо ведутся разработки новых видов ОМУ. Получив отказ, США и еще несколько стран голосовали против белорусской резолюции. Однако, проведение соответствующей разъяснительной работы со многими делегациями, в том числе с американской привело к тому, что уже в 1999 г. эта белорусская резолюция была принята Генеральной Ассамблеей ООН консенсусом [2]. В декабре 1998 г. Республика Беларусь инициировала новую резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН: о создании в Центральной и Восточной Европе пространства, свободного от ядерного оружия.

В 1990-е гг. Республика Беларусь стала участницей всех основных соглашений в области контроля над вооружениями, таких как Договор о нераспространении ядерного оружия, Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, Конвенции о запрещении химического оружия, Оттавской конвенции о запрещении противопехотных мин и др. Республика Беларусь ратифицировала Лиссабонский протокол 1992 г. и стала стороной Договоров по противоракетной обороне (ПРО), по ракетам средней и меньшей дальности (РСМД), по стратегическим наступательным вооружениям (СНВ-1). Минску поступило предложение присоединиться к международному Режиму контроля над ракетными технологиями; в 2000 г. Беларусь была принята в члены международного режима нераспространения – Группу ядерных поставщиков.

Фактически с момента обретения политической независимости страны в декабре 1991 г. белорусские дипломаты начали принимать активное участие в каждодневном практическом осуществлении контроля над вооружениями. В 1993 г. был назначен Представитель правительства Республики Беларусь в комиссиях, решающих вопросы практического выполнения договоров по нераспространению ракетно-ядерных вооружений (Постоянной контрольной комиссии по Договору по ПРО; Специальной контрольной комиссии по Договору о РСМД; Совместной комиссии по соблюдению и инспекциям по Договору СНВ-1). Совместно с Представителями США, Российской Федерации, Казахстана и Украины он вел переговоры и подписывал пятисторонние соглашения, способствовавшие более эффективному выполнению вышеназванных договоров.

Благодаря участию белорусских представителей в работе этих комиссий удалось добиться учета национальных интересов Беларуси при проведении мероприятий по выполнению договоров по нераспространению ракетно-ядерных вооружений. В частности, в рамках Совместной комиссии по соблюдению и инспекциям было подписано Соглашение, согласно которому удалось компенсировать расходы белорусской стороны, связанные с приемом и обслуживанием американских инспекций на территории страны. Активное участие белорусских представителей в работе Спе-

циальной консультативной группы по выполнению Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) позволило согласовать получение дополнительной экономической помощи от некоторых стран – участниц Договора.

Будапештский меморандум о гарантиях безопасности от ядерных держав – Великобритании, России, США (и позднее присоединившейся к нему Франции) – для Беларуси, Казахстана и Украины, добровольно отказавшихся от ядерного оружия, подписанный главами вышеназванных государств в декабре 1994 г., получил плохую прессу после начала Россией СВО в Украине в феврале 2022 г. Однако в конкретно-исторических условиях 1990-х гг. Будапештский меморандум стал важным политическим документом, воплотившим сложившийся высокий уровень доверия между государствами-подписантами. В белорусском варианте Меморандума (который аналогичен казахстанскому и украинскому) [3] приветствовалось присоединение Республики Беларусь к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерного государства, а также содержатся обязательства ядерных держав воздерживаться от применения любых форм давления на Республику Беларусь. Не случайно, когда некоторые российские политики и государственные субъекты хозяйствования попытались в 2000-х гг. оказать экономическое давление на белорусскую сторону, чтобы вынудить ее принять свои торговые условия, Минск, отстаивая свои национальные интересы, ссылаясь и на Будапештский меморандум.

Некоторые белорусские исследователи отметили определенную непоследовательность позиции Минска в отношении ядерных вооружений. Так, известный политолог, директор Совета международных отношений «Минский диалог» Е. Прейгерман, считает, что «хотя все ядерное оружие, унаследованное Беларусью от СССР, было выведено к концу ноября 1996 г., Минск никогда не пытался выйти из договоренностей о взаимной обороне с Россией и стать полноценным нейтральным государством» [4].

А что же с Программой разоружения, выдвинутой Президентом Дж. Ф. Кеннеди? Многие ее положения, как известно, оказались выполненными. После окончания «холодной войны» США сократили свои стратегические ядерные силы на 80 %, а свои нестратегические ядерные силы – на 90 %. Из широкой палитры разоруженческих договоров 1990-х гг. действующим остается Договор между США и Российской Федерацией о стратегических ядерных потенциалах (2010 г.), который ограничивает количество ядерных боеголовок 1550 единицами для каждой стороны и истекает в феврале 2026 г. Никаких новых идей в сфере контроля над вооружениями ни со стороны Вашингтона, ни со стороны Москвы не просматривается. «США не могут должным образом подготовить будущие предложения по контролю над вооружениями... без понимания того, какие задачи американские ядерные силы будут решать», – говорилось в докладе комиссии Конгресса по стратегическому потенциалу Соединенных Штатов. Сотрудник Центра стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета, считает целесообраз-

ным в сложившихся обстоятельствах подготовить на смену истекающему Договору о стратегических ядерных потенциалах новый договор между США и Российской Федерацией, который включал бы не только стратегические ядерные боеголовки, но и боеголовки на нестратегических ракетах и ограничивал бы их общим числом 3500 единиц для каждой стороны [5]

Таким образом, нарратив контроля над вооружениями оказался одним из центральных для дипломатии Республики Беларусь в 1990-е гг. в силу ряда причин: во-первых, Беларусь обладала определенным опытом в продвижении этой тематики в межправительственных органах, особенно в ООН; во-вторых, новое национальное государство оказалось фактически наследником значительного потенциала вооружений как в конвенциональном, так и в ракетно-ядерном исполнении; в-третьих, участие Республики Беларусь в практическом осуществлении контроля над ядерными и обычными вооружениями позволило Минску завоевать авторитет не только в своем географическом субрегионе, но и среди крупных международных игроков, вовлеченных в решение вопросов международной безопасности; в-четвертых, отказ Минска от обладания оружием массового уничтожения (ядерного и химического) и от определенных видов конвенционального оружия (противопехотных мин), а также значительное сокращение тяжелых обычных вооружений (танки, боевые машины пехоты, боевые самолеты и др.) стали конкретным вкладом Республики Беларусь в укрепление европейской безопасности и доверия в военно-политической области в восточно-европейском субрегионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. JFK on Nuclear Weapons and Non-Proliferation // Carnegie Endowment for International Peace. – 17.11.2003. – URL: <https://carnegieendowment.org/2003/11/17/jfk-on-nuclear-weapons-and-non-proliferation-pub-14652> (date of access: 17.02.2025).
2. Prohibition of development and manufacture of new types of weapons of mass destruction and new systems of such weapons: UN Doc. A/RES/54/44 // United Nations Digital Library. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/399859> (date of access: 03.03.2025).
3. Международный договор. Меморандум от 05 декабря 1994 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: <https://www.mid.ru/upload/archive/789473843afdcecf1d487546aba9e61f.pdf> (дата обращения: 31.01.2025).
4. Прейгерман, Е. Почему Беларусь хочет разместить российское тактическое оружие / Е. Прейгерман // Минский диалог. – 11.04.2023. – URL: <https://minskdialogue.by/research/opinions/pochemu-belarus-khochet-razmestit-rossiiskoe-takticheskoe-oruzhie> (дата обращения: 10.02.2025).
5. As the world changes, so should America's nuclear strategy, says Frank Miller // Economist. – 04.04.2024. – URL: <https://www.economist.com/by-invitation/2024/04/04/as-the-world-changes-so-should-americas-nuclear-strategy-says-frank-miller> (date of access: 12.12.2024).

ПЫТАННЕ АБ БЕЛАРУСКАЙ НАЦЫЯНАЛЬнай МЕНШАСЦІ Ў ПОЛЬШЧЫ Ў БЕЛАРУСКАЙ ДЫПЛАМАТЫ ПАЧАТКУ 1990-х гг.

Д. А. Драбовіч¹⁾, У. Е. Снапкоўскі²⁾

¹⁾ Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, daniil.drabovich@gmail.com

²⁾ Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, snap@bsu.by

Артыкул аналізуе беларуска-польскія перамовы ў першай палове 1990-х гг. з асаблівай увагай да пытання правоў нацыянальных меншасцей і дзяржаўных межаў. Аб'ектам з'яўляецца палітыка кіраўніцтва Беларусі, дыпламатычныя перамовы і юрыдычныя пагадненні, што ўплывалі на ўзаемаадносіны дзвюх краін. Пасля абвешчання суверэнітэту Беларусі Мінск адмовіўся падпісаць дэкларацыю аб нязменнасці межаў, спасылаючыся на становішча беларускай меншасці ў Польшчы. Польская палітыка дэкларавала імкненне пазбягаць канфліктаў з суседзямі, у той час як Беларусь адстойвала правы сваіх суайчыннікаў. Актуальнасць тэмы абумоўлена неабходнасцю даследавання палітычных і прававых механізмаў урэгулявання праблем нацыянальных меншасцей. Артыкул мае практычнае значэнне для разумення кірункаў міждзяржаўных пытанняў.

Ключавыя словы: беларуска-польскія адносіны; нацыянальныя меншасці; дзяржаўныя межы; Дагавор аб добрасуседстве; Беласточчына; перамовы.

THE ISSUE OF THE BELARUSIAN NATIONAL MINORITY IN POLAND IN BELARUSIAN DIPLOMACY OF THE EARLY 1990s

D. Drabovich^a, U. Snapkouski^b

^a Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, daniil.drabovich@gmail.com

^b Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, snap@bsu.by

The article analyzes Belarusian-Polish negotiations in the first half of the 1990s, with a particular focus on the issues of national minority rights and state borders. The subject of study includes the policies of the Belarusian leadership, diplomatic negotiations, and legal agreements that influenced the relations between the two countries. Following Belarus's declaration of sovereignty, Minsk refused to sign a declaration on the inviolability of borders, citing concerns about the status of the Belarusian minority in Poland. While Poland's policy declared its desire to avoid conflicts with its neighbors, Belarus sought to defend the rights of its compatriots. The relevance of the topic is determined by the need to examine the political and legal mechanisms for resolving national minority issues. The article has practical significance for understanding the directions of interstate relations.

Keywords: Belarusian-Polish relations; national minorities; state borders; Treaty on Good Neighborliness; Białystok; negotiations.

ВОПРОС О БЕЛОРУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ МЕНЬШИНСТВЕ В ПОЛЬШЕ В БЕЛОРУССКОЙ ДИПЛОМАТИИ НАЧАЛЕ 1990-х гг.

Д. А. Дробович¹⁾, В. Е. Снапковский²⁾

1) *Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, danil_drobovich@gmail.com*

2) *Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, snap@bsu.by*

Статья анализирует белорусско-польские переговоры в первой половине 1990-х гг. с особым вниманием к вопросу прав национальных меньшинств и государственных границ. Объектом является политика руководства Беларуси, дипломатические переговоры и юридические соглашения, которые влияли на взаимоотношения двух стран. После провозглашения суверенитета Беларуси Минск отказался подписать декларацию о неизменности границ, ссылаясь на положение белорусского меньшинства в Польше. Польская политика декларировала стремление избегать конфликтов с соседями, а Беларусь отстаивала права своих соотечественников. Актуальность темы обусловлена необходимостью исследования политических и правовых механизмов урегулирования проблем национальных меньшинств. Статья имеет практическое значение для понимания направлений межгосударственных вопросов.

Ключевые слова: белорусско-польские отношения; национальные меньшинства; государственные границы; договор о добрососедстве; Белосточчина; переговоры.

Пасля абвяшчэння суверэнітэту Беларусі Польша стала адной з першых краін, якая яго прызнала [1, с. 212]. Адна з найбольш важных падзей у двухбаковых стасунках з Польшчай у гэты час – гэта адмова Мінска ў кастрычніку 1990 г. падпісаць сумесную дэкларацыю, якая прызнавала існуючыя межы паміж Беларуссю і Польшчай. Прычынай была незадаволенасць становішчам беларускай меншасці ў Польшчы, у першую чаргу на Беласточчыне.

Мэтай артыкула з'яўляецца аналіз беларуска-польскіх перамоў пачатку 1990-х гг. у кантэксце пытання правоў нацыянальных меншасцей, што дазваляе выявіць палітычныя і прававыя механізмы іх урэгулявання. Двухкаляёвая палітыка Польшчы таго часу адносна Беларусі была разгледжана ў даследаваннях такіх беларускіх аўтараў, як У. Е. Снапкоўскі, М. Э. Часноўскі, Л. А. Козік, а таксама у працах польскіх даследчыкаў, сярод якіх трэба назваць такіх як К. Федаровіч [2], А. Уладарчык [3], С. Бельень, К. Малак, М. Менкішак, Я. Мірановіч, М. Піатровускі, М. Сянкевіч.

23 кастрычніка 1990 г. падчас візіту міністра замежных спраў Польскай Рэспублікі К. Скубішэўскага ў Мінск міністр замежных спраў Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі П. К. Краўчанка абмеркаваў пытанне становішча беларусаў у Польшчы. Перамовы былі асабліва напоўненыя драматызмам. Каб прыняць удзел у сустрэчы, П. К. Краўчанка быў вымушаны перапыніць сваё знаходжанне на 45-й сесіі Генеральнай Асамблеі ААН у Нью-Ёрку. На перамовах ён падымаў праблему прыналежнасці

Беласточчыны, выказваючы незадавальненне адносна палітыкі польскіх улад да беларускай нацыянальнай меншасці, а таксама прадставіў ідэю аб стварэнні ў Польшчы этнічнай беларускай акругі [4, с. 182]. П. К. Краўчанка выказаўся супраць прапанаванай Польшчай Дэкларацыі аб асновах міждзяржаўных адносін, нягледзячы на тое, што аналагічныя дакументы былі ўжо падпісаны з Украінай і Расіяй. Прызнаць межы азначала для Мінска з прававога боку прызнаць дзеянне савецка-польскага Дагавора аб дзяржаўнай мяжы 1945 г., які Беларусь не падпісвала. Падчас перамоў беларускія ўлады цвёрда выказалі сваю пазіцыю: яны не маглі прыняць фармулёўкі аб недатыкальнасці і нязменнасці мяжы, якая была ўстаноўлена пасля Другой сусветнай вайны [5].

У адказ К. Скубішэўскі выказаў шкадаванне з нагоды ўзніклай праблемы, але адзначыў, што для вырашэння гэтых пытанняў будзе неабходны час. Ён таксама адмовіўся працягваць дыскусію пра мяжу, падкрэсліваючы важнасць захавання яе нязменнасці ў будучыні. Цікава, што спачатку К. Скубішэўскі нават не прызнаваў, што беларускі бок вылучаў тэрытарыяльныя прэтэнзіі, і толькі ў 2009 г. паведаміў, што абмяркоўвалася пытанне адносна Беласточчыны [2, с. 226–227]. Артыкул аб нязменнасці ўсталяванай мяжы у 1945 г. быў прыняты ў версіі, прапанаванай польскім бокам падчас першай спробы падпісаць дэкларацыю ў 1990 г. [6, с. 228]

Памежнае пытанне было канчаткова вырашана ў рамках Дагавора аб добрасуседстве і дружалюбным супрацоўніцтве, у якім абедзве краіны прызналі непарушнасць існуючых межаў. Дагавор быў падпісаны 23 чэрвеня 1992 г. у Варшаве старшынёй Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь С. С. Шушкевічам і прэзідэнтам Польшчы Л. Валенсай. Дагавор аказаў вялікі ўплыў на пытанне нацыянальных меншасцей абедзвюх краін. Ён складаўся з 29 артыкулаў, 5 з якіх прысвечаны падтрымцы меншасцей і супрацоўніцтву ў гэтай сферы.

Важна адзначыць, што згодна польскай гістарыяграфіі палітыка К. Скубішэўскага ў адносінах да Усходу была накіравана на стварэнне стабільных і бяспечных адносін з суседнімі дзяржавамі, што, у сваю чаргу, павінна было паспрыяць рэалізацыі амбіцый Польшчы ў дасягненні заходніх мэт. Польская дыпламатыя ў сувязі з гэтым дэкларавала імкненне мінімізаваць любыя канфлікты і праблемы з суседзямі, асабліва з Беларуссю, Літвой, Украінай. Адным з асноўных пытанняў, якія маглі прывесці да напружанасці, з’яўлялася становішча польскай нацыянальнай меншасці ў гэтых рэгіёнах. У праграме К. Скубішэўскага, як адзначае А. Уладарчык, забеспячэнне правоў палякаў на Усходзе не было ўключана як умова нармалізацыі адносін з гэтымі краінамі [3, с. 215–216]. К. Скубішэўскі не падтрымліваў ідэю пераўтварэння гэтага пытання ў асобную тэматыку двухбаковых перамоў, прапануючы замест гэтага разглядаць правы меншасцей як частку агульнага кантэксту правоў чалавека. Для забеспячэння іх рэалізацыі ён бачыў адну гарантыю – міжнароднае права. Гэта падыход адлюстраваны ў дагаворах Польшчы з суседзямі ў 1990–1994 гг., якія ў сваіх раздзелах аб правах меншасцей апіраліся на міжнародныя стандарты.

У кантэксце глабальных сацыяльна-эканамічных і палітычных змен, якія адбыліся ў жыцці абодвух народаў, узаемасувязі паміж імі развіваліся актыўна, хоць і сутыкаліся з шэрагам складанасцяў. Але на дзяржаўным узроўні, пачынаючы з другой паловы 1990-х гг., гэтыя сувязі пачалі абмяжоўвацца ў сувязі з істотнымі адрозненнямі ў палітыцы дзвюх дзяржаў [7, с. 235].

У выніку праблема становішча беларусаў і праваслаўнай царквы ў Польшчы адышла на другі план у міждзяржаўных адносінах. У той жа час назіраліся працэсы паскоранай асіміляцыі польскіх беларусаў, развіцця іх рэгіянальнай праваслаўнай ідэнтычнасці ў межах Польшчы, а таксама адчувальнага аддзялення ад гістарычнай радзімы. Праблемы нацыянальных меншасцей паступова саступілі месца іншым пытанням і супярэчнасцям у беларуска-польскіх адносінах. На першы план выйшлі праблемы знешнепалітычнай арыентацыі Мінска і Варшавы, а таксама пытанні эканамічнага і гуманітарнага супрацоўніцтва. Дагаворна-прававое ўрэгуляванне праблемы нацыянальных меншасцей было далейшае закладзена ў Пагадненні аб супрацоўніцтве ў галіне культуры, навукі і адукацыі, падпісаным 27 лістапада 1995 г. У другой палове 1990-х гг. пытанні нацыянальных меншасцей яшчэ фігуравалі ў беларуска-польскіх адносінах, але іх актуальнасць значна зменшыліся.

БІБЛІАГРАФІЧНЫ СПІС

1. Снапкоўскі, У. Е. Перыядызацыя беларуска-польскіх адносін у 1944–1991 гг. / У. Е. Снапкоўскі // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны : зборнік навуковых артыкулаў / Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, Установа адукацыі «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны». – 2014. – Вып. 3. – С. 210–214.
2. Fedorowicz, K. Polityka Polski wobec Rosji, Ukrainy i Białorusi w latach 1989–2010 / K. Fedorowicz. – Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 2011. – 342 s.
3. Białoruś w koncepcji polskiej polityki wschodniej Krzysztofa Skubiszewskiego w latach 1990–1993 // Беларускі гістарычны зборнік. – 2018. – № 50. – С. 203–218.
4. Снапкоўскі, У. Е. Шлях скрозь стагоддзе: беларуска-польскія адносіны 1918–2017 гг. / У. Е. Снапкоўскі. – Мінск : БДУ, 2017. – 287 с.
5. Snapkowski, W. Stosunki polsko-białoruskie (1990–2003) / W. Snapkowski // Беларусь і Польшча = Polska i Białoruś. – Warszawa, 2003. – S. 17–26.
6. Кравченко, П. К. Беларусь на переломе: дипломатический прорыв в мир: выступления, статьи, интервью, беседы, дипломатические документы и переписка / П. К. Кравченко. – Минск : БИП-С Плюс, 2009. – 634 с.
7. XX стагоддзе ў гісторыі палякаў і беларусаў : матэрыялы беларуска-польскай навуковай канферэнцыі., Мінск, 20–21 лістапада 2000 г. / рэдкал.: У. Міхнюк, П. Гарнцарэк (адказныя рэдактары) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2001. – 236 с.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

М. В. Мацевич¹⁾, О. С. Журавская²⁾

¹⁾ *Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, chikibambog2000@mail.ru*

²⁾ *Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ZhuravskayaVS@bsu.by*

В статье рассматривается экономическая дипломатия как важнейший инструмент внешнеполитической стратегии Республики Беларусь. В условиях глобализации и санкционного давления Беларусь активно использует механизмы экономической дипломатии для расширения внешних возможностей, привлечения иностранных инвестиций и формирования новых логистических маршрутов. Особое внимание уделяется сотрудничеству с Китаем в рамках инициативы «Один пояс, один путь», а также развитию транспортного коридора «Север – Юг», что позволяет диверсифицировать торговые потоки и снизить зависимость от традиционных направлений. Анализируются перспективы взаимодействия с международными институтами, интеграционными объединениями (ШОС, БРИКС) и новыми экономическими партнерами, включая страны Азии, Африки и Ближнего Востока. Рассматриваются особенности экономического сотрудничества с ОАЭ и возможности дальнейшего развития внешнеэкономической политики Беларуси.

Ключевые слова: экономическая дипломатия; инвестиции; торговые соглашения; логистика; инициатива «Один пояс, один путь»; санкции; транспортный коридор «Север – Юг»; интеграция; международная торговля.

ECONOMIC DIPLOMACY AS AN INSTRUMENT OF THE FOREIGN POLICY STRATEGY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

M. Matsevich^a, O. Zhuravskaya^b

^a *Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, chikibambog2000@mail.ru*

^b *Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, ZhuravskayaVS@bsu.by*

The article considers economic diplomacy as the most important tool of the foreign policy strategy of the Republic of Belarus. In the context of globalization and sanctions pressure, Belarus is actively using the mechanisms of economic diplomacy to expand external opportunities, attract foreign investment and form new logistics routes. Particular attention is paid to cooperation with China within the framework of the Belt and Road Initiative, as well as the development of the North-South transport corridor, which makes it possible to diversify trade flows and reduce dependence on traditional destinations. The prospects for interaction with international institutions, integration associations (SCO, BRICS) and new economic partners, including the countries of Asia, Africa, and the Middle East, are analyzed. The features of economic cooperation with the UAE and the possibilities of further development of the foreign economic policy of Belarus are considered.

Keywords: economic diplomacy; investment; trade agreements; logistics; the Belt and Road Initiative; sanctions; the North-South transport corridor; integration; international trade.

Экономическая дипломатия является одним из ключевых инструментов внешнеполитической стратегии Республики Беларусь. В условиях глобализации, роста международной конкуренции и санкционных ограничений государство вынуждено активно использовать экономические рычаги для защиты национальных интересов, обеспечения устойчивого экономического развития и укрепления своего положения на мировой арене. Экономическая дипломатия включает в себя широкий спектр мероприятий, направленных на привлечение иностранных инвестиций, расширение экспортных возможностей, диверсификацию торговых потоков и укрепление сотрудничества с международными финансовыми институтами.

Цель статьи – показать экономическую дипломатию как инструмент внешнеполитической стратегии Республики Беларусь, обозначить ее ключевые направления, механизмы и перспективы развития в условиях глобализации, санкционного давления и изменения мировых экономических потоков. Основными источниками для написания данной статьи послужили статьи, размещенные на официальных сайтах, таких как: посольство Беларуси в ОАЭ, посольство ОАЭ в Беларуси и др. [1; 2].

Республика Беларусь ведет активную работу по заключению торговых соглашений, формированию новых логистических цепочек и созданию благоприятного инвестиционного климата. В этом контексте ключевое значение имеют двусторонние и многосторонние договоренности, в первую очередь, с Российской Федерацией, Китаем, странами Ближнего и Дальнего Востока, Латинской Америки и Африки. Белорусское руководство активно развивает отношения с Китаем в рамках инициативы «Один пояс, один путь», что открывает новые возможности для инфраструктурных и промышленных проектов. Эта инициатива предусматривает интеграцию региональных коридоров, развитие логистики и создание благоприятных условий для торговли между различными странами. Беларусь, обладая выгодным географическим положением на границе основных транспортных маршрутов между Европой и Азией, играет решающую роль в реализации проекта, являясь ключевым звеном в сухопутном транспортном коридоре, соединяющем Китай с Европой, что делает страну важным логистическим хабом для перевозки грузов. Важную роль в этом процессе играет индустриальный парк «Великий камень» – современный белорусско-китайский проект, являющийся результатом достижения прогресса в области высокотехнологичного производства и устойчивых разработок. Этот проект привлекает инвестиции ведущих китайских компаний и создает условия для развития компаний-участниц, ориентированных на экспорт продукции в странах Евразии. Кроме того, Беларусь активно внедряет цифровые логистические платформы, которые упрощают процесс трансграничной торговли и повышают конкурентоспособность белорусской продукции на мировых рынках. Включение Беларуси в глобальную цепочку поставок в рамках международных инициатив не только учитывает ее позицию, но и способствует расширению торговых связей с государствами-участниками проекта, а также изменению инвестиционного сотрудничества [3; 4].

В условиях санкционного давления со стороны западных стран, а также стран Европы Беларусь делает ставку на переориентацию экспорта на альтернативные рынки. В последние годы усилилось экономическое взаимодействие со странами Африки и Ближнего Востока. Важным аспектом белорусской экономической дипломатии является сотрудничество с азиатскими, африканскими и латиноамериканскими государствами, которые рассматриваются как перспективные партнеры в сферах торговли, энергетики, машиностроения и агропромышленного комплекса. Введение санкций и ответные меры Беларуси и России привели к изменению логистических маршрутов, что потребовало значительных дипломатических усилий для обеспечения бесперебойных поставок белорусской продукции за рубеж [1].

Транспортный коридор «Север – Юг» представляет для Беларуси важные перспективы в рамках экономической дипломатии. Он открывает новые возможности для диверсификации торговых маршрутов, снижая зависимость от традиционных направлений через Западную Европу и Россию. Этот маршрут позволит Беларуси укрепить связи с Индией, Ираном, странами Персидского залива и Юго-Восточной Азии, обеспечивая доступ к портам Индийского океана. Особенно выгодным это может быть для экспорта белорусских калийных удобрений, нефтехимии, машиностроительной продукции и продовольствия. В условиях санкционного давления коридор «Север – Юг» становится альтернативным логистическим решением, позволяя обходить европейские транзитные ограничения. Беларусь может использовать свою транспортную инфраструктуру для транзита грузов между Россией и странами, входящими в этот маршрут, а также привлекать инвестиции в развитие логистических хабов. Это расширяет возможности для экспорта и импорта, например, поставок белорусской продукции в страны Ближнего Востока и Азии, а также закупок энергоресурсов и сырья из Ирана и государств Персидского залива. Однако на пути интеграции в этот коридор существуют определенные вызовы. Прежде всего, это недостаточное развитие инфраструктуры на отдельных участках, включая Иран и Каспийский регион, что может привести к задержкам поставок. Кроме того, санкционные риски, связанные с Беларусью и Ираном, могут затруднить финансовые расчеты и логистику. Конкуренция с другими транспортными маршрутами, такими как Новый шелковый путь через Китай и Казахстан, также остается значительным фактором. Ключевым моментом остается развитие собственной логистической инфраструктуры, что позволит успешно интегрироваться в этот стратегический транспортный маршрут [5; 6].

Одним из направлений экономической дипломатии является работа с международными финансовыми организациями, такими как Международный валютный фонд, Всемирный банк и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. Несмотря на политические вызовы, Беларусь стремится привлекать международные инвестиции и использовать различные механизмы финансирования для реализации инфраструктурных

и производственных проектов. Важную роль играет также участие страны в интеграционных объединениях, таких как Шанхайская организация сотрудничества и БРИКС, где Беларусь укрепляет свои позиции в качестве государства-участника [2].

Дальнейшее развитие экономической дипломатии Республики Беларусь может идти по нескольким направлениям. Во-первых, это дальнейшее углубление интеграции с Россией в рамках Союзного государства, что приведет к созданию новых совместных предприятий, усилению финансовой и экономической поддержки, а также формированию единой промышленной и торговой политики. Во-вторых, Беларусь продолжит активную работу по расширению своего присутствия на азиатских и африканских рынках, используя преимущества торговых соглашений и логистических коридоров. В-третьих, возможно усиление взаимодействия с странами Персидского залива, которые заинтересованы в инвестициях в сельское хозяйство, логистику и промышленность.

Для более полного представления важности экономической дипломатии как инструмента внешнеполитической стратегии Республики Беларусь стоит рассмотреть конкретный пример сотрудничества Беларуси и ОАЭ. Экономическая дипломатия Беларуси и Арабских Эмиратов развивается в направлении торгово-экономического сотрудничества, привлечения инвестиций и расширения взаимовыгодных проектов в различных секторах. Отношения между различными сферами заключаются в обеспечении стабильности, взаимовыгодным сотрудничеством, а также в стремлении государств в выведении уровня сотрудничества на новый уровень. Благодаря своему высокому уровню экономического развития, развитых финансовых возможностей, а также выгодному стратегическому положению на пересечении торговых путей Беларусь видит в ОАЭ перспективного партнера. Взаимодействие касается широкого спектра сфер, включая торговлю, инвестиции, промышленное сотрудничество, логистику, туризм и сферу высоких технологий. В последние годы наблюдается рост товарооборота между государствами, что позволяет организовать торговые миссии, бизнес-форумы и участие белорусских компаний в международных выставках, проводимых в ОАЭ. Белорусские предприятия активно продвигают свои товары на рынке Эмиратов, в том числе продукты питания, машиностроительную и нефтехимическую продукцию. В то же время белорусская сторона проявляет интерес к привлечению инвестиций из ОАЭ в собственные аспекты экономики, особенно в сфере недвижимости, информационных технологий и банковского сектора. Важную роль в развитии отношений играют визиты официальных делегаций и встречи на высшем уровне, подписание соглашений между странами в различных областях. Беларусь и ОАЭ активно сотрудничают в финансовой сфере, что наблюдается в деятельности банков и структур Эмиратов в Беларуси. Кроме того, основное внимание уделяется развитию туристических связей, поскольку ОАЭ являются привлекательным направлением для белорусских туристов, а Беларусь, в свою очередь, предлагает благоприятные условия для меди-

цинского и экологического туризма. Важным фактором взаимодействия является обмен опытом в области инноваций и технологий. Таким образом, экономическая дипломатия Беларуси и ОАЭ ориентирована на расширение взаимовыгодного сотрудничества, диверсификацию партнерства и укрепление двусторонних отношений на большей основе [7; 8].

Еще одним возможным сценарием является постепенное восстановление отношений с Европейским союзом, если изменится геополитическая обстановка. В случае смягчения санкционного давления Беларусь может вновь стать важным транзитным узлом между Европой и Азией, предлагая выгодные логистические решения и расширяя экономическое сотрудничество с западными компаниями. Однако такой сценарий требует значительных дипломатических усилий и пересмотра ряда внешнеполитических приоритетов. Таким образом, экономическая дипломатия Республики Беларусь является важным элементом внешнеполитической стратегии страны. Она направлена на преодоление текущих вызовов, поиск новых экономических партнеров и обеспечение устойчивого экономического роста. В условиях меняющегося мирового порядка Беларусь продолжит адаптировать свою внешнеэкономическую стратегию, балансируя между традиционными партнерами и новыми направлениями сотрудничества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Внешняя политика Беларуси // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – URL: https://www.mfa.gov.by/foreign_policy/ (дата обращения: 25.02.2025).
2. Политика Беларуси // Президент Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/politics> (дата обращения: 25.02.2025).
3. Боровик пояснил, чем Беларуси выгодно участие в проекте «Один пояс, один путь» // СБ – Беларусь сегодня. – 19.10.2023. – URL: <https://www.sb.by/articles/borovik-poyasnil-chem-belarusi-vygodno-uchastie-v-proekte-odin-poyas-odin-put.html> (дата обращения: 25.02.2025).
4. Выступление Министра иностранных дел Республики Беларусь М. Рыженкова на 9-м Саммите «Пояс и путь» (12 сентября 2024 г., Гонконг) // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/dd8b6abcd8f4a2db.html (дата обращения: 25.02.2025).
5. Транспортный коридор «Север – Юг» способен трансформировать глобальные экономические цепочки // СБ – Беларусь сегодня. – 01.04.2023. – URL: <https://www.sb.by/articles/rasshirenie-nashikh-vozmozhnostey.html> (дата обращения: 25.02.2025).
6. Развитие приоритетных направлений // Белорусская железная дорога. – URL: https://www.rw.by/corporate/belarusian_railway/priority_directions/#:~:text=%D0%A2%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B4%D0%BE%D1%80%20%E2%84%96%20%D1%81%D0%BE%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D1%8F%D0%B5%D1%82,%2D%20%D0%92%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%B1%D1%81%D0%BA%D0%B0%2C%20%D0%9C%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B0%2C%20%D0%93%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D0%BB%D1%8F (дата обращения: 25.02.2025).
7. Политическое сотрудничество // Посольство Республики Беларусь в Объединенных Арабских Эмиратах. – URL: https://uae.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/UAE/politics/ (дата обращения: 25.02.2025).
8. Двусторонние отношения // United Arab Emirates ministry of foreign affairs. – URL: <https://www.mofa.gov.ae/ru-ru/missions/minsk/uae-relationships/bilateral-relationship> (дата обращения: 25.02.2025).

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ РЕАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Д. А. Буконкин

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, d.bukonkin@gmail.com*

Статья посвящена анализу актуального состояния международного регулирования вопросов информационного суверенитета. Рассмотрены различные подходы к понятию информационного суверенитета, стратегии ведущих государств по его реализации. Излагаются основные инициативы международных организаций по регулированию проблем информационного суверенитета и предлагается белорусский подход к вопросу. Формулируются конкретные меры по совершенствованию международного регулирования реализации информационного суверенитета.

Ключевые слова: международная безопасность; информационный суверенитет; международное сотрудничество; национальные интересы; Республика Беларусь.

CURRENT PROBLEMS OF INTERNATIONAL REGULATION OF ISSUES OF IMPLEMENTATION OF INFORMATION SOVEREIGNTY

D. Bukonkin

*Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, d.bukonkin@gmail.com*

This article analyzes the current state of international regulation of issues related to information sovereignty. It examines various approaches to the concept of information sovereignty and the strategies of leading states in its implementation. It outlines the main initiatives of international organizations to regulate the challenges of information sovereignty and proposes a Belarusian approach to the issue. Specific measures to improve the international regulation of the realization of information sovereignty are also suggested.

Keywords: international security; information sovereignty; international cooperation; national interests; Republic of Belarus.

Распространение цифровых технологий на сферу реальной экономики стирает границы между виртуальным и физическим мирами, что создает как новые возможности, так и серьезные вызовы для государственного суверенитета [1]. Поскольку информационная прозрачность на глобальном уровне препятствует защите национальных интересов, возникает необходимость в разработке эффективных механизмов международного регулирования вопросов информационной безопасности.

В научных кругах и среди практиков возникают все больше разногласий по поводу того, в какой степени традиционные представления о государственном суверенитете применимы в информационной среде, а

также какие новые формы его реализации должны быть закреплены в международном праве [2, с. 675].

В качестве основных академических исследований по проблеме регулирования информационного суверенитета на международном уровне можно отметить работы западных и российских ученых. Среди западных авторов следует назвать следующих: Х. Перрит, С. Пауэрс, Й. Рауфер, К. Боуден [3–5], которые рассматривают вопросы влияния глобальных информационных сетей на суверенитет государств и формирование новых подходов к обеспечению информационной безопасности.

Российскими специалистами, внесшими значительный вклад в изучение данной проблематики, являются А. А. Ефремов [6], Н. В. Василенко [1], А. Ю. Румянцева, А. Я. Капустин [7], В. П. Талимончик [8], анализирующие концепцию информационного суверенитета и способы его реализации.

Среди белорусских авторов следует отметить Н. О. Мороз [9], Т. Н. Кузьменкову [10] и И. В. Шахновскую [11], которые рассматривали как вопросы международного регулирования информационного суверенитета, так и контекст строительства цифрового государства, а также О. Н. Тынянову, анализировавшую проблему национального суверенитета в условиях глобализации [12].

Традиционно понятие «суверенитет» в международном праве трактуется как центральный принцип, определяющий независимость государств и их высшую власть в пределах своей территории: государство обладает верховной властью, не подчиняясь воле других государств. Как отмечают исследователи, развитие информационно-коммуникационных технологий привело к размыванию традиционных представлений о суверенитете. Трансграничный характер информационно-коммуникационных потоков и появление новых акторов в информационном пространстве подрывают основы территориального суверенитета государств [13, с. 228].

В условиях глобальной информационной взаимозависимости появились термины для описания различных аспектов и состояний государственного суверенитета: «информационный суверенитет», «цифровой суверенитет» и «кибесуверенитет».

Информационный суверенитет по мнению М. М. Кучерявого – это способность государства контролировать информационные процессы, происходящие в пределах национального киберпространства, включая производство, распространение и использование информации, а также противостоять внешнему воздействию и обеспечивать информационную безопасность [14, с. 9].

Другие исследователи, такие как К. Перес и А. Б. Венгеров считают, что информационный суверенитет включает в себя право государства устанавливать правила и осуществлять контроль над содержанием, потоками и циркуляцией информации на своей территории, защищая национальные интересы в информационной сфере.

В юридической литературе можно выделить три основных подхода к пониманию информационного суверенитета: информационно-защитный, информационно-политический и традиционный [15, с. 21]. В соответствии с первым подходом, информационный суверенитет государства предполагает его способность защищать свои интересы в информационной сфере от внешних угроз, таких как кибератаки, угрозы распространения деструктивного контента, утечки конфиденциальной информации [8].

Согласно второму подходу, информационный суверенитет государства заключается в возможности самостоятельно формировать информационную повестку дня, контролировать распространение информации, противостоять информационно-психологическим воздействиям и манипуляциям со стороны других акторов, а также обеспечивать информационную безопасность [16, с. 64].

Представители третьего подхода рассматривают информационный суверенитет как оплот традиционного государственного суверенитета, подразумевая под ним верховенство национального права в регулировании информационно-коммуникационной сферы на территории государства.

В последнее время ряд государств предприняли законодательные меры по обеспечению своего информационного суверенитета. Так, в России был принят Федеральный закон «Об обеспечении безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». Китай реализует стратегию «цифрового суверенитета» через формирование национального сегмента интернета и ужесточение контроля над трансграничными потоками данных. США реализуют меры по обеспечению суверенитета в информационной сфере, в частности, ужесточая контроль над программными компонентами и отказывая в доступе к технологиям компаниям, связанным с правительствами иностранных государств.

Анализ работ западных авторов, таких как Х. Перрит и С. Пауэрс показывает, что защита информационного суверенитета сопрягается с сохранением открытого и свободного интернета. В ЕС уделяется значительное внимание вопросам «цифрового суверенитета», подразумевающего большую степень контроля над критической информационной инфраструктурой и персональными данными граждан [17, р. 58–59].

Несмотря на активизацию государств в вопросах информационного суверенитета, существует ряд пробелов в международном праве, не позволяющих гармонизировать взаимоотношения в информационной сфере.

Во-первых, отсутствие общепризнанных норм международного права в отношении ответственности государств за киберпреступления, кибератаки и трансграничное распространение деструктивного контента.

Во-вторых, недостаточная проработка вопросов балансировки интересов государств в области защиты национального суверенитета и обеспечения свободы информации в трансграничном информационном пространстве.

В-третьих, отсутствие эффективных механизмов международного контроля и разрешения конфликтов в киберпространстве.

Эксперты из группы правительственных экспертов ООН отмечают необходимость выработки универсальных международно-правовых норм, которые бы устанавливали базовые принципы ответственного поведения государств в информационном пространстве, а также механизмы разрешения конфликтов и обеспечения информационной безопасности на глобальном уровне. Кроме того, требуется повышение уровня сотрудничества и координации между государствами, международными организациями и частным сектором в сфере обмена информацией о киберугрозах и выработки согласованных ответных мер.

Продвижение идеи «многостороннего управления интернетом» с участием не только государств, но и других заинтересованных сторон, таких как международные некоммерческие организации и бизнес-сообщество, также может способствовать формированию сбалансированной системы регулирования информационной сферы.

В Рамочной конвенции ООН по безопасности информации и коммуникационных технологий 2019 г. государства-члены обязуются не применять ИКТ в ущерб безопасности других государств и гарантировать их неприкосновенность. В Конвенции предлагается закрепить суверенное право каждого государства на обеспечение безопасности национального информационного пространства, а также на установление норм и механизмов управления своим информационным и культурным пространством в соответствии с принципами международного права [18, с. 30].

Государства – члены БРИКС в совместных заявлениях подтверждают необходимость обеспечения международной информационной безопасности на основе принципов суверенного равенства, невмешательства во внутренние дела и взаимного уважения государств.

В рамках ШОС ведется работа по разработке универсальных правил поведения государств в сфере использования ИКТ. Подчеркивается важность уважения суверенитета государств-членов, включая информационный суверенитет, что подразумевает свободу стран определять свои собственные правила и подходы к управлению информационными потоками и технологиями внутри своих границ.

В рамках инициатив G20 и G7 также уделяется внимание вопросам международной информационной безопасности, включая проблематику суверенитета государств в информационном пространстве, защиту критической информационной инфраструктуры и защиту личных данных граждан [19; 20].

Республика Беларусь последовательно отстаивает свой информационный суверенитет, предпринимая меры по обеспечению безопасности критической информационной инфраструктуры, защите персональных данных граждан и борьбе с трансграничным распространением деструктивного контента. В Концепции информационной безопасности Республики Беларусь указывается на необходимость повышения эффективности международно-правового регулирования информационной сферы, развития каналов обмена опытом и информацией в этой области, а также

содействие разработке мер по укреплению доверия между государствами в киберпространстве

Принимаемые в Беларуси меры в сфере информационной безопасности включают совершенствование нормативно-правовой базы, развитие системы государственного управления в области противодействия киберугрозам, модернизацию инфраструктуры информационной безопасности, развитие научно-технического потенциала.

Беларусь рассматривает обеспечение информационного суверенитета в качестве одного из ключевых направлений национальной политики в информационной сфере, а также выступает за активизацию международного сотрудничества в этом направлении на основе принципа суверенного равенства государств [21].

В то же время Республика Беларусь сталкивается с рядом вызовов и угроз в области информационной безопасности, на фоне санкционного давления и информационного противоборства со стороны некоторых зарубежных стран.

Для обеспечения устойчивости национальной информационной инфраструктуры и защиты суверенитета в информационном пространстве Беларусь исходит из необходимости активизации международных усилий в этой сфере и согласования подходов.

Именно поэтому Беларусь присоединилась к российской инициативе по разработке Конвенции ООН о международной информационной безопасности, которая предполагает создание единой системы регулирования информационного пространства на основе принципов государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела стран. Кроме того, республика поддерживает конструктивные инициативы международных организаций, членом которых она является.

Таким образом, проблема правового регулирования вопросов обеспечения информационного суверенитета государств в условиях возрастающей взаимозависимости и взаимопроникновения национальных информационных пространств является чрезвычайно актуальной.

Несмотря на то, что международное сообщество предпринимает определенные шаги в этом направлении, в том числе в рамках деятельности ООН, ОБСЕ, ШОС, БРИКС и других организаций, назрела потребность в разработке универсальных норм и механизмов, которые позволили бы государствам эффективнее обеспечивать свой информационный суверенитет и безопасность национального информационного пространства.

В этой связи целесообразно:

- активизировать государствами и международными организациями сотрудничество по выработке согласованных правил, принципов и механизмов обеспечения информационной безопасности государств;
- принять Конвенцию ООН об информационной безопасности, которая закрепила бы суверенное право государств на обеспечение безопасности национального информационного пространства, включая контроль над трансграничным движением информации и данных;

– повысить эффективность международного сотрудничества по борьбе с информационной преступностью и терроризмом, включая совместные механизмы реагирования на инциденты и обмен передовым опытом;

– создать устойчивые и безопасные механизмы для обмена данными между государствами, которые позволят предотвратить конфликты в информационной сфере и содействовать мирному разрешению споров;

– развивать национальную нормативно-правовую базу по вопросам обеспечения информационной безопасности и суверенитета с учетом международных практик.

Решение проблем правового регулирования информационного суверенитета государств должно стать одним из ключевых направлений международного сотрудничества в сфере информационной безопасности в современных условиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Василенко, Н. В. Формирование информационного суверенитета государства в условиях цифровизации экономики: технологическая и ценностная составляющие / Н. В. Василенко, А.Ю. Румянцева // Экономика и управление. – 2022. – Т. 28, № 10. – С. 1051–1063.

2. Роблес-Каррильо, М. Суверенитет и цифровой суверенитет / М. Роблес-Каррильо // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – № 1 (3). – С. 673–690.

3. Perritt, H. H. Jr. The Internet as a Threat to Sovereignty? Thoughts on the Internet's Role in Strengthening National and Global Governance / H. H. Jr. Perritt // Indiana Journal of Global Legal Studies. – 1998. – Vol. 5, N 2. – P. 423–442.

4. Powers, S. Towards Information Sovereignty / S. Powers // Beyond Netmundial: The Roadmap for Institutional Improvements to the Global Internet Governance Ecosystem. – Philadelphia: Center for Global Communication Studies, 2014. – P. 90–99.

5. Rauhofer, J. Protecting Their Own: Fundamental Rights Implications for EU Data Sovereignty in the Cloud: Edinburgh School of Law Research Paper N 2013/28 / J. Rauhofer, C. Bowden // SSRN. – URL: <http://ssrn.com/abstract=2283175> (date of access: 07.03.2025).

6. Ефремов, А. А. Формирование концепции информационного суверенитета государства / А. А. Ефремов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 1. – С. 201–2015.

7. Капустин, А. Я. Суверенитет государства в киберпространстве: международно-правовое измерение / А. Я. Капустин // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – Т. 18, № 6. – С. 99–108.

8. Talimonchik, V. Legal Aspects of International Information Security / V. Talimonchik // IntechOpen. – URL: <https://www.intechopen.com/chapters/66848> (date of access: 07.03.2025).

9. Мороз, Н. О. Информационный суверенитет Республики Беларусь в контексте современного международного права / Н. О. Мороз // Право.by. – 2022. – № 2 (76). – С. 111–116.

10. Кузьменкова, Т. Н. Концептуальные аспекты прав человека и информационный суверенитет государства / Т. Н. Кузьменкова // Право.by. – 2021. – № 6 (74). – С. 76–82.

11. Шахновская, И. В. Информационный суверенитет государства и личности: опыт Республики Беларусь и зарубежных стран / И. В. Шахновская // Вестн. ЮУрГУ. Сер. «Право». – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 117–123.

12. Тынянова, О. Н. Национальный суверенитет и государственные границы в эпоху глобализации / О. Н. Тынянова // Век глобализации. – 2010. – № 1. – С. 89–105.
13. Бурла, В. Цифровизация – фактор трансформации государственного суверенитета как международно-правовой категории в документах ООН и ценности в конституциях государств - членов СНГ / В. Бурла // Вестн. ун-та имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 12. – С. 224–232.
14. Кучерявый, М. М. Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира / М. М. Кучерявый // Управленческое консультирование. – 2014. – № 9. – С. 7–14.
15. Анциферова, Э. Ю. Доктринальные подходы к пониманию информационного суверенитета в теории конституционного права / Э. Ю. Анциферова // Право.by. – 2022. – № 3 (77). – С. 20–27.
16. Бажина, М. А. Содержание и актуальные угрозы обеспечению информационного суверенитета: на примере Республики Беларусь и Российской Федерации / М. А. Бажина, И. В. Шахновская // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. – 2023. – № 2 (64). – С. 63–67.
17. Information Security in Academic Institutions: Emerging Issues and Remediation Strategies / S. A. Burd, S. S. Cherkin, J. Concannon // Journal of Security Education. – 2005. – № 1 (2–3). – С. 55–68.
18. Ромашкина, Н. П. Проблема международной информационной безопасности в ООН (История, спорные вопросы, перспективы) / Н. П. Ромашкина // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64, № 12. – С. 25–32.
19. Зиновьева, Е. С. Перспективные тенденции формирования международного режима по обеспечению информационной безопасности / Е. С. Зиновьева // Вестн. МГИМО. – 2016. – № 4 (49). – С. 235–247.
20. Stevens, T. Cyberweapons: an emerging global governance architecture / T. Stevens // Palgrave Commun 3. 16102 (2017). – URL: <https://www.nature.com/articles/palcomms2016102> (date of access: 07.03.2025).
21. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь : постановление Совета безопасности Респ. Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 // Национальн. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&pro=P219s0001> (дата обращения: 20.12.2024).

СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО РОССИИ И БЕЛАРУСИ В ОЦЕНКАХ КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

С. В. Кривохиж

*НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург,
наб. канала Грибоедова 123, лит. А, 190068, Санкт-Петербург, Россия,
skrivokhizh@hse.ru*

Статья анализирует и систематизирует взгляды китайских исследователей на Союзное государство России и Беларуси. Исследование основывается на материалах китайской научной базы данных CNKI. Китайские ученые рассматривают интеграцию через призму исторических, культурных и экономических связей между странами, а также фокусируются на оценке влияния внешних факторов, таких как давление Запада и расширение НАТО. Особое внимание уделяется проблеме асимметрии отношений: в то время как Россия стремится к более глубокой интеграции, Беларусь остается приверженной сохранению суверенитета. Военное сотрудничество и координация разведывательных служб выделены как важные элементы успешного взаимодействия. Исследователи также отмечают роль третьих стран, особенно Польши, в попытках повлиять на процесс интеграции. Можно заключить, что для Китая Союзное государство представляет интерес в контексте стратегии «Один пояс, один путь» и развития евразийской интеграции. Изучение данного проекта помогает Китаю лучше понять региональную динамику и формировать собственную внешнюю политику.

Ключевые слова: Союзное государство; Китай; CNKI; региональная динамика; научный дискурс.

THE UNION STATE OF RUSSIA AND BELARUS IN THE ASSESSMENTS OF CHINESE RESEARCHERS

S. Krivokhizh

*National Research University Higher School of Economics – St. Petersburg,
123 Griboedov Canal Embankment, Lit. A, St. Petersburg 190068, Russia,
skrivokhizh@hse.ru*

The article analyzes and systematizes the views of Chinese researchers on the Union State of Russia and Belarus. The study is based on the materials of the Chinese scientific database CNKI. Chinese scholars consider integration through the prism of historical, cultural and economic ties between the countries, and also focus on assessing the influence of external factors, such as Western pressure and NATO expansion. Particular attention is paid to the asymmetry of the relationship: while Russia seeks deeper integration, Belarus remains committed to preserving its sovereignty. Military cooperation and intelligence coordination are highlighted as important elements of successful engagement. Researchers also note the role of third countries, especially Poland, in trying to influence the integration process. It can be concluded that the Union State is of interest to China in the context of the Belt and Road Initiative strategy and the development of Eurasian integration. Studying this project helps China to better understand regional dynamics and to shape its own foreign policy.

Keywords: Union State; China; CNKI; regional dynamics; academic discourse.

Союзное государство России и Беларуси представляет собой уникальный политический и экономический проект, который вызывает значительный интерес не только в странах-участницах, но и за их пределами. В последние годы наблюдается растущий интерес китайских исследователей к этому интеграционному образованию, что обусловлено как геополитическими изменениями, так и экономическими реалиями в регионе. Китай, стремящийся укрепить свои позиции на международной арене, рассматривает Россию и Беларусь как важных партнеров в вопросах безопасности и экономического сотрудничества, довольно большой пул исследований посвящен изучению российско-китайского [1] и белорусско-китайского сотрудничества [2], однако до сих пор мало известно о том, как в Китае осмысливается Союзное государство России и Беларуси.

Цель статьи заключается в систематизации оценок и интерпретаций, предлагаемых китайскими исследователями относительно Союзного государства России и Беларуси. В ходе анализа будут выделены ключевые аспекты, которые интересуют китайских ученых, а также систематизированы точки зрения на интеграционные процессы в рамках Союзного государства, его влияние на международные отношения, экономику и безопасность в регионе.

Актуальность исследования обусловлена растущим интересом Китая к постсоветскому пространству в условиях глобальных изменений. В свете современных вызовов, таких как экономическая нестабильность и геополитические конфликты, изучение оценок китайских исследователей может помочь лучше понять китайское видение развития ситуации в регионе и отдельных аспектов, которые имеют для него первостепенное значение.

Для анализа были выбраны статьи из китайской научной базы данных CNKI по запросу 俄白联盟 (эбай лянмэн) дословно «союз России и Беларуси» (по запросу «союзное государство России и Беларуси» база выдавала только одну статью). Количественный анализ статей демонстрирует, что китайские исследователи достаточно редко обращаются к изучению данной темы. С 1997 г. по ней было написано 133 статьи (для сравнения по запросу российско-китайские отношения база выдает 3279 статей). Кроме этого, можно наблюдать, что интенсивность публикаций по теме совпадает с какими-то важными событиями политической повестки. Например, в 2021–2022 гг. по теме было опубликовано 8 статей, посвященных подписанию интеграционного декрета России и Беларуси. В некоторые годы публикаций по теме Союзного государства нет (например, в 2017 и 2018 гг.).

Анализ отобранных материалов позволил выявить несколько основных тем, которые находятся в фокусе внимания китайских исследователей. Так, авторы часто рассуждают о том, что является мотивацией для участия в Союзном государстве для России и Беларуси. По оценкам китайских исследователей, она обусловлена несколькими ключевыми факторами. Во-первых, страны являются близкими соседями с высоким уровнем этнических, исторических и культурных связей. Эти общие кор-

ни создают прочную основу для сотрудничества и совместного развития [3, с. 94]. Во-вторых, важным фактором, стимулирующим развитие российско-белорусского альянса, является взаимодополняемость интересов. После распада Советского Союза Беларусь установила «особые отношения» с Россией, которые, несмотря на взлеты и падения, всегда были более тесными, чем у других бывших советских республик [4, с. 34]. Например, поддержка Беларуси в области энергоснабжения и других сферах стала залогом ее устойчивого экономического роста [5, с. 51]. В-третьих, по мнению китайских авторов, Беларусь рассматривает Россию как опору для своей национальной безопасности и надеется на ее поддержку для эффективного противостояния внешним угрозам. Более того, авторы сходятся во мнении, что в последние годы именно внешнее давление со стороны Запада становится основным связующим фактором в современных российско-белорусских отношениях [6, с. 55].

Вторая тема, которую можно выделить, это рассуждения китайских авторов об амбициях России в рамках Союзного государства. Так, китайские ученые оценивают амбиции России в отношениях с Беларусью как стратегически важные для сохранения влияния Москвы на постсоветском пространстве. Они отмечают, что несмотря на неоднократные заявления президента Владимира Путина о том, что «восстанавливать Советский Союз было бы глупо», Россия не отказывается от идеи создания нового интеграционного объединения, которое могло бы привлечь другие бывшие советские республики [4, с. 37]. В условиях «асимметричного» стратегического соревнования с США и другими западными странами влияние России на Беларусь становится особенно актуальным. Китайские авторы отмечают, что для России успех Союзного государства определяет судьбу регионализации на постсоветском пространстве [7, с. 54]. Так, если России не удастся сохранить прочный союз с Беларусью, это может привести к фрагментации постсоветского пространства и потере важной стратегической зоны интересов. В таком случае, реализация амбиции России стать великой державой окажется под угрозой. Китайские исследователи подчеркивают, что с учетом продолжающегося проникновения западных политических и военных сил на территорию СНГ, стратегическое положение Беларуси становится все более заметным. Россия имеет лишь несколько надежных союзников в этом регионе, и укрепление военно-политических связей с Беларусью необходимо для противодействия расширению НАТО, повышения обороноспособности и создания буферной зоны в сложной геополитической игре. Таким образом, через российско-белорусскую военную интеграцию Россия стремится не только обеспечить свои собственные интересы безопасности, но и восстановить общее лидерство в СНГ, что подчеркивает важность этого альянса для будущего стабильности и безопасности в регионе [5, с. 50].

Говоря о проблемах Союзного государства, выделяются следующие. Самая основная – это асимметрия в отношениях, которая определяет разницу в подходах к проекту Союзного государства [7, с. 53]. Россия

стремится к созданию полного союза, однако у Беларуси, как меньшего государства, это вызывает опасения. Суверенитет является для Минска важнейшим вопросом, и он не готов жертвовать им ради более тесной интеграции. Это стало основной причиной задержки принятия общей конституции и перехода на единую валюту. Кроме этого, в то время как Россия нацелена на формирование военных альянсов и долгосрочную политическую интеграцию, Беларуси выгоднее придерживаться мультивекторной политики и не быть полностью привязанной к одному партнеру. Тем не менее, подписание интеграционного декрета в 2021 г. по мнению китайских авторов ознаменовало окончание «стратегических колебаний Беларуси», которая ранее пыталась сохранить мультивекторную политику и пространство для развития связей с Европой [8, с. 25].

Большое внимание уделяется военному сотрудничеству и координации разведывательных служб [9]. Китайские исследователи подчеркивают важность сотрудничества России и Беларуси в военной сфере и сфере разведки в свете современных геополитических вызовов. Основными мотивами этого сотрудничества являются необходимость противодействия расширению НАТО на восток, укрепление стратегической обороноспособности и создание буферной зоны. Важной целью является также углубление военной интеграции в рамках СНГ, где российско-белорусская интеграция играет ключевую роль. По мнению исследователей, это сотрудничество позволяет не только повысить уровень безопасности в СНГ, но и восстановить его статус в регионе. Китайские авторы отмечают, что переломным моментом для интенсификации сотрудничества в этих сферах стал политический кризис в Беларуси. Особое внимание в работах исследователей уделяется близким личным связям между президентами России и Беларуси, что значительно облегчает обмен информацией и принятие оперативных решений. Эта скорость и эффективность взаимодействия в сфере разведки представляют собой важное преимущество, которое Китаю следует учитывать в своих усилиях по укреплению связей с дружественными разведками, например, в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Китай, также сталкивающийся с угрозами, такими как возможные «цветные революции», особенно в контексте ситуации в Гонконге и Тайване, может извлечь уроки из опыта России и Беларуси [10, с. 104].

Интересным моментом стало исследование роли Польши в развитии Союзного государства [11]. Китайские авторы отмечают, что на протяжении веков Беларусь оказывалась между двумя мощными соседями, что создавало для нее сложные политические реалии. В последние десятилетия Беларусь, как правило, ориентируется на Россию, а Польша интегрировалась в Европу. С началом формирования российско-белорусского союза Польша активизировала свое присутствие в Беларуси, используя благоприятные обстоятельства для изменения дипломатического курса Минска. Основным путем влияния Польши на российско-белорусский союз заключается в поддержке белорусской оппозиции. Польша активно ис-

пользует неофициальные методы влияния, включая манипулирование польским населением в Беларуси, особенно в Западной части страны. Польское правительство регулярно предоставляет поддержку оппозиционным движениям, что подтверждается утечками информации о финансировании через неправительственные организации. Таким образом, Польша располагает значительными ресурсами для влияния на внутренние дела Беларуси, что может препятствовать процессу российско-белорусского объединения.

Анализ китайских исследований о Союзном государстве России и Беларуси демонстрирует, что внимание к теме носит периодический характер, активизируясь в моменты важных политических событий. Тем не менее, можно сделать ряд любопытных наблюдений. Так, китайские авторы отмечают исторические, культурные и экономические связи между Россией и Беларусью, как факторы, обеспечивающие прочную основу для сотрудничества. Однако асимметрия в отношениях, вызванная различиями в размерах, ресурсах и стратегических приоритетах, остается одной из главных проблем интеграции. Для Беларуси сохранение суверенитета является ключевым условием участия в проекте, тогда как Россия стремится к более глубокой интеграции, что порождает противоречия.

Особое внимание уделяется роли внешних факторов, таких как давление Запада и расширение НАТО, которые становятся связующими элементами в российско-белорусских отношениях. Китайские авторы подчеркивают, что для России успех Союзного государства имеет стратегическое значение, поскольку он влияет на ее позиции на постсоветском пространстве и способность противостоять западному влиянию. В свою очередь, военное сотрудничество и координация разведывательных служб рассматриваются как важнейшие инструменты обеспечения безопасности в регионе. Представляется, что эти темы важны для китайских исследователей в контексте политики самого Китая, который так же сталкивается с внешним давлением и имеет амбиции на мировой арене.

Интересным аспектом анализа является рассмотрение роли третьих стран, таких как Польша, в контексте российско-белорусской интеграции. Китайские исследователи отмечают, что попытки внешнего вмешательства через поддержку оппозиции могут стать серьезным препятствием для реализации проекта. Это также подчеркивает важность внутренней стабильности для успешного развития Союзного государства.

Таким образом, китайские исследования предоставляют ценный взгляд на динамику отношений в рамках Союзного государства, а также демонстрируют, какие проблемы оказываются критически важными для китайских авторов, так как перекликаются с вызовами, с которыми сталкивается сам Китай. Кроме этого, представляется, что для Китая проект Союзного государства представляет интерес как пример региональной интеграции, который может быть полезен для понимания собственных стратегических задач, включая развитие инициативы «Один пояс, один путь» и укрепление связей с дружественными государствами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лузянин, С. Г. Россия–Китай: партнерство расширяется / С. Г. Лузянин // Азия и Африка сегодня. – 2023. – № 4. – С. 5–12.
2. Залесский, Б. Беларусь–Китай: новые возможности. Стратегическое взаимодействие в эпоху образцовых отношений партнерства / Б. Залесский // Электронная библиотека БГУ. – 2023. – URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/300960> (дата обращения: 15.10.2024).
3. 李瑞琴. 俄白联盟发展的历程与现实意义 = Ли Жуйцин. История развития и современное значение союза России и Беларуси / 李瑞琴 = Ли Жуйцин // 人民论坛 = Народный форум. – 2022. – № 18. – С. 93–97.
4. 漠北. 地缘视角的俄白联盟 = Мо Бэй. Союз России и Беларуси с точки зрения геополитики / 漠北 = Мо Бэй // 坦克装甲车辆 = Танковые и бронированные машины. – 2021. – № 22. – С. 32–37.
5. 俄白联盟国家前途未卜 = Хэ Вэй. Будущее Союзного государства России и Беларуси остается неопределенным / 何卫 = Хэ Вэй // 时事报告 = Доклад о текущих событиях. – 2006. – № 3. – С. 50–51.
6. 朱香玉. 俄白军事合作: 战略考量、现实进展与特点分析 = Чжу Сяньюй. Военное сотрудничество России и Беларуси: стратегические соображения, текущие достижения и анализ особенностей / 朱香玉 = Чжу Сяньюй // 西伯利亚研究 = Сибирские исследования. – 2024. – № 3. – С. 54–64.
7. 王彦. 后苏联空间地区化视角下的俄白联盟 = Ван Янь. Союз России и Беларуси в контексте регионализации постсоветского пространства / 王彦 = Ван Янь // 西伯利亚研究 = Сибирские исследования. – 2007. – № 1. – С. 52–54.
8. 白云居士. 俄白联盟走向何方 = Бай Юньцзуш. Куда движется союз России и Беларуси? / 白云居士 = Бай Юньцзуш // 坦克装甲车辆 = Танковые и бронированные машины. – 2021. – № 24. – С. 23–27.
9. 刘江韵 & 吴小鹏. 俄白联盟情报合作分析 = Лю Цзяньюнь, У Сяопэн. Анализ разведывательного сотрудничества в рамках союза России и Беларуси / 刘江韵, 吴小鹏 = Лю Цзяньюнь, У Сяопэн // 情报杂志 = Журнал разведки. – 2022. – № 05. – С. 14–21.
10. Би Хунье. Проблемы и перспективы союза России и Беларуси / Хунье Би // Евразийская экономика. – 2014. – № 2. – С. 96–104.
11. Ли Чжицин. Роль Польши в создании союза России и Беларуси / Чжицин Ли // Современный китайский форум. – 2013. – № 4. – С. 101–102.

*Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ-БРФФИ (24-48-10015)
«Трансформация военно-политических, энергетических и социально-гуманитар-
ных аспектов системы европейской безопасности:
значение для Союзного государства»*

«КОНФРОНТАЦИОННЫЙ» ПОТЕНЦИАЛ ФРГ КАК ВЫЗОВ ДЛЯ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ

Д. А. Дмитриев¹⁾, У. Д. Поличенко²⁾, И. Д. Соболев³⁾

¹⁾ МГИМО МИД России,
пр. Вернадского, 76, 119454, г. Москва, Россия, danya.dmitriev8@yandex.ru

²⁾ МГИМО МИД России,
пр. Вернадского, 76, 119454, г. Москва, Россия, ulyanapoly@icloud.com

³⁾ МГИМО МИД России,
пр. Вернадского, 76, 119454, г. Москва, Россия, i.d.sobolev@my.mgimo.ru

В настоящей статье проанализированы изменения в области политики безопасности и обороны ФРГ в свете эскалации российско-украинского конфликта в феврале 2022 г. Выдвигается гипотеза об изменении стратегии позиционирования ФРГ на международной арене. Отмечается ставка политических элит ФРГ на ужесточение «конфронтационной» риторики, усиление бундесвера и укрепление силового компонента для проецирования собственного влияния. Авторы приходят к выводу, что наблюдаемая тенденция представляет собой вызов для Союзного государства России и Беларуси, требуя скоординированных комплексных мер в области военно-оборонительного сотрудничества.

Ключевые слова: бундесвер; экспансия; международное позиционирование; «восточный фланг» НАТО; Союзное государство России и Беларуси.

THE “CONFRONTATIONAL” POTENTIAL OF GERMANY AS A CHALLENGE TO THE UNION STATE OF RUSSIA AND BELARUS

D. Dmitriev^a, U. Polichenko^b, I. Sobolev^c

^a MGIMO University,
76 Vernadsky Avenue, Moscow 119454, Russia, danya.dmitriev8@yandex.ru

^b MGIMO University,
76 Vernadsky Avenue, Moscow 119454, Russia, ulyanapoly@icloud.com

^c MGIMO University,
76 Vernadsky Avenue, Moscow 119454, Russia, i.d.sobolev@my.mgimo.ru

This article aims at analyzing the changes in the security and defense policy of Germany amid the escalation of the Russian-Ukrainian conflict in February 2022. The article puts forward the hypothesis about the change in the strategy of positioning of the Federal Republic of Germany on the international arena. It is noted that the German political elites bet on toughening “confrontational” rhetoric, strengthening the Bundeswehr and the power component in order to project their own influence. The authors come to the conclusion that the analyzed tendency presents a challenge for the Union State of Russia and Belarus, requiring coordinated comprehensive measures in the field of military cooperation.

Keywords: Bundeswehr; expansion; international positioning; NATO’s “eastern flank”; the Union State of Russia and Belarus.

На фоне эскалации украинского кризиса, 27 февраля 2022 г. канцлер ФРГ О. Шольц с трибуны бундестага символично провозгласил «смену эпох» (*Zeitenwende*) в Германии и Европе. В основе этой концепции лежит представление о необходимости более активного реагирования Германии на вызовы, связанные с изменением системы международных отношений [1, с. 139–140].

Более детально содержание доктрины «смены эпох» Шольц изложил на страницах авторитетного американского журнала «*Foreign Affairs*». По мнению федерального канцлера, с началом боевых действий в Украине в феврале 2022 г. перед Германией встала важнейшая задача – стать «одним из основных гарантов безопасности» в Европе, путем развития собственных вооруженных сил, укрепления европейского ВПК, повышения военного присутствия на «восточном» фланге НАТО, а также обучения и оснащения ВСУ [2].

Более трех десятилетий с момента окончания «холодной войны» влияние Германии в мире проецировалось через политическую интеграцию, экспорт товаров и культурное сотрудничество. По Н. В. Павлову (МГИМО МИД России), в Берлине делалась ставка на «мирный» и «двухуровневый» экспансионизм [3, с. 80]. «Мирный» – без опоры на военную силу, «двухуровневый» – участие ФРГ в экспансии коллективного Запада параллельно с реализацией индивидуальной стратегии. С провозглашением «смены эпох» ревизии подвергаются обе практики международного позиционирования Германии.

Во-первых, вместо «мягкого гегемонизма» официальными лицами предлагается концепция «пригодности к войне» (*Kriegstüchtigkeit*). Впервые этот термин был введен в употребление федеральным министром обороны Б. Писториусом в доктринальном документе «Руководящие принципы оборонной политики ФРГ» в начале ноября 2023 г. «Готовность» к войне, по убеждению Б. Писториуса, не должна оставаться лишь абстрактным понятием в стратегических документах, а должна укрепиться в сознании общества [4], которому следует свыкнуться с «возвращением войны в Европу» [5, с. 6].

Наблюдаемые изменения в области политики безопасности и обороны ФРГ Ф. О. Трунов (ИНИОН РАН) предлагает трактовать как отход от концепции «стратегической сдержанности» (или «мирного экспансионизма» по Н. В. Павлову) в сторону «новой ремилитаризации» [6, с. 98], которая в информационном поле представляется исключительно как «вынужденная» мера в свете «российской угрозы».

Во-вторых, возобладание военно-политического фактора в стратегии позиционирования ФРГ на международной арене обусловлено меняющейся природой трансатлантических отношений и укреплением новых центров силы. В период первого президентства Д. Трампа (2017–2021 гг.) в ЕС начинает формироваться понимание о необходимости достижения, выражаясь словами президента Франции Э. Макрона, бóльшей «стратегической автономии» на международной арене, в первую очередь путем

укрепления силовой составляющей. Профессор Мюнхенского университета бундесвера К. Масала полагает, что в условиях «эрозии международного либерального порядка», нарастания конкуренции между США и КНР – странам ЕС необходимо обрести свой голос и перейти к стратегии «сбалансированного партнерства» с США, чтобы в какой-то момент не стать «игрушкой» в геополитическом противостоянии Вашингтона и Пекина [7, с. 10].

Иными словами, «двухуровневая экспансия» ФРГ по Н. В. Павлову рискует превратиться в «одноуровневую», при которой отпадает трансатлантический элемент. В свете новой геополитической реальности политические элиты европейских стран, в том числе ФРГ, в средне- и долгосрочной перспективе для нахождения своего места в новой архитектуре многополярного мира будут вынуждены полагаться лишь на свои силы. В этой связи ставка на усиление собственных вооруженных сил в странах Европы отвечает логике исторического процесса.

Переход правящих элит Германии к стратегии более жесткого силового позиционирования представляет собой вызов для Союзного государства России и Беларуси (далее – СГРБ или СГ). Не в последнюю очередь это связано с тем, что именно Россию в актуальных нормативных документах ФРГ (например, в комплексной Стратегии национальной безопасности ФРГ) именуют «крупнейшей угрозой для мира и безопасности в евроатлантическом пространстве» [8, с. 11–12].

В этом смысле симптоматичными следует признавать отдельные заявления официальных лиц ФРГ о «намерениях» России. Так, министр обороны Б. Писториус в интервью газете «*Tagesspiegel*» в январе 2024 г. заявил, что «война» с Россией может начаться «в течение 5–8 лет» [9]. Главнокомандующему вторит и генеральный инспектор бундесвера Карстен Бройер, который в интервью газете «*Süddeutsche Zeitung*» обозначил дату «нападения» России на страны НАТО – 2029 г., сославшись на стремительное наращивание российской военной мощи.

Помимо «недружественной» риторики официальных лиц ФРГ в отношении России, следует отметить практические шаги немецкой стороны в сфере военного строительства. В июне 2022 г. по предложению Олафа Шольца голосами «светофорной» коалиции и оппозиционного блока ХДС/ ХСС были приняты поправки к Основному закону ФРГ, исключившие распространение правила «долгового тормоза» на учреждаемый специальный фонд в размере 100 млрд евро для нужд бундесвера (*Sondervermögen*). Большая часть средств – около 41 млрд евро – выделена на развитие ВВС, около 19 млрд евро – на ВМС, а еще 16,5 млрд евро – на сухопутные вооруженные силы [10].

Заметно и стремление Германии брать на себя бóльшую ответственность в рамках НАТО. С саммита НАТО в Уэльсе в сентябре 2014 г. страны Альянса делают ставку на укреплении так называемого «восточного фланга». По итогам Варшавского саммита НАТО (8–9 июля 2016 г.) было принято решение о создании наземных сил передового развертывания (СПР,

NATO Response Force, NRF) в странах Прибалтики и Польше, причем изначально речь шла о многосторонних батальонных тактических группах (БТГ) на ротационной основе во главе с «рамочным государством» (*framework nation*). Для Польши, Эстонии и Латвии «рамочными государствами», то есть государствами, ответственными за развертывание БТГ в этих странах, стали США, Великобритания и Канада соответственно.

Германии досталась Литва. В январе 2017 г. в районе г. Рукла (Литва) были размещены 500–550 военнослужащих бундсвера как «ядро» многосторонней БТГ [11, с. 70]. Отдельные подразделения в Литву направили также страны Бенилюкса, Чехия и Норвегия. После эскалации конфликта в Украине в феврале 2022 г. Германия решила увеличить военное присутствие в Литве. 7 июня 2022 г. канцлер О. Шольц по итогам встречи с лидерами стран Прибалтики заявил, что ротационная батальонная тактическая группа в Литве с ведущим участием бундсвера будет трансформирована в бригадную, причем постоянную [12]. Стоит дополнительно отметить, что предложение Шольца стало прецедентом для стран-членов, так как ранее ни США, ни остальные игроки аналогичных инициатив не выдвигали. Более того, на Мадридском саммите НАТО (29–30 июня 2022 г.) был закреплён необязательный характер перехода боевых групп СПР с батальонного на бригадный уровень [6, с. 93]. Иными словами, Германия действовала упреждающе и добровольно.

В конце декабря 2023 г. Берлин и Вильнюс представили поэтапный план действий до 2027 г. по размещению бригады бундсвера численностью 5000 человек. Для Германии размещение постоянного воинского контингента за пределами ее территории станет первым опытом со времен Второй мировой войны.

Снижения «конфронтационного» потенциала ФРГ не следует ожидать и после досрочных выборов в бундестаг 23 февраля 2025 г. По данным опросов общественного мнения, более 30% голосов может набрать правоконсервативный блок ХДС/ХСС. Лидер ХДС Ф. Мерц, убежденный трансатлантист, претендующий на кресло федерального канцлера, не раз в ходе предвыборной кампании заявлял о своих планах по укреплению бундсвера. Кроме того, ХДС выступает за восстановление воинской повинности по модели Швеции, за увеличение расходов на оборону до 2 % ВВП, что следует из предвыборной программы партии [13, с. 6]. Неоднократно Ф. Мерц говорил и о необходимости передачи Украине крылатых ракет «Таурус», что, по мнению социал-демократов, сделало бы Германию «стороной» конфликта в Украине. Христианские демократы также, скорее всего, одобряют план по размещению к 2026 г. американских ракет средней дальности *Tomahawk* на территории ФРГ, что, по словам Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в ФРГ С. Ю. Нечаева, является «опасным и контрпродуктивным шагом», разворачивающим спираль эскалации [14].

По мнению авторов, обозначенные тенденции требуют скоординированных комплексных мер со стороны СГ в ответ на вызовы и угрозы, соз-

даваемые более активным силовым позиционированием ФРГ на международной арене. С одной стороны, ведется работа по совершенствованию правовой базы российско-белорусских отношений, с другой – проводится активная информационная кампания, с третьей – укрепляется военно-оборонительный потенциал СГРБ, расширяется военное присутствие на приграничных территориях для обеспечения возможности быстрого и комплексного реагирования на прямые угрозы безопасности.

Нормативными документами в этом вопросе выступают Военная доктрина СГ от 4 ноября 2021 г. и Концепция безопасности СГ от 6 декабря 2024 г. Так, именно Военная доктрина 2021 г. к числу «военных угроз» для СГРБ относит концентрацию вооруженных сил другого государства (других государств) вдоль границ государств-участников в Восточно-Европейском регионе коллективной безопасности, указывающих на намерение применить военную силу против СГ [15]. Под определение «концентрации» вооруженных сил вполне попадает бригада бундесвера в Литве, с которой граничит как Республика Беларусь, так и Российская Федерация через Калининградскую область.

Немаловажным представляется тот факт, что для обеспечения безопасности СГ также используется ядерный потенциал России. В соответствии с «Основами государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» от 19 ноября 2024 г. Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в случае агрессии против Российской Федерации и (или) Республики Беларусь как участников Союзного государства с применением обычного оружия, создающего критическую угрозу их суверенитету и (или) территориальной целостности [16]. С 2023 г. на территории Беларуси размещено российское тактическое ядерное оружие (ЯО), контроль за которым сохраняется у российской стороны, что не делает Минск государством, обладающим ЯО, по смыслу Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Параллельно с этим укрепляется военно-оборонительный потенциал СГ. В 2022 г. на основании пункта 11 Военной доктрины СГ на западных границах СГРБ была развернута Региональная группировка войск (сил) Республики Беларусь и Российской Федерации (РГВ(С)), основу которой составляют Вооруженные Силы Республики Беларусь по штату мирного времени, а также отдельные воинские формирования Российской Федерации. С 2017 г. в регионе действует также единая система ПВО, включающая 5 авиационных, 10 зенитных, 5 радиотехнических частей и подразделение РЭБ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Соколов, А. П. Quo vadis, Germania? / А. П. Соколов // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21, № 4 (122). – С. 135–149.
2. Scholz, O. The Global Zeitenwende. How to avoid a new Cold War in a multipolar Era // Foreign Affairs. – 05.12.2022. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/germany/die-globale-zeitenwende> (date of access: 18.02.2025).

3. Павлов, Н. В. Экспансионизм во внешней политике ФРГ: миф или реальность? / Н. В. Павлов, В. Ю. Хохлов // Современная Европа. – 2015. – № 4 (64). – С. 69–81.
4. Pistorius fordert Mentalitätswechsel // Tagesschau. – 12.11.2023. – URL: <https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/pistorius-bundeswehr-114.html> (date of access: 18.05.2025).
5. Verteidigungspolitische Richtlinien 2023 // Bundesministerium der Verteidigung. – November 2023. – Berlin. – 36 s. – URL: <https://www.bmvg.de/resource/blob/5701724/5ba8d8c460d931164c7b00f49994d41d/verteidigungspolitische-richtlinien-2023-data.pdf> (date of access: 10.03.2024).
6. Трунов, Ф. О. Линия ФРГ в военной области: дрейф от концепции «стратегической сдержанности»? / Ф. О. Трунов // Общественные науки и современность. – 2023. – № 1. – С. 83–100.
7. Masala, C. Europa Needs Strategic Autonomy! / C. Masala // Konrad Adenauer Stiftung. – 2019. – № 3. – P. 6–10.
8. Wehrhaft. Resilient. Nachhaltig. Integrierte Sicherheit für Deutschland. Nationale Sicherheitsstrategie. – Berlin, 2023. – 76 s. // Auswärtiges Amt. – URL: <https://www.bmvg.de/resource/blob/5636374/38287252c5442b786ac5d0036ebb237b/nationalesicherheitsstrategie-data.pdf> (date of access: 18.02.2025).
9. Verteidigungsminister im Interview: Könnten Sie Kanzler, Herr Pistorius? // Tagesspiegel. – 19.01.2024. – URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/boris-pistorius-uber-die-kriegsgefahr-ich-will-unsere-gesellschaft-wachrutteln-11070250.html> (date of access: 18.02.2025).
10. Diese Investitionen plant die Bundeswehr // Der Spiegel. – 31.05.2022. – URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/sondervermoegen-bundeswehr-das-sind-die-geplanten-ausgaben-fuer-deutschlands-armee-a-42d65084-3f22-44a2-8c3a-700cb2702be2> (date of access: 18.02.2025).
11. Трунов, Ф. О. Особенности сотрудничества Германии и Литвы в конце 2010-х – начале 2020-х годов: военные и политические аспекты / Ф. О. Трунов // Балтийский регион. – 2024. – Т. 16, № 1. – С. 61–80.
12. Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz, dem Präsidenten von Litauen Nausėda, der Ministerpräsidentin von Estland Kallas und dem Ministerpräsidenten von Lettland Kariņš // Bundeskanzleramt. – 07.06.2022. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-dem-praesidenten-von-litauen-nausėda-der-ministerpraesidentin-von-estland-kallas-und-dem-ministerpraesidenten-von-lettland-kariņš-am-7-juni-2022-in-wilna-2048428> (date of access: 18.02.2025).
13. Politikwechsel für Deutschland. Wahlprogramm von CDU und CSU. – 79 s.
14. Посол России назвал размещение ракет Tomahawk в ФРГ шагом к эскалации // РБК. – 26.09.2024. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/09/2024/66f40da69a79473996f4b1ac> (дата обращения: 18.02.2025).
15. Постановление Высшего Государственного Совета Союзного государства от 4 ноября 2021 г. № 5 «О Военной доктрине Союзного государства» // Постоянный Комитет Союзного государства. – URL: <https://xn--c1anggbdpdf.xn--p1ai/docs/item/237511/?ysclid=m79etwv5z233666850> (дата обращения: 18.02.2025).
16. Указ Президента Российской Федерации от 19.11.2024 г. № 991 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» // Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51312> (дата обращения: 18.02.2025).

«НОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ» КНР В ОТНОШЕНИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК ЧЛЕНА ШОС

Ю. Малевич

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, malevichY@bsu.by*

Статья посвящена анализу развития взаимодействия Республики Беларусь с Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) с учетом реализации концепции «Новая дипломатия КНР», применимой для партнеров инициативы «Один пояс, один путь». Устанавливаются сферы применения «новой дипломатии» КНР и пути реализации. Выявляются положительные аспекты сотрудничества Китая и Республики Беларусь на основе применения изучаемой концепции, в том числе и в гуманитарной сфере, включающей борьбу с последствиями коронавируса и распространение КТМ.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества; КНР; Республика Беларусь; «Новая дипломатия» КНР; «мягкая сила»; Один пояс, один путь; китайская традиционная медицина (КТМ).

PRC'S "NEW DIPLOMACY" TOWARDS THE REPUBLIC OF BELARUS AS A MEMBER OF THE SCO

Y. Malevich

*Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, malevichY@bsu.by*

The article is devoted to the analysis of the development of interaction between the Republic of Belarus and the Shanghai Cooperation Organization (SCO) taking into account the implementation of the concept of "New Diplomacy of PRC", applicable to partners of the Belt and Road Initiative. The spheres of application of the "new diplomacy" of China and the ways of implementation are established. The positive aspects of cooperation between China and the Republic of Belarus are identified, based on the application of the concept under study, including in the humanitarian sphere, which encompasses efforts to combat the consequences of the coronavirus and promote Traditional Chinese Medicine (TCM).

Keywords: Shanghai Cooperation Organization; PRC; Republic of Belarus; "New Diplomacy" of the PRC; "soft power"; Belt and Road Initiative; traditional Chinese medicine (TCM).

Первоначальной целью механизма «Шанхайской пятерки» было укрепление многостороннего доверия в области безопасности для решения приграничных споров между Китаем, Россией и Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном. Инициатором расширения актуальной проблематики деятельности Шанхайской пятерки выступила Китайская Народная Республика, что привело к подписанию Декларации о создании ШОС и Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 15 июня 2001 года. А в 2002 году была подписана Хартия ШОС, которая отражала цели и принципы работы организации.

Страны – участницы инициативы КНР «Один пояс, один путь», которая определяет направления внешней политики страны, одновременно являются ключевыми объектами приложения китайской политики «мягкой силы». Страны ШОС, в особенности государства Центральной Азии, всегда были и остаются объектом пристального внимания Китая в вопросах обеспечения региональной безопасности и снабжения энергоресурсами.

«Новая концепция безопасности», демонстрирует видение проблем безопасности китайскими элитами. Первоначальный механизм взаимодействия в рамках «Шанхайской пятерки» и последующее создание ШОС представляет собой практический пример реализации Новой концепции безопасности. Взаимное доверие, взаимная выгода, равноправие и координация действий – ее четыре имплементарных столпа [1, с. 7].

«Партнерство» отличается от «союза» тем, что партнеры координируют свои действия, но не имеют обязательств по определенным вопросам, например, устав ШОС не требует от государств-членов поддерживать друг друга во время войны. В рамках ШОС закреплено неформальное принятие решений на основе консенсуса. Таким образом, все страны имеют равнозначный статус. Стремление стран ШОС к социальной стабильности и развитию своих национальных экономик отражает принципы равенства, взаимной выгоды и совместного развития. С точки зрения экономического сотрудничества ШОС, как и Китай, делает упор на совместное развитие, выступает за дальнейшую интенсификацию взаимных обменов на основе равенства, взаимного уважения и выгоды.

В сентябре 2022 г. было принято решение о начале процедуры приема Республики Беларусь в члены Шанхайской организации сотрудничества. Нам видится целесообразным провести беглый анализ реализации китайской «мягкой силы» с таким стратегическим партнером, как наше государство. Беларусь и Китай предлагают миру уникальный симбиоз сотрудничества, характеризующийся как отношения всепогодного и всестороннего стратегического партнерства. Развитие отношений с КНР является неоспоримо важным стратегическим направлением внешней политики Республики Беларусь [2]. Оно поддерживается механизмом регулярных визитов на высшем и высоком уровнях, неоспоримой поддержкой инициативы «Один пояс, один путь», непрерывной деятельностью межправительственного комитета по сотрудничеству, межпарламентскими контактами и сотрудничеством в рамках международных организаций и инициатив, включая ООН.

Торгово-экономическое сотрудничество демонстрирует отличные результаты. За 10 лет товарооборот между нашими странами увеличился в 4,7 раза (с 1,8 млрд дол. США до 8,4 млрд дол. США) [3]. Примечательно, что Республика Беларусь стала первой страной в мире, которая ратифицировала соглашение о торговле услугами и осуществлении инвестиций. Это событие произошло 6 февраля 2025 г. Реализация данного документа подразумевает рост национального экспорта в Китай на 12–15 % и увеличение уровня китайских инвестиций на 30%. Китай активно инвестирует

в промышленность, строительство, логистику, производство высокотехнологической продукции, развитие ИИ, производство новых лекарств. Обозначенные процессы во многом связаны с активизацией деятельности Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень» [4, с. 40].

Еще одним важнейшим направлением реализации общего курса «мягкой силы» для стран – членов ШОС является культурно-гуманитарное сотрудничество, которое нацелено на формирование положительного образа Китая как инициатора построения Сообщества единой судьбы человечества.

Все больше развиваются Институты Конфуция и деятельность китайских масс-медиа. История гуманитарных обменов между Китаем и другими странами имеет богатую историю. Гуманитарные, культурные, экономические обмены между странами имели место еще во времена Великого шелкового пути. Институты Конфуция предоставляют эксклюзивные возможности для студентов и абитуриентов, среди которых получение грантов на обучение в Китае.

В Беларуси активно работают Институты Конфуция, регулярно проводятся академические обмены, выдаются стипендии и гранты на обучение в Китае. Важным направлением также являются Дни культуры, которые проводятся каждые два года, подписаны Меморандумы о сотрудничестве между музеями, театрами и библиотеками обеих стран.

Кроме Институты Конфуция в образовательной сфере также функционирует Университет ШОС, основной миссией которого является совместная подготовка высококвалифицированных кадров на основе согласованных инновационных образовательных программ по специальностям, представляющим приоритетный интерес для экономического и социального развития государств – членов Шанхайской организации сотрудничества.

Важным элементом реализации «новой дипломатии КНР» является так называемая «масочная дипломатия» [5]. Пандемия коронавирусной инфекции стала проблемой мирового масштаба, для решения которой Китай предпринял решительные действия, продемонстрировав всему миру свою позицию ответственного актора международных отношений, способного решать глобальные проблемы. Гуманитарная безвозмездная помощь десяткам стран, в первую очередь партнерам по ШОС и дружественным государствам, активная деятельность СМИ в области ликвидации медицинской безграмотности и популяризации обязательных действий в период массовой самоизоляции, стали одними из основных инструментов реализации деятельности Китая по недопущению распространения инфекции и устранению ее последствий.

Страны – члены ШОС и Республика Беларусь, которые (кроме Туркменистана) боролись с коронавирусной инфекцией, приняли гуманитарную помощь Китая: вакцины, средства медицинской защиты, лекарства и иные предметы медицинского назначения. Например, Китай трижды оказывал массированную помощь в виде товаров медицинского назначения после возникновения пандемии *COVID-19* в Беларуси.

Важную роль в контексте имплементации мягкой силы как части «новой дипломатии» КНР играет популяризация китайской народной медицины. Закон Китайской Народной Республики о традиционной китайской медицине (ТКМ) был принят 25 декабря 2016 г. на 25-м заседании Постоянного комитета ВСНП. Традиционная китайская медицина является историческим достоянием китайской нации, отличительной чертой и важным преимуществом системы здравоохранения Китая [6]. Еще с момента основания КНР партия и государство уделяли большое внимание делу развития и продвижения ТКМ. А принятие соответствующего закона имеет большое значение для ее развития. Еще в 2017 г., до начала пандемии, китайскими властями была выдвинула «дорожная карта» с целью развития и популяризации ТКМ в странах и регионах, присоединившихся к реализации инициативы «Один пояс, один путь». В соответствии с этим планом, было запланировано создание 50 центров обмена и предоставления услуг ТКМ.

Форум ШОС по традиционной медицине проводится с 2020 года в рамках реализации инициативы Председателя КНР Си Цзиньпина. Последний форум проводился 28 июня 2024 г. в Наньчане (КНР) под лозунгом «Продолжение преемственности, инновация, интеграция, развитие», в котором приняли участие министры здравоохранения стран – членов и стан – наблюдателей ШОС, высокие правительственные чиновники, представители медицинских кругов [7]. Данные форумы представляют большой интерес для специалистов из всех стран – членов ШОС. Участие белорусских специалистов позволило им получить необходимую информацию у профильных экспертов по интересующим вопросам, более того, это стало важным импульсом для формирования рынка для поставок средств ТКМ, производимых в Китайско-Белорусском индустриальном парке «Великий камень».

Сотрудничество Китая и Беларуси имеет большой потенциал в области традиционной китайской медицины и является неоспоримым свидетельством активизации «новой дипломатии» КНР в нашей стране, недавно получившей статус члена ШОС. В настоящее время подписан Меморандум о сотрудничестве в области ТКМ между Министерством здравоохранения Республики Беларусь и Государственным управлением по традиционной китайской медицине Китайской Народной Республики. Основными формами сотрудничества станут обмен опытом в данной области, содействие разработке и внедрению новых методов и технологий, проведение совместных научно-практических и иных мероприятий, обмен специалистами, содействие в создании в индустриальном парке «Великий камень» центра ТКМ, разработке и производстве новых фармацевтических продуктов. Также разработан проект дорожной карты сотрудничества, в котором прописаны планируемые мероприятия, срок их выполнения и ответственные учреждения с обеих сторон. В соответствии с этим проектом, налаживание сотрудничества в сфере ТКМ и создание в индустриальном парке центра продвижения традиционной и инновационной китайской медицины запланировано на 2025–2026 гг.

Придание институционализированного статуса традиционной китайской медицине в рамках ШОС способствует расширению глобального влияния и важности ТКМ, демонстрируя миру решения китайского образца для снижения проблем в сфере здравоохранения и внося свой уникальный вклад в глобальную дипломатию здравоохранения, в том числе и в рамках ВОЗ. В настоящее время эффективность традиционной китайской медицины признается все большим количеством стран мира, а стремление поделиться уникальной системой знаний и опытом ТКМ является неоспоримым свидетельством реализации «новой дипломатии» КНР.

Участие Китая в развитии ШОС можно рассматривать как показательный пример реализации «новой дипломатии» КНР. Концепции «Новая концепция безопасности», «Гармоничный мир» и построение «Сообщества единой судьбы человечества» в совокупности образуют новую дипломатию Китая. Они были не только воплощены в жизнь китайской дипломатией в отношении ШОС и ее стран-членов, но и приняты в качестве принципов ведения дипломатии в рамках организации. ШОС на начальном этапе развития представляла собой малозаметную организацию, сферой деятельности которой было декларативное укрепление доверия и решение вопросов безопасности, но которая с течением времени и в результате серьезных усилий, приложенных ее членами, превратилась в мультирегиональную организацию глобального уровня, нацеленную на взаимовыгодное сотрудничество в областях политики, безопасности, экономики, гуманитарной сфере, торговли и энергетики. Полноправное членство в ШОС принесет Республики Беларусь ощутимые выгоды от сотрудничества и реализации проектов в обозначенных областях деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Боровой, В. Р. «Новая концепция безопасности» во внешней политике КНР / В. Р. Боровой // Китайская цивилизация. Традиции и современность. – Киев : НАН Украины, Институт Востоковедения им. А. Крымского, 2007. – С. 6–14.
2. О политических отношениях Беларуси и Китая // Посольство Республики Беларусь в Китайской Народной Республике. – URL: <https://china.mfa.gov.by/ru/bilateral/political/> (дата обращения: 30.01.2025).
3. Большой приход Китая в Беларусь: как отношения вышли на восходящую траекторию развития // Посольство Республики Беларусь в Китайской Народной Республике. – 29.01.2025. – URL: <https://china.mfa.gov.by/ru/embassy/news/de366361de98f986.html> (дата обращения: 03.01.2025).
4. Зайцева, Е. Сотрудничество Республики Беларусь и КНР в инвестиционной сфере / Е. Зайцева // Банкаўскі веснік. – 2019. – № 8 (673). – С. 36–44.
5. Муратбекова, А. Обзор «масочной дипломатии» Китая / А. Муратбекова // Eurasian Research Institute. – URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/overview-of-chinas-mask-diplomacy/?lang=ru> (дата обращения: 01.03.2025).
6. 中华人民共和国中医药法 = Закон Китайской Народной Республики о традиционной китайской медицине // 共产党员网 = Центральный комитет Коммунистической партии Китая. – URL: <https://www.12371.cn/2020/06/11/ARTI1591832700571914.shtml> (дата обращения: 01.03.2025).
7. Форум ШОС по традиционной медицине // Шанхайская организация сотрудничества. – 28.06.2024. – URL: <https://rus.sectsco.org/20240628/1447437.html> (дата обращения: 04.02.2025).

УЧАСТИЕ В БРИКС КАК НАПРАВЛЕНИЕ МНОГОСТОРОННЕЙ ДИПЛОМАТИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Л. В. Слуцкая

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, slutskayalv@bsu.by*

Статья посвящена анализу участия Республики Беларусь в БРИКС как одному из направлений внешнеполитического курса государства. Продемонстрировано, что разнообразные формы взаимодействия в рамках БРИКС предоставляют свободу выбора участия в данном альянсе в той или иной форме и открывают новые возможности. Статус страны-партнера позволяет Беларуси получить доступ к ресурсам и технологиям. Беларусь участвует в совместных проектах и мероприятиях, реализуемых БРИКС по различным направлениям: дипломатическому, финансово-экономическому, гуманитарному, культурному и другим. Сделан вывод, что благодаря участию в качестве страны-партнера в БРИКС, Республика Беларусь диверсифицирует формы и инструменты своей многосторонней дипломатии, направленные на продвижение национальных интересов, что способствует укреплению ее имиджа и усиливает ее позиции на международной арене.

Ключевые слова: Республика Беларусь; БРИКС; многосторонняя дипломатия; внешняя политика; Новый банк развития.

PARTICIPATION IN BRICS AS A DIRECTION OF MULTILATERAL DIPLOMACY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

L. Slutskaya

*Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, slutskayalv@bsu.by*

The article is devoted to the analysis of the participation of the Republic of Belarus in BRICS as one of the directions of the foreign policy of the state. It is demonstrated that various forms of interaction within the BRICS provide freedom of choice of participation in this alliance in one form or another and open up new opportunities. The status of a partner country allows Belarus to gain access to resources and technologies. Belarus participates in joint projects and events implemented by BRICS in various areas: diplomatic, financial and economic, humanitarian, cultural and others. It is concluded that due to participation as a partner country in BRICS, the Republic of Belarus diversifies the forms and instruments of its multilateral diplomacy aimed at promoting the national interests, which helps to strengthen its image and strengthens its position in the international arena.

Keywords: Republic of Belarus; BRICS; multilateral diplomacy; foreign policy; New Development Bank.

В условиях перебалансировки сил, международной напряженности и регионального противостояния особое значение для поддержания и развития диалога между государствами по различному спектру вопросов приобретает многопрофильное стратегическое партнерство в рамках новых

объединений, таких как БРИКС. Республика Беларусь неоднократно заявляла о своем намерении стать полноправным членом данного альянса.

Цель статьи – проанализировать участие в БРИКС как одно из важных направлений многосторонней дипломатии Республики Беларусь.

Несмотря на значительный рост числа исследований, посвященных становлению, расширению и деятельности БРИКС, его роли в глобальном и региональном управлении, комплексные работы, связанные с анализом взаимодействия Республики Беларусь с БРИКС отсутствуют. Незавершенность данной проблематики обусловлена тем, что Беларусь только в ноябре 2024 г. официально стала страной-партнером данного объединения. Тем не менее, отдельные аспекты сотрудничества, например, экономического, нашли отражение в работах В. В. Ожигиной, С. Ю. Шашуриной [1], Д. Ф. Рутко [2], В. В. Санько и В. А. Игнатенко [3], И. Н. Русак [4]. Направления сотрудничества Республики Беларусь в рамках БРИКС и ШОС в условиях развития Азиатско-Тихоокеанского региона представлены в статье Е. В. Тулейко [5]. Геополитическим преимуществам БРИКС и ШОС посвящены исследования аналитика Белорусского института стратегических исследований (БИСИ) Ю. Ярмолинского. Анализируя вступление Республики Беларусь в БРИКС в качестве страны-партнера, он отмечает, что «ШОС и БРИКС – это сообщества будущего, уникальные форматы новой справедливой глобализации 2.0 с суверенным равенством партнеров вне зависимости от национальной мощи» [6], они «дают преимущества для геополитического маневра» [7]. Важная роль многосторонней дипломатии, которая отводится Республикой Беларусь в реализации ее внешней политики, стремление внести вклад в противодействие современным вызовам и угрозам, содействовать диалогу различных политических акторов на международной арене актуализирует исследование участия Беларуси в БРИКС.

Для повышения международного авторитета и укрепления позиций в мировом сообществе Республика Беларусь принимает активное участие в деятельности различных международных организаций: ООН, Движении неприсоединения, ШОС, ЕАЭС, и других, являясь полноправным участником международных диалогов в рамках этих организаций. Беларусь проявляет заинтересованность в многосторонних форматах сотрудничества, наращивает шаги по развитию отношений со странами Глобального большинства. Особый интерес для Беларуси представляет взаимодействие в рамках БРИКС, разнообразные формы которого, предоставляют свободу выбора участия в данном альянсе в той или иной форме.

Разносторонние модели взаимодействия способствуют привлекательности и расширению данного объединения, что подтверждается появлением такого формата как страны-партнеры БРИКС. Данный статус подразумевает, что страна имеет возможность участвовать в различных мероприятиях организации, обмениваться опытом и лучшими практиками, а также сотрудничать с другими странами-участницами. Партнерство позволяет получить доступ к ресурсам и технологиям, а также участво-

вать в совместных проектах, открывая дополнительные возможности для торговли и инвестиций [8].

Республика Беларусь официально стала партнером БРИКС 5 ноября 2024 г. В письме в адрес Президента Российской Федерации В. В. Путина Глава белорусского государства А. Г. Лукашенко отметил, что «с момента образования БРИКС неуклонно укрепляет многостороннее взаимодействие, становясь не просто символом, а одним из столпов многополярности. Свои надежды на справедливое мироустройство с этим объединением связывают уже не только государства-члены, но и растущее число стран глобального большинства. Дух взаимного уважения и равенства, привлекательность его целей с неумолимой логикой ведут к расширению БРИКС» [9]. Получение Беларусью статуса партнера БРИКС является важным достижением белорусской дипломатии, поскольку не только открывает новые горизонты для экономического развития, расширения и укрепления имеющихся политических связей, но и позволяет усилить голос белорусского государства в международных делах.

Отвечая на вопрос РИА Новости в феврале 2025 г. можно ли рассчитывать на скорые сроки вступления Беларуси в БРИКС посол по особым поручениям МИД России, су-шерпа России в БРИКС П. Р. Князев отметил: «мы приветствуем интерес и готовы содействовать укреплению взаимодействия Белоруссии с БРИКС. Белоруссия стала государством-партнером БРИКС, все решения в объединении принимаются консенсусом. Если белорусские друзья будут работать над этим, мы готовы оказывать им содействие» [10].

Одним из приоритетных направлений внешнеполитической активности белорусского государства являются различные форматы многосторонней дипломатии, в том числе в рамках БРИКС. В январе 2025 г. Министр иностранных дел Республики Беларусь М. Рыженков, отвечая на вопрос как сотрудничество с БРИКС повлияет на белорусское государство и на саму организацию, отметил, что статус страны-партнера позволяет «широко действовать во всех измерениях деятельности организации. Это и дипломатическая политика, финансово-экономическая и, конечно, гуманитарная. Для нас это хорошая площадка для выработки позиций совместно с ключевыми политическими партнерами по основным пунктам международной повестки дня. Раз мы в этой организации, значит, мы все разделяем идеи многополярности, разделяем идеи учета интересов и построения мира на основании взаимодоверия и уважения всех сторон [11].

Еще до получения статуса партнера спортсмены Беларуси участвовали в международных играх стран БРИКС 2024 г., которые проводились в Казани и Москве в июне. Важным событием во время проведения Игр БРИКС стала встреча министров спорта, которая прошла в расширенном формате, в ней участвовали министры и представители министерств спорта России, Бразилии, Индии, Ирана, Китая, ОАЭ, Эфиопии, ЮАР, Беларуси, Венесуэлы, Казахстана, Узбекистана, Джибути, Азербайджана, КНДР, Кубы, Кыргызстана и Никарагуа. Стороны обсудили развитие

спорта в сообществе БРИКС и затронули вопрос проведения следующих Игр, которые примет Бразилия [12]. На играх 2024 г. белорусские спортсмены завоевали 247 наград, из которых 55 золотых и заняли второе место в общекомандном зачете после России. На Играх БРИКС спортсмены не подвергаются дискриминации, здесь царит атмосфера равенства и уважения всех участников, в отличие от Олимпийских игр. Игры БРИКС демонстрируют разноплановость форматов многосторонней дипломатии, представленных в рамках данного объединения.

Привлекательным направлением многосторонней дипломатии БРИКС является сотрудничество Беларуси с Новым банком развития (НБР), который поддерживает проекты инфраструктуры и устойчивого развития в соответствии с целями развития членов БРИКС, с учетом их обязательств в рамках ЦУР и Парижского соглашения, финансирует инфраструктурные и устойчивые проекты развития, способствует развитию зеленой экономики и сбалансированному инклюзивному экономическому росту. Во время встречи белорусской делегации во главе с первым заместителем министра иностранных дел С. Лукашевичем с президентом Нового банка развития БРИКС Д. Русефф в штаб-квартире НБР в Шанхае в январе 2025 г. белорусская сторона выразила свою заинтересованность в присоединении к данной структуре БРИКС. На этой встрече стороны обсудили вопросы развития финансовых механизмов в рамках БРИКС, а также перспективы присоединения Беларуси к Новому банку развития БРИКС [13]. Партнерство с НБР расширяет межбанковское взаимодействие и возможности использования национальных валют во взаимных расчетах.

Следует отметить, что участие Республики Беларусь в БРИКС не ограничивается только политической и экономической сферами. Особое внимание уделяется гуманитарному направлению, которое предполагает укрепление культурных обменов между странами межгосударственного альянса; обмен опытом в сфере здравоохранения и фармацевтики, цифровой экономики, экологии; расширение взаимодействия в области спорта и туризма; сотрудничество силовых, правоохранительных ведомств, а также министерств по чрезвычайным ситуациям. Интерес для белорусских дизайнеров и предприятий легкой промышленности может представлять участие в Международной модной федерации БРИКС, деятельность которой направлена на содействие устойчивому развитию индустрии, поддержку молодых специалистов и помощь дизайнерам в выходе на международный рынок.

В феврале 2025 г. Республика Беларусь участвовала в международном архитектурно-строительном форуме (г. Казань, Российская Федерация), на котором страны БРИКС+ обсуждали идею создания Ассоциации главных архитекторов городов стран БРИКС, особенности образовательных подходов конкретных стран в сфере архитектуры и градостроительства, организацию международных студенческих обменов и стажировок для начинающих архитекторов и другие вопросы.

Помимо участия в саммитах, играх БРИКС, международном архитектурно-строительном форуме, взаимодействии с НБР, белорусские представители обсуждают перспективы сотрудничества с Женским деловым альянсом БРИКС и участия во II Форуме женского предпринимательства, который пройдет 15–16 апреля 2025 г. в Нижнем Новгороде.

Государственные органы Республики Беларусь также нацелены на плодотворное взаимодействие со странами БРИКС. Так, председатель Госстандарта Е. Моргунова подчеркнула, что комитет намерен установить партнерство с государствами, входящими в это интеграционное объединение: «усилия будут ориентированы на создание условий для минимизации технических барьеров в торговле и обмен опытом по наилучшим практикам» [14].

Таким образом, благодаря участию в качестве страны-партнера в БРИКС, Республика Беларусь диверсифицирует формы и инструменты своей многосторонней дипломатии, направленные на продвижение национальных интересов государства. Это способствует укреплению имиджа Беларуси и усиливает ее позиции на международной арене. Благодаря дипломатии всех треков, БРИКС содействует диалогу и сотрудничеству между государствами альянса и другими развивающимися странами и экономиками. Страны БРИКС представляют разные континенты, взаимодействие между ними происходит по разным каналам, это укрепляет двустороннее стратегическое сотрудничество на международных многосторонних площадках и содействует установлению более широких партнерских отношений Беларуси со странами, входящими в данный альянс.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ожигина, В. В. Совершенствование торгово-экономических связей Республики Беларусь со странами БРИКС / В. В. Ожигина, С. Ю. Шашурина // Беларусь в современном мире = Беларусь у сучасным свеце : материалы XVII Междунар. науч. конф., посвящ. 97-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 26 окт. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Г. Шадурский (пред.) [и др.]. – Минск, 2018. – С. 202–204.
2. Рутко, Д. Ф. Развитие внешнеэкономического сотрудничества Республики Беларусь со странами БРИКС / Д. Ф. Рутко // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2017. – № 12-1. – С. 365–370.
3. Санько, Г. Г. Внешнеторговое сотрудничество Республики Беларусь со странами БРИКС: проблемы и приоритеты развития / Г. Г. Санько, В. А. Игнатенко // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17 мая 2018 г. / М-во образования Респ. Беларусь, УО «Белорусский гос. экон. ун-т»; редкол.: В. Н. Шимов (отв. ред.) и др. – Минск, 2018. – С. 426–427.
4. Русак, И. Продовольственная безопасность БРИКС – роль и место малых стран в ее обеспечении / И. Русак // Белорусский институт стратегических исследований. – URL: <https://bisr.gov.by/mneniya/prodovolstvennaya-bezopasnost-briks-rol-i-mesto-malykh-i-srednikh-stran-v-ee-obespechenii> (дата обращения: 06.03.2025).
5. Тулейко, Е. В. Направления сотрудничества Республики Беларусь в рамках БРИКС и ШОС в условиях развития Азиатско-Тихоокеанского региона / Е. В. Тулейко // ЕАЭС, ШОС и БРИКС в глобальной геополитике: место и роль Республики Бе-

ларусь : материалы междунар. круглого стола по инновациям в междунар. исслед., Минск, 18 апр. 2024 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2024. – С. 37–43. – URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/316342> (дата обращения: 06.03.2025).

6. Ярмолинский, Ю. ШОС и БРИКС как ядро будущего миропорядка / Ю. Ярмолинский // Белорусский институт стратегических исследований. – URL: <https://bisr.gov.by/mneniya/shos-i-briks-kak-yadro-buduschego-miroporyadka> (дата обращения: 06.03.2025).

7. Ярмолинский, Ю. Участие Беларуси в ШОС и БРИКС предоставляет ей свободу геополитического маневра / Ю. Ярмолинский // Белорусский институт стратегических исследований. – URL: <https://bisr.gov.by/mneniya/uchastie-belarusi-v-shos-i-briks-predostavlyaet-ey-svobodu-geopoliticheskogo-manevra> (дата обращения: 06.03.2025).

8. Что значит партнер БРИКС // СБ – Беларусь сегодня. – 10.01.2025. – URL: <https://www.sb.by/articles/chto-znachit-partner-briks.html#bounce> (дата обращения: 06.03.2025).

9. Беларусь официально стала партнером БРИКС // Национальный правовой Интернет-портал Республики. – URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2024/november/79466/> (дата обращения: 06.03.2025).

10. Павел Князев: в БРИКС не отказались от сотрудничества после угроз Трампа // РИА Новости. – 11.02.2025. – URL: <https://ria.ru/20250211/knyazev-1998513097.html> (дата обращения: 06.03.2025).

11. Стенограмма интервью Министра иностранных дел Беларуси М. Рыженкова МИЦ «Известия» (27 января 2025 г., г. Минск) // Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Беларусь <https://www.mfa.gov.by/press/smi/e11734178f931528.html> (дата обращения: 06.03.2025).

12. Игры стран БРИКС 2024 // БГУФК. – URL: <https://www.sportedu.by/igry-stran-briks-2024/> (дата обращения: 06.03.2025).

13. Беларусь рассчитывает присоединиться к Новому банку развития БРИКС // БЕЛТА. – 23.01.2025. – URL: <https://belta.by/economics/view/belarus-rasschityvaet-prisoedinitjsja-k-novomu-banku-razvitija-briks-690816-2025/> (дата обращения: 06.03.2025).

14. Моргунова: в планах Госстандарта активизировать сотрудничество с партнерами по ШОС и БРИКС // БЕЛТА. – 28.02.2025. – URL: <https://belta.by/society/view/morgunova-v-planah-gosstandarta-aktivizirovat-sotrudnichestvo-s-partnerami-po-shos-i-briks-699256-2025/> (дата обращения: 06.03.2025).

ЭВОЛЮЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БЕЛАРУСИ С ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ СОТРУДНИЧЕСТВА

А. И. Федорович

*Белорусский государственный университет,
Независимости 4, 220030, Минск, Беларусь, fedarovichAI@bsu.by*

В статье приведен анализ эволюции и перспектив деятельности Республики Беларусь в рамках Шанхайской организации сотрудничества после обретения 4 июля 2024 г. официального статуса полноправного члена организации. Актуальность темы связана с возрастающей ролью ШОС в мировой политике и экономике, а также с необходимостью для Беларуси диверсифицировать свои внешнеполитические и экономические связи. Вступление в ШОС открывает новые возможности для укрепления регионального сотрудничества, развития транспортных коридоров и обеспечения безопасности, что особенно важно в условиях текущей геополитической нестабильности. Также анализируются возможные преимущества для Беларуси в контексте расширения экономического сотрудничества, укрепления региональной безопасности и развития транспортно-логистических проектов. Определено, что членство Беларуси в ШОС открывает значительные перспективы для укрепления ее экономического и политического потенциала.

Ключевые слова: ШОС; Беларусь; Республика Беларусь; Шанхайская организация сотрудничества; внешняя политика; Китай; РАТС; международная безопасность.

EVOLUTION AND PROSPECTS OF BELARUS' INTERACTION WITH THE SHANGHAI COOPERATION ORGANISATION

A. Fedarovich

*Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, fedarovichAI@bsu.by*

The article provides an analysis of the evolution and prospects of the Republic of Belarus' activities within the Shanghai Cooperation Organization after it acquires the official status of a full member of the organization on 4 July 2024. The relevance of the topic is related to the growing role of the SCO in the global politics and economy, as well as the need for Belarus to diversify its foreign policy and economic ties. Joining the SCO opens up new opportunities for strengthening regional cooperation, developing transport corridors and ensuring security, which is especially important in the current geopolitical instability. The paper also analyses the possible benefits for Belarus in the context of enhancing economic cooperation, strengthening regional security and developing transport and logistics projects. It is determined that Belarus' membership in the SCO opens up significant prospects for strengthening its economic and political potential.

Keywords: SCO; Belarus; Republic of Belarus; Shanghai Cooperation Organization; foreign policy; China; RATS; international security.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) за последние годы превратилась в одну из наиболее влиятельных международных структур,

объединяющих ключевые страны Евразии, и на данный момент насчитывает 10 полноправных членов (среди которых Россия, Китай, Индия и др.), 14 партнеров по диалогу и 2 страны в статусе наблюдателя [1]. Для Беларуси обретение статуса полноправного члена ШОС стало важным шагом в ее внешней политике, открывающим новые горизонты для экономического, политического и культурного сотрудничества. Это событие не только подчеркивает растущую роль Беларуси на международной арене, но и ставит перед страной новые задачи, связанные с интеграцией в многосторонний формат, где пересекаются интересы крупнейших мировых игроков.

Членство в ШОС предоставляет Беларуси уникальные возможности для укрепления торговых связей, привлечения инвестиций, развития инфраструктуры и усиления позиций в вопросах региональной безопасности. Однако наряду с перспективами возникают и вызовы, такие как необходимость балансирования между интересами различных членов организации, адаптация к новым правилам и стандартам, а также минимизация потенциальных рисков, связанных с зависимостью от более мощных экономик.

Актуальность темы обусловлена возрастающей ролью ШОС как одного из ключевых многосторонних объединений, способного влиять на глобальные политические и экономические процессы. Для Беларуси вступление в ШОС открывает новые возможности для диверсификации внешнеполитических и внешнеэкономических связей, особенно в условиях меняющейся геополитической обстановки. Изучение перспектив и рисков, связанных с членством в организации, позволяет определить стратегические приоритеты Беларуси и оценить ее потенциал в укреплении регионального сотрудничества. Данная тема представляет интерес ввиду недавнего обретения Беларусью официального статуса полноправного члена организации и недостаточного количества научных исследований и статей, посвященных этому этапу расширения ШОС.

Цель статьи – определить перспективы Беларуси в ШОС, оценить возможные выгоды и трудности, с которыми страна может столкнуться в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

Обращаясь к историографии проблемы обретения Беларусью полноправного членства в Шанхайской организации сотрудничества, отметим, что, ввиду небольшого промежутка времени с момента обретения членства в организации, информация представлена в недостаточном объеме и требует дальнейшего углубленного изучения.

За годы своего существования ШОС прошла путь от регионального форума по урегулированию пограничных вопросов до влиятельной международной организации. Основанная в 2001 г. шестью странами – Китаем, Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном, – ШОС изначально ставила целью укрепление доверия, безопасности и сотрудничества в регионе [2, с. 61].

Рассмотрение перспектив взаимодействия Беларуси с Шанхайской организацией сотрудничества невозможно без упоминания эволюции

постепенного выстраивания отношений, которые впоследствии приведут к подаче заявки на членство и обретение статуса полноправного члена организации. Эволюцию взаимодействия, в общей сложности заняв более десяти лет, можно разделить на три ключевых этапа:

Первый этап: начало взаимодействия (2009–2015 гг.)

В июле 2009 г. Беларусь заявила о своем интересе к ШОС, тем самым получив статус партнера по диалогу в организации. Данный шаг открыл ряд возможностей и перспектив для реализации своих планов и идей в рамках инициативы. Среди них можно выделить возможности в формировании сотрудничества в сферах безопасности и экономики, а также участие в форумах, рабочих группах и конференциях ШОС [3, с. 134].

Следующим шагом стало активное развитие двусторонних отношений с ключевыми странами-членами организации (в первую очередь Китаем и Россией). Данные контакты строились преимущественно на площадке организации и предполагали углубление контактов в сфере экономики, политики, безопасности и развития общих инфраструктурных проектов.

Второй этап: углубление сотрудничества (2015–2020 гг.)

10 июля 2015 г. на саммите ШОС в Уфе (Россия) Беларусь получила статус наблюдателя при Шанхайской организации сотрудничества. Получение статуса наблюдателя открыло еще больший перечень возможностей и перспектив для реализации проектов. Беларусь получила возможность напрямую участвовать в ежегодных саммитах ШОС, экспертных обсуждениях с возможностью доступа к платформе для дальнейшего укрепления сотрудничества [4].

В последующие годы, продолжая укреплять свое положение в организации, Беларусь активно принимает участие в различных проектах и инициативах ШОС во многих сферах. В качестве ключевых сфер можно выделить: экономическое сотрудничество – реализация и продвижение торговых и инфраструктурных проектов, направленных на создание свободных зон торговли и упрощение таможенных процедур (в первую очередь в рамках инициативы «Один пояс, один путь»); безопасности – активное участие в инициативах, операциях и учениях в рамках РАТС ШОС по борьбе с ключевыми угрозами (борьба с терроризмом, экстремизмом, сепаратизмом и наркотрафиком); гуманитарной – активное участие в программах культурного и образовательного обмена, направленных на укрепление взаимопонимания между народами стран ШОС (создание исследовательских центров ШОС).

Третий этап: путь к полноправному членству в организации

17 сентября 2021 г. на саммите ШОС в Душанбе (Таджикистан) Беларусь официально подала заявку на получение статуса полноправного члена Шанхайской организации сотрудничества. Это решение стало важным шагом в реализации внешнеполитической стратегии, направленной на укрепление своих позиций в евразийском регионе.

Заявка Беларуси была поддержана ключевыми членами ШОС (Россия и Китай), которые рассматривали Беларусь как важного союзника в укреп-

плении региональной безопасности и экономического сотрудничества. Китай, в частности, видел в Беларуси стратегического партнера в рамках инициативы «Один пояс, один путь», а Россия – надежного союзника в рамках интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Для Беларуси же членство в ШОС открывало новые возможности для развития торговли, привлечения инвестиций и участия в крупных инфраструктурных проектах. Кроме того, это позволяло укрепить свои позиции на международной арене, особенно в условиях изменяющейся геополитической обстановки.

В 2022 г. процесс рассмотрения заявки Беларуси на членство в ШОС был ускорен на фоне значительных изменений в геополитической обстановке. Эти изменения включали усиление напряженности в отношениях между Западом и Востоком, а также стремление стран ШОС к консолидации в условиях глобальных вызовов.

В сентябре 2022 г. на саммите в Самарканде (Узбекистан) было принято решение о начале процедуры присоединения Беларуси к ШОС. Это стало важным шагом на пути к полноправному членству. Участники саммита отметили, что Беларусь, имея статус наблюдателя, уже доказала свою готовность активно участвовать в работе организации и вносить вклад в ее развитие. Китай и Россия вновь подтвердили свою поддержку Беларуси, подчеркнув ее важную роль в обеспечении стабильности и безопасности в регионе. Другие члены ШОС также выразили заинтересованность в расширении организации за счет стран, разделяющих ее цели и принципы.

4 июля 2024 г. на саммите ШОС (Астана, Казахстан), проведенном в формате видеоконференции, Беларусь официально стала полноправным членом Шанхайской организации сотрудничества. Это событие стало логическим завершением многолетних усилий страны по интеграции в одну из наиболее влиятельных международных структур [6].

В свою очередь, вступление в ШОС открыло для Беларуси новые возможности в сферах экономики, безопасности и культурного сотрудничества. Беларусь получила доступ к платформе для продвижения своих интересов на евразийском пространстве, а также возможность участвовать в принятии ключевых решений, влияющих на региональную и глобальную политику.

Перспективы Беларуси после получения статуса полноправного члена.

Членство в ШОС открывает для Беларуси возможности для расширения и укрепления торгово-экономических связей с крупнейшими экономиками, доступ к новым рынкам для реализации товаров. Привлечение новых инвестиций в ключевые отрасли экономики будет способствовать модернизации белорусской экономики. Географическое расположение Беларуси также играет немаловажную роль в транспортно-логистическом сообщении и развитии торговли государств–членов организации в европейские страны, что дает свои финансовые перспективы для эконо-

мики. Возможность диверсификации своих внешнеполитических связей и укрепление своих позиций в регионе, развитие многосторонней дипломатии при участии в переговорах может оказать влияние на формирование имиджа страны. Активное сотрудничество с РАТС ШОС, которое занимается вопросами безопасности, является опытом, который может использоваться для укрепления национальной безопасности и модернизации военной сферы.

Получение Беларусью статуса полноправного члена Шанхайской организации сотрудничества стало важным фактором в формировании внешней политики. Это событие открывает совершенно новые возможности для политического, экономического и культурного сотрудничества, тем самым подчеркивая все более возрастающую роль Республики Беларусь в международных процессах на евразийском пространстве. Однако, вместе с новыми возможностями возникают и новые вызовы, которые связаны с моментами адаптации к новым правилам игры внутри давно сформированного «клуба» участников ШОС. Таким образом, эволюция обретения полноправного членства Беларуси в Шанхайской организации сотрудничества в условиях современных глобальных изменений отражает стремление к укреплению и развитию международных связей в сфере безопасности. В общей сложности заняв более десяти лет, полноправное присоединение к ШОС стало новой важнейшей вехой в современной истории внешней политики Беларуси.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Shanghai Cooperation Organization. – URL: <https://eng.sectsco.org/> (date of access: 10.03.2025).
2. Федорович, А. И. Эволюция инструментов антитеррористической деятельности в рамках международных организаций : маг. дис. ... 1-23 80 06 «международные отношения» / Федорович Анастасия Ивановна ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2024. – 94 с.
3. Тихомиров, А. В. Шанхайская организация сотрудничества внешнеполитической стратегии Республики Беларусь / А. В. Тихомиров // Белорусско-российские отношения на современном этапе: состояние и перспективы развития : материалы круглых столов. – Минск : БГУ, 2018. – С. 133–138.
4. Заявление Министерства иностранных дел Республики Беларусь в связи с повышением статуса Беларуси в Шанхайской организации сотрудничества до наблюдателя // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – 10.07.2025. – URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/af84a61a51216b95.html (дата обращения: 09.03.2025).
5. Встреча Генерального секретаря ШОС с Президентом Республики Беларусь // Шанхайская организация сотрудничества. – 16.09.2022. – URL: <https://rus.sectsco.org/20220916/-Vstrecha-Generalnogo-sekretarya-ShOS-s-Prezidentom-Respubliki-Belarus-913038.html> (дата обращения: 10.03.2025).
6. Участие Беларуси в ШОС // Президент Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/belarus/economics/integracija/shos#:~:text=4%20июля%202023%20г.,полноправным%20членом%20семьи%20ШОС> (дата обращения: 09.03.2025).

БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»: ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

В. Э. Василевская

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости 4, 220030, г. Минск, Беларусь, vasilevskaya.v.e@mail.ru*

В статье рассматриваются особенности белорусско-китайского сотрудничества в реализации инициативы КНР «Один пояс, один путь». Внимание концентрируется на промежуточных результатах и перспективах расширения партнерства. В качестве основных результатов сотрудничества выделено значение работы Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень», а также проект совместной сборки легковых автомобилей марки *Geely*, проект совместного производства высококачественных комбикормов, проект совместного производства первичных и вторичных бумажных волокон. В части перспектив белорусско-китайского партнерства в рамках инициативы «Один пояс, один путь» отмечены возможности расширения интеграции на пространстве ЕАЭС, ШОС и БРИКС.

Ключевые слова: белорусско-китайские отношения; БРИКС; Великий камень; ЕАЭС; инициатива «Один пояс, один путь»; ШОС.

BELARUSIAN-CHINESE RELATIONS IN THE IMPLEMENTATION OF THE BELT AND ROAD INITIATIVE: INTERIM RESULTS AND PROSPECTS FOR COOPERATION

V. Vasilevskaya

*Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, vasilevskaya.v.e@mail.ru*

The article discusses the specifics of the Belarusian-Chinese cooperation in the implementation of the PRC's Belt and Road Initiative. The focus is on the interim results and the prospects for expanding the partnership. The main results of the cooperation highlighted the importance of the work of the Chinese-Belarusian industrial Park “Great Stone”, as well as the project of joint assembly of passenger cars of the Geely brand, the project of joint production of high-quality animal feed, the project of joint production of primary and secondary paper fibers. Regarding the prospects of the Belarusian-Chinese partnership within the framework of the Belt and Road Initiative, the possibilities of expanding integration in the EAEU, SCO and BRICS were noted.

Keywords: Belarusian-Chinese relations; BRICS; Great Stone; EAEU; Belt and Road Initiative; SCO.

В сентябре 2024 г. исполнилось 11 лет с момента выдвижения Председателем КНР Си Цзиньпином идеи воссоздания древнего Шелкового пути в современных реалиях. Тогда в сентябре 2013 г. на площадке Назарбаев университета в Астане впервые были озвучены намерения Китая реали-

зовать масштабный проект по строительству сухопутной логистической инфраструктуры, объединяющей страны Азии, Европы и Африки. На тот период реализация данного проекта требовала разрешения ряда, прежде всего, политических проблем, сдерживающих амбиции китайского руководства. Однако с течением времени Китаю удалось не только восстановить древний торговый путь, упростив эксплуатацию логистической инфраструктуры, но и сформировать новые альянсы в глобальных поставках, активизировать интеграцию транспортной цепочки в мировую торговлю.

На сегодняшний день инициатива КНР «Один пояс, один путь» характеризуется макроэкономическими целями, раскрывающими потенциал усиления мультимодальной взаимосвязанности Азии и Европы. Географически инициатива уже охватывает более 150 стран на пространстве Евразии, Африки и Латинской Америки. В ее рамках реализованы тысячи важных проектов, раскрывающих торгово-экономический потенциал сотрудничества с вовлеченными странами [1].

Республика Беларусь одна из первых стран присоединилась к реализации сухопутного проекта инициативы – Экономического пояса Шелкового пути. Беларусь и Китай подписали ряд документов о сотрудничестве в рамках инициативы «Один пояс, один путь», которые позволили углубить взаимодействие в таких сферах как торговля, инвестиции, финансы, транспорт, промышленность. Первый официальный документ, подтверждающий поддержку инициативы белорусской стороной, – Меморандум между Министерством экономики Беларуси и Министерством торговли Китая, был подписан в декабре 2014 г. Целью документа стало достижение согласованности между сторонами в вопросах перспективных направлений сотрудничества в рамках проекта Экономического пояса Шелкового пути. Далее в ходе официального визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Беларусь в мае 2015 г. был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между странами. Согласно статье 8 указанного договора стороны подтвердили готовность совместно продвигать и расширять сотрудничество в рамках проекта [2, с. 178].

Подготовительная работа началась почти сразу. Беларуси требовалось решить много задач, в числе которых: инвентаризация транспортной инфраструктуры; разработка проектов транспортных коридоров; интенсификация железнодорожных средств; создание и внедрение новых логистических маршрутов; формирование соответствующей договорно-правовой базы и многое другое. Так, модернизация белорусской железной дороги осуществлялась при содействии китайской компании *CUEC* и Датунского электровозостроительного завода. За 10 лет сотрудничества с китайскими партнерами БелЖД приобрела 30 современных электровозов грузоподъемностью до 9 тыс. тонн, увеличила протяженность электрифицированных линий дорог с 15 % до 21 %, что привело не только к снижению себестоимости перевозок, но и улучшению окружающей среды. Благодаря внедрению электронного документооборота в приграничных пунктах сократилось время таможенного оформления. По данным

Государственного таможенного комитета Беларуси, обновленная практика позволила минимизировать взаимодействие БелЖД и таможенных органов [3, с. 211].

В рамках инициативы «Один пояс, один путь» Беларусь и Китай реализовали множество взаимовыгодных проектов, в числе которых необходимо выделить самый показательный совместный проект индустриального парка «Великий камень». Соглашение о создании парка было подписано во время официального визита Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в Пекин в октябре 2010 г. Выдвижение Китаем в 2013 г. инициативы «Один пояс, один путь» способствовало ускорению реализации условий соглашения. В результате в июне 2014 г. был заложен первый фундамент в строительстве самого крупного инвестиционного китайско-белорусского проекта. Объем заявленных резидентами парка инвестиций достигает почти 1,5 млрд дол. США, в суммарном эквиваленте в развитие парка вложено порядка 930 млн дол. США [4].

Из года в год индустриальный парк «Великий камень» демонстрирует стабильный экономический рост, прирастает новыми резидентами. По итогам 2024 г. в парке зарегистрировано 30 новых компаний, с общим объемом заявленных инвестиций более 90 млн дол. США. В общей сложности в парке действует 144 резидента, экспорт товаров которых поставляется в 19 стран мира. Достижению важных экономических показателей способствует благоприятный бизнес-климат, основанный на постоянном совершенствовании законодательства, административном сопровождении компаний и уровне развитой инфраструктуры. По заявлению главы администрации Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень» А. Г. Ярошенко, к концу 2025 г. ожидается весомый прирост резидентов до 170 компаний, экспорт продукции которых достигнет свыше 360 млн дол. США. При этом отдельно следует подчеркнуть, что в текущем году будет развернут второй этап полномасштабной застройки индустриального парка. Планируется активизировать работу по строительству высокотехнологичного мультимодального терминала площадью 41 га, увеличить производственные корпуса не менее чем на 10 тыс. кв. м [5].

В рамках «Одного пояса – одного пути», помимо Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень», Беларусь и Китай реализовали такие взаимовыгодные проекты как, например, проект совместной сборки востребованных сегодня на белорусском рынке легковых автомобилей марки *Geely*; уникальный для постсоветского пространства проект совместного производства высококачественных комбикормов, которые до недавнего времени Беларусь закупала за рубежом; проект совместного производства первичных и вторичных бумажных волокон, запустивший эксплуатацию первого в Беларуси производства сульфатной беленой целлюлозы. Отдельно следует выделить проект по совместному освоению космоса, имеющий всеобъемлющий стратегический характер. Перечисленные проекты обладают не только высоким социальным и эко-

номическим значением, но и оказывают влияние на развитие политической сферы в реализации белорусско-китайского партнерства.

Что касается перспектив белорусско-китайского сотрудничества в реализации инициативы «Один пояс, один путь», прежде всего, следует отметить возможности расширения взаимодействия на пространстве ЕАЭС. Беларусь и Китай заинтересованы и активно выступают за сопряжение проектов «Один пояс, один путь» и ЕАЭС в сфере торгового и инвестиционного сотрудничества, транспортной инфраструктуры, логистики. Соответствующее соглашение было подписано в мае 2018 г., с целью создания специальных условий расширения экономической интеграции, представляющей взаимный интерес. Согласно преамбуле Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве КНР и ЕАЭС, все стороны признают важность сопряжения ЕАЭС и инициативы «Один пояс, один путь» как инструмента создания таких условий.

В апреле 2018 г. на встрече с министром иностранных дел Российской Федерации С. В. Лавровым Председатель КНР Си Цзиньпин заявил о готовности сотрудничать с ЕАЭС по инициативе «Один пояс, один путь». «Китай готов сотрудничать со всеми странами ЕАЭС для сопряжения инициативы «Один пояс, один путь» и ЕАЭС, а также для осуществления регионального сотрудничества на более высоком уровне и для углубления его», – подчеркнул Председатель КНР Си Цзиньпин [6]. В свою очередь, Беларусь является инициативным членом Евразийского экономического союза и играет весомую роль в процессе расширения сотрудничества между строительством Шелкового пути и ЕАЭС. В феврале 2023 г. во время интервью китайским СМИ Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко заявил: «Нам надо сопряжение, пожалуйста, пусть великий Китай воспользуется нашими возможностями. Рынок ЕАЭС – огромный, конечно, не китайский по населению, но очень перспективный» [7].

Для Республики Беларусь поддержка китайской инициативы «Один пояс, один путь» обеспечивает беспрепятственный выход на новые географические направления международного взаимодействия с азиатскими странами. По этой причине ведется активная работа по налаживанию полноценного участия Беларуси в ШОС. В мае 2023 г. на II Евразийском экономическом форуме, прошедшем в Москве, впервые была озвучена инициатива Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко о сопряжении интеграционных усилий в формате ЕАЭС, ШОС и БРИКС. Данная инициатива направлена на объединение стран к экономической и политической стабильности в новой архитектуре мироустройства. Как отмечает действующий Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Беларусь в КНР А. В. Червяков, интерес Беларуси в отношении таких площадок, как ШОС и БРИКС, обусловлен их географическим масштабом. ШОС охватывает 60% территории Евразии с 42% населения планеты и образует треть мирового ВВП. Наряду с ней БРИКС составляет практически половину населения планеты и формирует не менее 40% мировой добычи нефти [8, с. 15].

Таким образом, на настоящем этапе в белорусско-китайском сотрудничестве в рамках инициативы «Один пояс, один путь» достигнуты важные результаты. Реализованы совместные проекты, обладающие не только высоким социальным и экономическим эффектом, но и оказывающие влияние на развитие политической сферы в реализации белорусско-китайского партнерства. Сегодня политический уровень взаимодоверия стран характеризуется всепогодным и всесторонним стратегическим партнерством. Китай является приоритетным партнером Беларуси во всех сферах взаимодействия, что подтверждается установлением «всестороннего» сотрудничества, а также надежной опорой в непостоянных условиях политической системы, что подтверждается установлением «всепогодного» сотрудничества. В части перспектив белорусско-китайского партнерства в рамках инициативы «Один пояс, один путь» следует отметить возможности расширения интеграции на пространстве ЕАЭС, ШОС и БРИКС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. О содержательном наполнении и результатах реализации инициативы КНР «Один пояс, один путь» // Беларусь сегодня. – URL: <https://www.sb.by/articles/navygodnom-puti.html> (дата обращения: 09.03.2025).
2. Василевская, В. Э. Развитие белорусско-китайских отношений в рамках инициативы «Один пояс – один путь» / В. Э. Василевская // Образование и наука: современный вектор развития : материалы III Нац. науч.-практ. конф., Керчь, 20–21 мая 2024 г. / Федеральное агентство по рыболовству ; Керченский государственный морской технологический университет; Малое инновационное предприятие «КАВИПАУЭР»; редакц. кол.: Е. П. Масюткин [и др.]. – Керчь, 2024. – С. 177–181.
3. Мацель, В. М. Беларусь – Китай: 30 лет по пути дружбы и взаимовыгодного сотрудничества / В. М. Мацель. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2021. – 384 с.
4. Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень» – ключевая площадка для развития высокотехнологичных производств // Министерство экономики Республики Беларусь. – URL: <https://economy.gov.by/ru/news-ru/view/alesja-abramenko-velikij-kamen-kljuchevaja-ploschadka-dlja-razvitija-vysokotexnologichnyx-proizvodstv-49071-2024/> (дата обращения: 09.03.2025).
5. Топ-менеджеры индустриального парка «Великий камень» подвели итоги работы проекта в 2024 году // СБ – Беларусь сегодня. – 22.02.2025. – URL: <https://www.sb.by/articles/plodotvornyy-god-na-shelkovom-puti.html> (дата обращения: 09.03.2025).
6. Си Цзиньпин заявил о готовности к сотрудничеству с ЕАЭС по «Одному поясу» // РБК. – 18.10.2023. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/10/2023/652fc41c9a794754e05c02b> (дата обращения: 09.03.2025).
7. Лукашенко: однозначно нужно сопряжение инициативы «Один пояс, один путь» и новой политики ЕАЭС // БЕЛТА. – 27.02.2023. – URL: <https://belta.by/president/view/lukashenko-odnoznachno-nuzhno-soprjazhenie-initsiativy-odin-pojas-odin-put-i-novoj-politiki-eaes-552797-2023/> (дата обращения: 09.03.2025).
8. Червяков, А. В. Приоритеты белорусско-китайского сотрудничества и задачи отечественного китаеведения по их эффективному обеспечению / А. В. Червяков // VII Республиканская школа молодого китаеведа: приоритетные направления исследования современного Китая и актуальные задачи формирования белорусской школы китаеведения : сб. ст., г. Минск, 1 марта 2024 г. / под ред. проф. А. А. Тозика. – Минск : Изд. центр БГУ, 2024. – С. 13–18.

КИТАЙСКО-БЕЛОРУССКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ТУРИЗМА В 2016–2022 гг.

Сунь Шэнцзы¹⁾, И. И. Ковяко²⁾

¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, sunshengzi296@gmail.com

²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, kaviaka@bsu.by

В статье проанализировано китайско-белорусское сотрудничество в сфере туризма в 2016–2022 гг. Авторы обобщают содержание туристического сотрудничества двух стран и определяют его различные формы. Установлены основные направления туристического сотрудничества Китая и Беларуси в период доверительного всестороннего стратегического партнерства. Выявлены приоритетные задачи туристического диалога на правительственном, региональном и производственном уровнях. Сделан вывод, что сотрудничество в сфере туризма имеет большие перспективы развития в рамках гуманитарного диалога сторон.

Ключевые слова: китайско-белорусские отношения; туристическое сотрудничество; гуманитарное сотрудничество; программа «Дружественный Китай»; Год туризма Беларуси и Китая.

CHINA-BELARUS COOPERATION IN TOURISM IN 2016–2022

Sun Shengzi^a, I. Kaviaka^b

^a Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, sunshengzi296@gmail.com

^b Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, kaviaka@bsu.by

The article analyzes Chinese-Belarusian cooperation in tourism in 2016–2022. The authors summarize the content of tourism cooperation between the two countries and define its various forms. The main areas of tourism cooperation between China and Belarus during the period of trustful comprehensive strategic partnership are established. The priority tasks of tourism dialogue at the governmental, regional and industrial levels are identified. It is concluded that cooperation in tourism has great development prospects within the framework of the humanitarian dialogue of the parties.

Keywords: Chinese-Belarusian relations; tourism cooperation; humanitarian cooperation; Friendly China program; Year of Tourism of Belarus and China.

В 2016–2022 гг. развитие двусторонних отношений между Китаем и Беларусью продолжало ускоряться, а сотрудничество в различных областях, таких как политика, экономика, торговля и дипломатия, становилось все более тесным. Сотрудничество между Китаем и Беларусью в сфере туризма в 2016–2022 гг. во многом определялось динамикой двусторонних отношений, туристической политикой двух стран, а также пандемией коронавируса. Выбор хронологических рамок обусловлен нахождением

двусторонних отношений на стадии доверительного всестороннего стратегического партнерства.

В 2016–2019 гг. двусторонние отношения между Китаем и Беларусью постоянно улучшались, сотрудничество в сфере туризма было тесным, а в 2019 г. даже достигло наивысшего исторического уровня. Однако из-за пандемии *COVID-19* индустрия туризма во всем мире сильно пострадала, что не обошло стороной Китай и Беларусь. В результате в 2020–2022 гг. туристическое сотрудничество сторон демонстрировало снижение показателей по традиционным направлениям, однако, в то же время, обогатилось новыми формами диалога.

По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь видно, что объем туристического потока между Китаем и Беларусью в 2016–2022 гг. сильно колебался. В 2016–2019 гг. количество китайских туристов, выезжающих в Беларусь, и количество белорусских туристов, выезжающих в Китай, поступательно увеличивалось, причем первых было больше, чем вторых. В 2019 г. число туристов из двух стран достигло самого высокого уровня: в Беларусь отправились 5121 китайский турист, а в Китай – 4044 белорусских туриста [1]. В 2020–2022 гг. число китайских туристов, посещающих Беларусь, и число белорусских туристов, посещающих Китай, резко сократилось.

В 2016–2022 гг. содержание китайско-белорусского туристического сотрудничества в основном делится на три части: уровень правительства, региональный уровень и уровень предприятий.

Сотрудничество на государственном уровне в сфере туризма между Китаем и Беларусью всегда занимало лидирующие позиции. В мае 2017 г. по приглашению Министерства иностранных дел Республики Беларусь китайские журналисты посетили Беларусь, чтобы познакомиться с новыми возможностями, которые дает углубление туристического сотрудничества между Китаем и Беларусью. 10 января 2018 г. в Чунцине (Китай) состоялось официальное открытие «Года туризма Беларуси 2018» [2]. Заместитель Министра спорта и туризма Республики Беларусь М. П. Портной заявил, что сотрудничество с Китаем в сфере туризма является одним из приоритетных направлений белорусской политики, а проведение «Года туризма Беларуси 2018» является важным достижением практического сотрудничества двух стран. 12 января 2018 г. Национальная администрация туризма Китая и Министерство спорта и туризма Республики Беларусь подписали в Пекине меморандум о сотрудничестве, направленный на дальнейшее укрепление сотрудничества между двумя странами в сфере туризма. В рамках «Года туризма Беларуси 2018» Китай и Беларусь провели более 50 мероприятий, в том числе совместные выставки, ярмарки, семинары, мероприятия по развитию туристической инфраструктуры Беларуси, а также программы «Дружественный Китай» («*China Friendly*») [3]. В мае 2019 г. при совместной организации Министерства культуры и туризма Китайской Народной Республики и Посольства Республики Беларусь в Китайской Народной Республике успешно прошла «Неделя ту-

ристической культуры Китая 2019» в Минске и Борисове. В ходе мероприятия белорусские подростки продемонстрировали китайские боевые искусства, также прошли фотовыставки «Прекрасный Китай: небо, земля и человек живут в гармонии» и «Шэньси – туристическое направление с величайшей исторической и культурной ценностью в “Прекрасном Китае”» [4].

Безвизовый режим между Китаем и Беларусью стал еще одним крупным прорывом в сотрудничестве двух правительств на данном этапе. В ноябре 2016 г. и мае 2017 г. Беларусь освободила от получения виз лиц, имеющих действующие паспорта Специального административного района Макао КНР и паспорта Китайской Народной Республики, для совершения служебных поездок до 30 дней. С 10 августа 2018 г. в соответствии с соглашением о взаимном безвизовом режиме, подписанным Китаем и Беларусью, граждане двух стран, имеющие китайские и белорусские паспорта, могут въезжать и пребывать на территории другого государства до 30 дней без визы [5]. Эта безвизовая политика распространяется на частные маршруты, деловые визиты и туризм граждан Китая и Беларуси. Впоследствии, в апреле 2019 г., граждане, имеющие действующие паспорта из Специального административного района Китая Гонконг, также получили разрешение на безвизовое пребывание в Беларуси на срок до 30 дней. Постоянное продвижение китайско-белорусской безвизовой политики создало очень благоприятную среду для развития сотрудничества между двумя странами.

В целях дальнейшего укрепления сотрудничества в сфере туризма между двумя странами Беларусь последовательно открыла четыре Генеральных консульства в Китае: в Гуанчжоу (сентябрь 2016 г.), Шанхае, Чунцине (январь 2021 г.) и Гонконге (декабрь 2021 г.). Они оказывали полный спектр консульских услуг, таких как выдача белорусских виз, заверение документов, перевод свидетельств и выдача справок [6].

Началось налаживание туристического сотрудничества между Китаем и Беларусью на местном уровне. В августе 2015 г. Президент Республики Беларусь подписал Указ № 5 «О развитии двусторонних отношений между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой». В документе отмечалось, что Беларусь должна способствовать установлению прямых союзов и обменов между своими областями и городами и китайскими провинциями и городами [7]. По состоянию на июнь 2021 г. все шесть областей и областных центров Беларуси установили дружеские отношения с провинциями и городами Китая (включая провинции Хубэй, Шаньдун, Хэйлунцзян, Цзянсу, Сычуань, города Чунцин, Пекин, Шэньчжэнь, Шанхай и т. д.). Кроме того, Волковыск и Биньчжоу (Китай) стали городами-побратимами (2020 г.); города Островец и Цюньхай подписали протокол о намерениях установить побратимские отношения (2022 г.) [8].

В различных регионах Китая и Беларуси был проведен ряд мероприятий по развитию регионального туризма. В мае 2017 г. Минск и Чанчунь совместно провели китайско-белорусскую конференцию по продви-

жению инвестиций и туризма и подписали соответствующее соглашение [9]. В январе 2018 г. Китай и Беларусь провели выставку туристического потенциала Минской области и Беларуси и подписали меморандум о стратегическом сотрудничестве, направленный на поддержку двух регионов в совместном проведении мероприятий по продвижению туризма, выставок и других мероприятий, а также на углубление сотрудничества [10]. В июне 2018 г. провинция Ганьсу и Гродненская область провели мероприятия по сотрудничеству и обмену в сфере туризма и подписали соглашение о сотрудничестве [11]. В августе 2018 г. Управление по делам культуры и туризма города Пекин провело в Минске фотовыставку, посвященную туризму в Пекине, и мероприятие по продвижению туризма «Возвращаясь к Шелковому пути, открывая новый Пекин» [12]. В ноябре 2018 г. в Чунцине был создан Центр белорусской культурной и туристической продукции. Он стал важной коммуникационной площадкой между Минском и Чунцином в сфере туризма и культуры [13]. В августе 2019 г. Беларусь приняла участие в ралли классических автомобилей «Берлин–Пекин 2019 Новый Шелковый путь», где Минск выступил в качестве промежуточной остановки [14]. В 2021 г. правительства Китая и Беларуси провели «Год китайско-белорусского местного сотрудничества», который дал плодотворные результаты.

Постепенно развивался туристический обмен между китайскими и белорусскими учреждениями. В апреле 2017 г. Китайская туристическая группа (CTG) включила белорусский туристический проект в число ключевых проектов развития в рамках инициативы «Один пояс, один путь» [15]. В мае 2017 г. делегация Китайской туристической группы приняла участие в конференции по продвижению туризма, проходившей в Посольстве Республики Беларусь в Китайской Народной Республике [16]. В сентябре 2017 г. в Китае был запущен туристический продукт «Беларусь: 7-дневный первый опыт», разработанный штаб-квартирой Китайской национальной туристической службы (CNTA) [17]. В январе 2018 г. белорусское предприятие РУП «Центркурорт» в сотрудничестве с китайскими туристическими компаниями открыло в Пекине белорусский туристический информационный центр [18]. В мае 2019 г. РУП «Центркурорт» приняло выездную бригаду из 2300 человек китайского предприятия здорового питания «Ванмэй» [19].

В то же время Китай и Беларусь направляли туристические делегации для активного участия в проводимых друг другом масштабных туристических выставках и наладили сотрудничество с туристическими агентствами стран друг друга. В октябре 2016 г. китайская делегация приняла участие в «Белорусской транспортной неделе-2016», X Белорусском транспортно-логистическом конгрессе и X Международной специализированной выставке «Транспорт и логистика-2016» [20]. В апреле 2018 г. китайская туристическая делегация приняла участие в XXI международной весенней ярмарке пищевых услуг «Отдых-2018», организованной Беларусью [21]. В 2017, 2018 и 2021 гг. белорусская туристическая делегация

приняла участие в Китайской международной туристической выставке *COTTM*, проходившей в Пекине [22; 23, с. 48; 24]. В 2018 г. делегация белорусских турагентств приняла участие в Пекинской международной туристической выставке *CIFTIS*, а в рамках выставки провела выставку белорусских сладостей фабрики «Коммунарка» [25].

Развитие туристического сотрудничества сопровождалось развитием соответствующей инфраструктуры и сервисов. В 2016 г. отель «Минск» получил сертификат «Дружественный Китай» («*China Friendly*»). Это была первая гостиница в Республике Беларусь, получившая данный сертификат. Отель оборудован китайскими вывесками, розетками-адаптерами, соответствующими китайским стандартам, подключен к платежной системе «*China Union Pay*» и китайским каналам телевидения. Стоит отметить, что в данный период в аэропортах Беларуси были также подключены китайские сервисы. Китай также открыл отель «Пекин» в Минске, чтобы дать возможность белорусам почувствовать китайскую гостиничную культуру. В 2018, 2019 и 2020 гг. он был номинирован на премию «*World Travel Awards*» в категории «Лучший отель Беларуси».

В 2016–2022 гг. стремительное развитие отношений Китая и Беларуси в сферах политики, экономики и дипломатии создало благоприятную среду для оживления сотрудничества в сфере туризма. На официальном правительственном уровне были апробированы новые модели сотрудничества, такие как организация Года туризма Беларуси и Китая в 2018 г., Недели туристической культуры Китая в 2019 г. Несмотря на негативное влияние пандемии *COVID-19* и временное снижение турпотока, страны начали налаживать связи между регионами, расширять обмены между туристическими агентствами и предприятиями. Важными достижениями периода 2016–2022 гг. стала взаимная отмена виз на срок до 30 дней, открытие новых Генеральных консульств Республики Беларусь в КНР, развитие туристической инфраструктуры и сервисов в аэропортах и отелях Беларуси.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2021 // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_41019/?sphrase_id=2194844 (дата обращения: 19.02.2025).
2. 2018 “白俄罗斯旅游年” 目光锁定中国游客 = «Год туризма в Беларуси 2018» нацелен на китайских туристов // 新华网 = Новости Синьхуа. – 12.01.2018. – URL: http://www.xinhuanet.com/world/2018-01/12/c_1122252779.htm (дата обращения: 19.02.2025).
3. Сотрудничество в сфере туризма // Посольство Республики Беларусь в Китайской Народной Республике. – URL: <https://china.mfa.gov.by/ru/bilateral/humanitarian/tourism/> (дата обращения: 10.03.2025).
4. “中国旅游文化周” 助力中白文旅合作 = «Неделя культуры туризма в Китае» способствует развитию культурного и туристического сотрудничества между Китаем и Беларусью // 中华人民共和国文化和旅游部 = Министерство культуры и туриз-

- ма КНР – 29.05.2019. – URL: https://www.mct.gov.cn/whzx/zsdw/zwwhjlx/201905/t20190529_843967.html (дата обращения: 06.02.2025).
5. Безвизовый режим между Белоруссией и Китаем вступает в силу 10 июля // ТАСС. – 05.07.2018. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5349357> (дата обращения: 19.02.2025).
6. Генеральные консульства Республики Беларусь в Китайской Народной Республике // Посольство Республики Беларусь в Китайской Народной Республике. – URL: <https://china.mfa.gov.by/ru/embassy/consulate/> (дата обращения: 10.03.2025).
7. Директива Президента Республики Беларусь 31 августа 2015 г. №5 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&po=P01500005> (дата обращения: 10.03.2025).
8. Соглашения между регионами Республики Беларусь и Китайской Народной Республики // Посольство Республики Беларусь в Китайской Народной Республике. – URL: <https://china.mfa.gov.by/ru/bilateral/regional/agreements/> (дата обращения: 10.03.2025).
9. “中白科技园” 长春奠基, 开启中国与白俄罗斯合作新篇章 = В Чанчуне заложен первый камень в основание Китайско-белорусского научно-технологического парка, что открыло новую главу в сотрудничестве между Китаем и Беларусью // 央广网 = Сеть «Янгуан». – 29.05.2017. – URL: http://news.cnr.cn/native/city/20170529/t20170529_523777171.shtml (дата обращения: 06.02.2025).
10. В Чунцине состоялась торжественная церемония открытия «Года туризма Беларуси» в Китае // BELARUS.BY. – 10.01.2018. – URL: https://www.belarus.by/cn/press-center/news/i_72654.html (дата обращения: 06.02.2025).
11. О проведении Форума туристических возможностей Беларуси в провинции Ганьсу // Посольство Республики Беларусь в Китайской Народной Республике. – URL: https://mfa.gov.by/em_news/fcf4826a518893abf.html (дата обращения: 10.03.2025).
12. “重走丝绸之路, 发现新北京” 北京旅游推介活动走进明斯克友谊宫 = «Возвращаясь к Шелковому пути и открывая новый Пекин» – мероприятие по продвижению туризма в Пекине проходит во Дворце Дружбы в Минске // 北京市文化和旅游局 = Пекинское муниципальное бюро культуры и туризма. – 01.08.2018. – URL: http://whlyj.beijing.gov.cn/zwgk/xwzx/gzdt/201808/t20180801_1791481.html (дата обращения: 06.02.2025).
13. 白俄罗斯文化旅游商品中心 = Центр белорусской культурной и туристической продукции // 白俄罗斯国立大学中国办事处 = Представительство Белорусского государственного университета в Китае. – URL: <https://www.jchg.net/h-nd-339.html> (дата обращения: 06.02.2025).
14. 北京市文化和旅游局助力 “2019柏林-北京新丝路老爷车拉力赛” 发车活动 = Пекинское муниципальное бюро культуры и туризма поддерживает запуск «Ралли классических автомобилей «Новый Шелковый путь Берлин-Пекин 2019» // 北京市文化和旅游局 = Пекинское муниципальное бюро культуры и туризма. – 25.08.2019. – URL: http://whlyj.beijing.gov.cn/zwgk/xwzx/gzdt/201908/t20190825_1744406.html (дата обращения: 06.02.2025).
15. 中国旅游集团会展公司践行国家战略, 助力 “一带一路” = Китайская туристическая группа выставочной компании реализует национальную стратегию и поддерживает инициативу «Один пояс, один путь» // 国家旅业网 = Национальная туристическая сеть. – 28.04.2019. – URL: <http://www.guojialvye.com/cb/qwpl/3189.html> (дата обращения: 06.02.2025).
16. 白俄罗斯驻华大使长春推介旅游 = Посол Республики Беларусь в Китайской Народной Республике продвигает туризм в Чанчуне // 中国新闻网 = Китайская новостная сеть. – 27.05.2017. – URL: <https://www.chinanews.com.cn/cj/2017/05-27/8236416.shtml> (дата обращения: 06.02.2025).
17. 国内首条针对白俄罗斯旅游产品日前正式上线 = Официально запущен первый внутренний туристический продукт, ориентированный на Беларусь // 国务院国有资

产监督管理委员会 = Комиссия Госсовета по надзору за государственным имуществом и управлению им. – 07.08.2017. – URL: <http://www.sasac.gov.cn/n2588025/n2588124/c7525150/content.html> (дата обращения: 06.02.2025).

18. «ЦентрКурорт» выходит на рынок туристических услуг Китая // БЕЛТА. – 12.01.2018. – URL: <https://www.belta.by/society/view/tsentrkurort-vyhodit-na-rynok-turisticheskikh-uslug-kitaja-284211-2018> (дата обращения: 06.02.2025).

19. Алексей Стрельченко: «Прием китайской корпорации «Ван Мэй» – беспрецедентное событие для белорусского туризма!» // Республиканский союз туристических организаций. – URL: <https://www.toursoyuz.by/2019/05/31/aleksey-strelchenko-priem-kitayskoj-korporatsii-van-mey-bespretsedentnoe-sobyitie-dlya-belorusskogo-turizma/> (дата обращения: 06.03.2025).

20. Белорусская транспортная неделя открывается в Минске // БЕЛТА. – 04.10.2016. – URL: <https://www.belta.by/economics/view/belorusskaja-transportnaja-nedelja-otkryvaetsja-v-minske-213009-2016> (дата обращения: 06.02.2025).

21. Заместитель министра спорта и туризма Беларуси Михаил Портной ответил на вопросы журналистов // Управление спорта и туризма Гомельского областного исполнительного комитета. – URL: <https://sportgomel.by/разные-новости/новости/1774-портной-ответил-на-вопросы-журналстов.html> (дата обращения: 06.03.2025).

22. Об участии в туристической ярмарке «СОТТМ 2017» // Посольство Республики Беларусь в Китайской Народной Республике. – 03.04.2017. – URL: <https://china.mfa.gov.by/ru/embassy/news/cc836a9b41b58a76.html> (дата обращения: 10.03.2025).

23. Сунь Инцзе. Взаимодействие КНР с Республикой Беларусь в области туризма в 1993–2018 гг. / Сунь Инцзе // Этнокультурное наследие Беларуси и его использование в туризме : материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 17 октября 2019 г. / исторический факультет БГУ ; редкол.: Т. А. Новгородский, И. В. Олюнина (отв. ред.). – Минск, 2020. – С. 45–50.

24. Презентация туристического потенциала Беларуси в рамках китайской ярмарки «СОТТМ 2021» // Государственное учреждение «Национальное агентство по туризму». – 01.07.2021. – URL: <https://www.belarustourism.by/news/prezentatsiya-turisticheskogo-potentsiala-belarusi-v-ramkakh-kitayskoj-yarmarki-sottm-2021/> (дата обращения: 10.03.2025).

25. Об участии в международной выставке «Colorful World-Beijing International Culture Exhibition 2018» // Посольство Республики Беларусь в Китайской Народной Республике. – 25.10.2018. – URL: <https://china.mfa.gov.by/ru/embassy/news/dd2f6ec1f18241ef.html> (дата обращения: 10.03.2025).

ПОТЕНЦИАЛ КИТАЙСКО-БЕЛОРУССКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССА НОРМАЛИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕС

Сунь Цзянь

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, 1259385626@qq.com*

В данной статье рассматриваются возможности Китая и Беларуси и потенциал их сотрудничества в контексте выстраивания постконфликтных отношений между Россией и ЕС. Автор подчеркивает, что в настоящее время в результате российско-украинского конфликта геополитическая ситуация в Европе кардинально изменилась, и будущее развитие отношений России и ЕС затрагивает практические интересы многих стран. У Китая и Беларуси есть свои уникальные преимущества для решения проблемы отношений России и ЕС, а если принять во внимание многолетний опыт успешного сотрудничества двух стран и потенциальные выгоды, которые они могут получить, то можно предположить, что у них есть все основания для совместного взаимодействия в этой области.

Ключевые слова: китайско-белорусское сотрудничество; КНР; отношения между Россией и ЕС; Республика Беларусь.

EXPLORING THE POTENTIAL OF SINO-BELARUSIAN COOPERATION IN THE CONTEXT OF THE PROCESS OF NORMALIZATION OF RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND THE EU

Sun Jian

*Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, 1259385626@qq.com*

This article examines the capabilities of China and Belarus and the potential of their cooperation in the context of building post-conflict relations between Russia and the EU. The authors emphasize that currently, as a result of the Russia-Ukraine conflict, the geopolitical situation in Europe has changed dramatically, and the future development of Russia-EU relations affects the practical interests of many countries. China and Belarus have their own unique advantages for addressing Russia-EU relations, and if we take into account the two countries' long experience of successful cooperation and the potential benefits they can gain, they have every reason to engage in this area.

Keywords: Sino-Belarusian co-operation; PRC; EU-Russia relations; Republic of Belarus.

Между Китаем и Беларусью налажено всестороннее и всеобъемлющее стратегическое сотрудничество, масштабы и глубина которого достигает новых высот. Результаты сотрудничества между двумя странами в различных областях на протяжении многих лет приносят ощутимую пользу обеим странам, но более глубинным смыслом двустороннего со-

трудничества является построение безопасного и стабильного международного геополитического баланса посредством различных инструментов при обеспечении законных интересов двух стран. В частности, нынешний российско-украинский конфликт, который привел к нарушению геополитического баланса между Россией и ЕС, требует серьезного рассмотрения вопроса о том, как инициировать налаживание отношений между Россией и ЕС в послевоенный период. В любом случае, российско-украинский конфликт в конце концов завершится, и Беларусь может стать одним из немногих возможных каналов географической связи и политического диалога между Россией и Европой, с которыми Китай поддерживает достаточно высокий уровень взаимодействия. Следует отметить, что отношения между Китаем и Россией, а также между Китаем и ЕС не претерпели больших изменений в результате российско-украинского конфликта. В этой связи, и Китай и Беларусь могут использовать свои «рычаги» для создания более благоприятных условий для оказания большей помощи в процессе восстановления отношений между Россией и ЕС и их будущего сотрудничества, а также в процессе ребалансировки геополитической ситуации в Европе.

Известно, что отношения России с ЕС резко ухудшились после присоединения Крыма в 2014 г., а затем обострились после начала СВО в 2022 г., что привело к полному замораживанию отношений между Россией и ЕС. Однако, конфликт России с ЕС назревал еще со времен расширений НАТО на восток. В основе этого лежит геополитическое противостояние между Европой и Россией [1, с. 135–136], а также «столкновение цивилизаций» между Россией и европейскими странами из-за противоречий в политической области и исторической культуре [2, 33–34]. Российско-украинский конфликт является лишь одним из проявлений совокупного эффекта этих многочисленных факторов. Исторический опыт показывает, что любой конфликт и противостояние в конечном итоге приводят к перемирию, однако отношения между Россией и ЕС еще долго будут сохранять инерцию прежнего поведения. Более того, весьма вероятно, что Эстония, Латвия, Литва, Польша, Финляндия и Швеция, входящие в ЕС, создадут политический и географический барьер в отношениях России с ЕС, который будет трудно преодолеть в краткосрочной перспективе, если полагаться только на политический диалог.

Ответ на вопрос, как возродить отношения России и ЕС, можно найти в истории, ведь в современной Европе для исключения возможности новых войн Франция и Германия выступили инициаторами создания Европейского объединения угля и стали, которое в итоге отбросило «вековую вражду» [3, с. 61–62], а затем переросло в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), что в итоге привело к образованию сегодняшнего Европейского союза. Опыт Франции и Германии невозможно повторить, но он может стать источником вдохновения. Использование экономических интересов в качестве отправной точки для урегулирования послевоенных конфликтов между сторонами является наилучшим вариантом, поскольку

ку это может сблизить стороны, устранить их конфликты и эффективно закрепить их готовность к установлению связей, позволяя сторонам конфликта получать ощутимые выгоды от экономических обменов. Ключевым моментом на данном этапе являются элементы взаимодействия, и в этом отношении Китай и Беларусь имеют преимущества, которых нет ни у одной другой страны.

Позиция Китая в отношении конфликта на Украине заключается в том, что необходимо уважать суверенитет и территориальную целостность всех стран, соблюдать цели и принципы Устава ООН, принимать во внимание разумные соображения безопасности всех стран и поддерживать все усилия, способствующие мирному урегулированию кризиса [4]. В ходе конфликта Китай всегда настойчиво стремился к миру и диалогу и поддерживал нормальные дипломатические, экономические и торговые отношения с Россией, Украиной и странами – членами ЕС.

В результате конфликта ЕС перекрыл большинство энергетических, наземных и воздушных маршрутов в Россию со своей территории, однако стоит отметить, что, анализируя статистику железнодорожных перевозок по маршруту Китай–Европа за период 2022–2024 гг. (таблица), которая показывает устойчивый рост, можно увидеть, что, несмотря на ограничение Европой большинства транспортных связей с Россией, железнодорожный транзит через Россию и Беларусь в Европу является особым явлением. Это также косвенно отражает возможность Китая полагаться на свое экономическое влияние для содействия нормализации отношений России и ЕС.

**Статистика железнодорожных перевозок по маршруту
Китай–Европа за период 2022–2024 гг.**

	2022 г.		2023 г.		2024 г.	
	Количество рейсов	Количество ДФЭ*	Количество рейсов	Количество ДФЭ	Количество рейсов	Количество ДФЭ
Убывающие рейсы	8881	868 629	9343	1 011 049	10 546	1 141 437
Прибывающие рейсы	7681	745 478	8180	890 901	8846	935 780
Итого	16 562	1 614 108	17 523	1 901 949	19 392	2 077 216

* ДФЭ (двадцатифутовый эквивалент) – условная единица измерения вместимости грузовых транспортных средств.

Источник: [5].

Благодаря своему географическому положению Беларусь, вероятно, еще долгое время будет единственным каналом сухопутного сообщения России с Европой. В краткосрочной перспективе Украина не сможет установить эффективные дипломатические, экономические и логистические связи с Россией из-за территориальных последствий российско-украинского конфликта, а вероятность установления каналов связи через Укра-

ину максимально исключена. Страны Прибалтики, как на протяжении истории, так и в российско-украинском конфликте, играют антироссийскую роль, вплоть до того, что в недавнем прошлом страны Прибалтики были полностью отключены от российской энергосети [6], и вероятность того, что страны Прибалтики станут каналом связи после перемирия, крайне мала. Польша, чей антироссийский настрой сопоставим с прибалтийским, является источником напряженности из-за серьезных расхождений между Польшей и Беларусью в их идеологии в отношении России. Однако в экономическом плане Беларусь и Польша имеют взаимодополняющие экономические структуры, обе страны представляют собой крупный энергетический и логистический коридор, связывающий Россию и Европу, а их сотрудничество в транспортной сфере продолжает укреплять вес двух стран в геополитической игре. Несмотря на серьезные разногласия, у Беларуси и Польши больше причин для сотрудничества, чем для конфронтации, и белорусско-польские отношения можно рассматривать как результат компромисса между потребностями реальных интересов и конфликтующими идеологиями [7, с. 45–46]. Это открывает возможность для Беларуси выступить в качестве «посредника» в координации российско-европейских отношений в будущем.

В настоящее время страны ЕС в той или иной степени переживают подъем консервативных и правых сил. Социальный прогресс обычно требует продвижения левых идей. Однако, в последние годы в странах ЕС под руководством левых партий наблюдается серьезный экономический спад из-за влияния глобализации и украинского конфликта, а также рост социальной незащищенности из-за миграции [8, с. 124–126]. Усиление правых политических сил в Европе под влиянием этих социальных реалий окажет непосредственное воздействие на будущие приоритеты ЕС, среди которых на первый план выходят экономическая защита и аспекты обороны и безопасности, а также на политические концепции, выдвигаемые правым крылом стран ЕС, которое склоняется к более прагматичному подходу, подчеркивая приоритет интересов каждой страны [9]. Несмотря на многие неопределенности в отношении политического курса Европы, после российско-украинского конфликта Европе будет необходимо создать новую модель геополитической безопасности, и посредничество между Россией и Европой будет жесткой необходимостью для европейских стран.

Для Китая и Беларуси стабильная и экономически благополучная Европа может принести выгоды с точки зрения безопасности, а также экономических и торговых преимуществ, поэтому есть основания для того, чтобы обе страны разрешили российско-европейские конфликты путем сотрудничества и помогли России и Европе восстановить баланс геобезопасности. Главное, что у Китая и Беларуси есть преимущества, которых нет у других стран, и совместными усилиями можно ускорить весь процесс сближения, а в ходе дальнейшей практики обе стороны могут попытаться расширить существующее влияние на Россию и Евросоюз.

Также можно использовать влияние для восстановления первоначальной российско-европейской торговли или обойти санкции, вновь подключив экономические сферы двух сторон, например, через китайско-белорусский трубопровод, чтобы осуществлять торговлю энергоресурсами между Россией и Европой, торговлю промышленными и готовыми изделиями ЕС, востребованными в России, и использовать экономические интересы, чтобы привлечь Россию и Европу к сближению. Однако добиться всего этого достаточно нелегко, и для достижения поставленных целей требуется достижение консенсуса между всеми сторонами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. 王政达. 冷战后欧盟俄罗斯关系研究 = Ван Чжэнда. Исследование отношений России и ЕС после «холодной войны»: дис. ... докт. истор. наук / Ван Чжэнда; КПК. – 2018. – 160 с.
2. 吕萍. “欧洲选择”到“文明选择”俄罗斯“观念转向”及其对欧盟政策影响 = Люй Пин. От «европейского выбора» к «цивилизационному выбору»: российский «концептуальный сдвиг» и его последствия для политики ЕС / 吕萍 = Люй Пин // 俄罗斯学刊 = Академический журнал исследований России. – 2025. – № 1. – С. 8–36.
3. 黄正柏. 德国问题与欧洲煤钢共同体的建立 = Хуан Чжэнбо. Немецкий вопрос и создание Европейского сообщества угля и стали / 黄正柏 = Хуан Чжэнбо // 华中师范大学学报 = Журнал Педагогического университета Центрального Китая. – 1994. – № 6. – С. 56–62.
4. 王毅阐述中方在乌克兰危机上的立场 = Ван И подробно излагает позицию Китая по украинскому кризису // 中华人民共和国外交部 = Министерство иностранных дел КНР. – 18.02.2024. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjzbzhd/202402/t20240218_11246145.shtml (дата обращения: 07.03.2025).
5. 2022、2023、2024年12月中欧班列开行信息按境内口岸站统计 = Отправления поездов по маршруту Китай–Европа в декабре 2022, 2023, 2024 гг. // 中欧班列 = Железнодорожный экспресс Китай – Европа. – URL: <https://www.crexpress.cn/#/rankingExportPorts> (дата обращения: 07.03.2025).
6. Elering: страны Балтии отключатся от общей с РФ электросети 8 февраля // ТАСС. – 30.11.2024. – URL: <https://tass.ru/obshchestvo/22539203> (дата обращения: 07.03.2025).
7. 杜海龙. 试析冷战后白俄罗斯与波兰关系 = Ду Хайлун. Экспериментальный анализ белорусско-польских отношений после «холодной войны»: дис. ... магист. истор. наук / 杜海龙 = Ду Хайлун // 外交学院 = Дипломатическая академия. – 2013. – 49 с.
8. 玄理. 右翼民粹主义冲击下欧洲政党政治的右转趋势及其影响 = Сюань Ли. Сдвиг вправо в европейской партийной политике под влиянием правого популизма и его последствия / 玄理 = Сюань Ли // 当代世界社会主义问题 = Современные проблемы мирового социализма. – 2024. – № 4. – С. 122–137.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКО-ИНДИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ЗАПАДНЫХ САНКЦИЙ

А. Г. Шнырин

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, Минск, 220007, г. Минск, Беларусь, shnyrin2012@yandex.by*

Статья посвящена анализу белорусско-индийских отношений в контексте западных санкций против Беларуси. Актуальность темы обусловлена необходимостью диверсификации внешнеэкономических связей Беларуси и поиска новых партнеров. Индия, как одна из крупнейших экономик мира, рассматривается Минском в качестве важного партнера, способного помочь компенсировать потери от санкций. Однако, несмотря на активное политическое взаимодействие, торгово-экономическое сотрудничество характеризуется отсутствием динамизма, а объемы товарооборота не отвечают имеющимся возможностям сторон. Автор выделяет ключевые проблемы, такие как географическая удаленность, низкий уровень взаимного интереса со стороны Индии и ограничения, вызванные санкциями. В статье предложены пути активизации отношений, включая визиты на высшем уровне, трехсторонние проекты с участием России, а также продвижение уникальных инициатив в сферах высоких технологий, образования и сельского хозяйства. Основной вывод статьи заключается в том, что, несмотря на текущее замедление, потенциал белорусско-индийских отношений остается значительным. Для его реализации необходимы конкретные шаги, направленные на устранение барьеров и укрепление взаимного доверия. Только в этом случае сотрудничество между двумя странами сможет выйти на качественно новый уровень.

Ключевые слова: Республика Беларусь; Республика Индия; белорусско-индийские отношения; западные санкции; торгово-экономическое сотрудничество; внешне-экономические связи; экспорт белорусской продукции.

ON THE PECULIARITIES OF THE DEVELOPMENT OF BELARUSIAN-INDIAN RELATIONS IN THE CONTEXT OF WESTERN SANCTIONS

A. Shnyrin

*Academy of Public Administration
under the aegis of the President of the Republic of Belarus,
17 Moskovskaya Street, Minsk 220007, Belarus, shnyrin2012@yandex.by*

The article analyses Belarusian-Indian relations in the context of Western sanctions against Belarus. The relevance of the topic is determined by the need to diversify Belarus's foreign economic relations and search for new partners. India, as one of the world's largest economies, is seen by Minsk as an important partner that can help compensate for the losses from sanctions. However, despite the active political interaction, trade and economic cooperation is characterised by a lack of dynamism, and the volume of trade turnover does not meet the available capacities of the parties. The author identifies key problems such as geographical remoteness, low level of mutual interest on the part of India and restrictions caused by sanctions. The article suggests ways to revitalise relations, including high-level visits, trilateral projects involving Russia, and promotion of unique initiatives in the areas of

high technology, education and agriculture. The main conclusion of the article is that despite the current slowdown, the potential of Belarusian-Indian relations remains significant. Its realisation requires concrete steps aimed at removing barriers and strengthening mutual trust. Only then will cooperation between the two countries be able to reach a qualitatively new level.

Keywords: Republic of Belarus; Republic of India; Belarusian-Indian relations; Western sanctions; trade and economic cooperation; foreign economic relations; export of Belarusian products.

Введение. Современные международные отношения, характеризующиеся возрастающей взаимозависимостью, формируют глобальную повестку, где внешнеполитические решения одной страны оказывают значительное влияние на мировую политику. В этом контексте белорусско-индийские отношения представляют собой уникальный пример взаимодействия государств, которые, несмотря на географическую удаленность и различия в историческом развитии, находят точки соприкосновения в условиях трансформирующейся геополитической обстановки. Особую актуальность данная тема приобретает в свете западных санкций, введенных против Беларуси. Наша страна, оказавшаяся под внешнеполитическим давлением, активно стремится к расширению внешнеэкономических связей, и Индия, как одна из крупнейших экономик мира и активный участник международных отношений, становится для нее важным партнером. В то же время Индия, придерживаясь принципов многовекторной внешней политики, рассматривает Беларусь как потенциального партнера в Восточной Европе.

Несмотря на это, двусторонние отношения между Беларусью и Индией можно охарактеризовать как находящиеся в стагнации. Санкции создают дополнительные барьеры для развития сотрудничества, в том числе ограничения в финансовой и логистической сферах.

Взгляд на проблему из Беларуси. Мнения белорусских политических деятелей по поводу двустороннего сотрудничества с Индией в контексте западных санкций, как правило, отражают официальную позицию Минска, которая заключается в поиске альтернативных партнеров и диверсификации внешнеэкономических связей.

Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко неоднократно отмечал, что Индия рассматривается нашей страной как один из ключевых партнеров в Азии, который может помочь Беларуси компенсировать потери от нелегитимных рестрикций [1–3]. Беларусь проявляет значительный интерес к развитию и углублению сотрудничества с Индией, что неоднократно подчеркивалось официальными лицами нашей страны на различных уровнях.

Основной интерес Беларуси к Индии лежит в плоскости торгово-экономического сотрудничества и повышения объемов экспорта белорусской продукции и услуг на рынок с населением почти в 1,5 млрд чел. Индия, с ее огромным рынком сбыта, может стать важным направлением для экспорта белорусской продукции. Беларусь, обладающая развитым

промышленным сектором, заинтересована в увеличении поставок своей продукции на индийский рынок. В первую очередь речь идет о калийных удобрениях, которые являются ключевым товаром белорусского экспорта, но на сегодняшний день находятся под санкциями. Помимо удобрений, Беларусь стремится расширить экспорт других товаров, таких как сельскохозяйственная техника (тракторы, комбайны), грузовики, продукция машиностроения, а также ИТ-услуги.

Кроме того, Беларусь заинтересована в привлечении индийских инвестиций и технологий. Индия, будучи одной из ведущих стран в области информационных технологий, фармацевтики и биотехнологий, может предложить Беларуси не только финансовые ресурсы, но и передовые разработки, которые могут способствовать модернизации белорусской экономики. Одновременно, Беларусь готова предложить Индии свои наработки в области сельского хозяйства, машиностроения и образования. Белорусские университеты уже активно сотрудничают с индийскими образовательными учреждениями, привлекая студентов и развивая совместные научные проекты.

Политический аспект также играет важную роль в стремлении Беларуси углубить отношения с Индией. Беларусь активно поддерживает Индию в международных организациях, что укрепляет двусторонние отношения.

Взгляд из Индии. Индия, несмотря на декларируемую независимость своей внешней политики, в ряде случаев демонстрирует солидарность с позицией Запада, в том числе поддержку экономических ограничений в отношении Беларуси. Это связано с тем, что Индия, будучи одной из крупнейших демократий мира, во многом разделяет ценности западных стран, таких как США и Великобритания. Исторически Индия имеет тесные связи с Западом, особенно с Великобританией, которая долгое время была ее колониальной метрополией. Эти связи, хотя и переосмысленные в постколониальную эпоху, продолжают оказывать влияние на внешнеполитический курс Индии. Кроме того, Индия активно развивает стратегическое партнерство с США, что также накладывает отпечаток на ее позицию по международным вопросам, включая санкции против Беларуси.

В то же время Индия стремится сохранять баланс в своих отношениях с различными странами и блоками, что делает ее внешнюю политику гибкой и многовекторной. Однако в случае с Беларусью эта гибкость проявляется в меньшей степени. Индия не рассматривает Беларусь как приоритетного партнера, что связано с рядом факторов. Во-первых, географическая удаленность делает Беларусь менее важной для Индии в сравнении с такими игроками, как США, Великобритания, Япония, Россия или Китай. Во-вторых, Индия воспринимает Беларусь скорее как союзника России или как небольшое государство.

Индийские аналитики и политики редко уделяют внимание Беларуси в своих исследованиях или выступлениях. На сайтах индийских аналитических центров практически нет статей, посвященных Беларуси, что

свидетельствует о низком уровне интереса к нашей стране. Индия, считая себя одной из ведущих держав мира, сосредоточена на взаимодействии с крупными игроками, такими как США, Россия, Китай, а также с региональными партнерами. В этом контексте Беларусь, даже несмотря на свои достижения в отдельных отраслях (например, сельхозмашиностроение или информационные технологии), воспринимается Индией как второстепенный партнер.

Что может изменить ситуацию. Ситуацию в белорусско-индийских отношениях, находящихся в состоянии застоя, можно исправить несколькими способами. Во-первых, визит на высшем уровне мог бы стать мощным импульсом для активизации диалога. Такие визиты, как показывает история, способствуют подписанию важных соглашений и укреплению доверия. Например, визиты Президента Беларуси А. Г. Лукашенко в Индию в 1997, 2007 и 2017 гг. [4] уже доказали свою эффективность. Новый визит мог бы привлечь внимание индийского бизнеса и СМИ.

Во-вторых, Беларусь могла бы активизировать сотрудничество с Индией через совместные проекты с Россией. Россия, как стратегический союзник Беларуси, уже имеет прочные связи с Индией в таких сферах, как энергетика, оборона и высокие технологии. Беларусь могла бы предложить трехсторонние инициативы, используя российскую инфраструктуру и опыт. Это позволило бы снизить логистические и финансовые барьеры, усилить позиции Беларуси в регионе.

В-третьих, Беларуси необходимо предложить Индии что-то действительно уникальное и интересное. Это могут быть совместные проекты в области высоких технологий, таких как искусственный интеллект, биотехнологии или возобновляемая энергетика. Беларусь могла бы предложить для индийских студентов и исследователей ряд образовательных программ на основе целевой подготовки, что способствовало бы обмену знаниями и технологиями. Уникальные наработки Беларуси в сельском хозяйстве, такие как технологии повышения урожайности, могли бы заинтересовать Индию, учитывая ее огромный аграрный сектор.

Выводы. Белорусско-индийские отношения, несмотря на длительную историю и определенные успехи, в настоящее время находятся в состоянии отсутствия динамики. Это обусловлено рядом факторов: географической удаленностью, различиями в экономических приоритетах, влиянием западных санкций, которые создают дополнительные барьеры для развития сотрудничества.

Заметный дисбаланс во взаимных визитах обусловлен тем, что Индию по праву можно считать одной из крупнейших экономик мира, в то время как Республика Беларусь стремится обеспечить экономическую безопасность страны через наращивание экспорта на новые рынки сбыта, где можно получить наибольшую экономическую выгоду от внешней торговли. Но также он обусловлен и тем, что продвижение белорусских национальных экономических интересов в Индии происходит в условиях жесткой конкуренции.

Однако потенциал двусторонних отношений остается значительным, и при правильном подходе они могут стать важным элементом внешне-политической стратегии обеих стран. Но для этого потребуются не только политическая воля, но и конкретные действия, направленные на устранение барьеров и реализацию совместных проектов. Только в этом случае Беларусь и Индия смогут преодолеть текущее замедление и вывести свои отношения на качественно новый уровень.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Рассмотрение кадровых вопросов // Пресс-служба Президента Республики Беларусь. – 04.01.2024. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/rassmotrenie-kadrovyyh-voprosov-1704361718> (дата обращения: 04.03.2025).
2. Встреча с послом Индии в Беларуси Алоком Ранджаном Джа // Президент Республики Беларусь. – 16.06.2022. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-poslom-indii-v-belarusi-alokom-randzhanom-dzha> (дата обращения: 04.03.2025).
3. У Лукашенко обсуждают развитие белорусско-индийских отношений // Информационно-аналитический портал Союзного государства. – URL: <https://soyuz.by/politika/u-lukashenko-obsuzhdayut-razvitie-belorussko-indiyskih-otnosheniy> (дата обращения: 05.03.2025).
4. Политические отношения между Республикой Беларусь и Республикой Индия // Посольство Республики Беларусь в Республике Индия. – URL: https://india.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/political/ (дата обращения: 06.03.2025).

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ НАПРАВЛЕНИЙ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКОЙ ЗИМБАБВЕ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

И. А. Чувиллов

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости 4, 220030, г. Минск, Беларусь, chuvilovIA@bsu.by*

В статье проведен анализ эволюции отношений между Республикой Беларусь и Республикой Зимбабве. К основным событиям, которые позволили расширить направления их сотрудничества, отнесены взаимные визиты представителей двух государств, по результатам которых были достигнуты важные договоренности о последующем взаимодействии в политической, экономической и гуманитарной областях. Определено, что основой отношений выступают динамичные политические контакты, в переговорном процессе обе стороны отмечают важность наращивания объемов экономического сотрудничества и расширения перечня направлений для дальнейшего взаимодействия. Зимбабве является одним из главных партнеров Беларуси в Африке, а отношения между ними имеют серьезный потенциал для более качественного развития в условиях, когда страны Глобального Юга приобретают большее влияние в международных отношениях.

Ключевые слова: Республика Беларусь; Республика Зимбабве; двустороннее сотрудничество; Глобальный Юг; Африка.

DIVERSIFICATION OF COOPERATION AREAS BETWEEN THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE REPUBLIC OF ZIMBABWE: ACHIEVEMENTS AND PROSPECTS

I. Chuvilov

*Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, chuvilovIA@bsu.by*

The article analyzes the evolution of relations between the Republic of Belarus and the Republic of Zimbabwe. The main events that allowed to expand the areas of cooperation between the two states include mutual visits of representatives of the two states, as a result of which important agreements were reached on subsequent interaction in the political, economic and humanitarian spheres. It is determined that the basis of relations are dynamic political contacts, in the negotiation process both parties note the importance of increasing the volume of economic cooperation and expanding the list of areas for interaction. Zimbabwe is one of the main partners of Belarus in Africa, and relations between them have serious potential for better development in conditions when the countries of the Global South are gaining greater influence in international relations.

Keywords: Republic of Belarus; Republic of Zimbabwe; bilateral cooperation; Global South; Africa.

Внешняя политика Республики Беларусь направлена на поддержание взаимовыгодного сотрудничества со своими международными партнерами. Активизация интереса белорусского государства по отношению к странам Африки соответствует общим трендам современных международных отношений. Так, к примеру, Китайская Народная Республика уже долгое время развивает активное сотрудничество с африканскими государствами. Африка стала одним из важных приоритетов внешней политики КНР. При Си Цзиньпине африканский вектор получил еще большую поддержку в рамках реализации инициативы «Один пояс, один путь» и строительства сообщества единой судьбы человечества. Российская Федерация поступательно сотрудничает со многими африканскими государствами. Соединенные Штаты Америки также рассматривают Африку как стратегически важное направление своего внешнеполитического курса.

На современном этапе Африка стала основополагающим центром формирования новой системы международных отношений, в которой особая роль отведена государствам Глобального Юга. Африканские государства выступают с ценными инициативами по реформированию системы международного сотрудничества, обладают огромнейшим потенциалом для развития экономических связей в глобальном пространстве, для выстраивания парадигмы доверительных политических контактов.

Республика Зимбабве расположена в южной части африканского континента и имеет стратегическое значение для будущей конфигурации региональных политических и экономических отношений в субрегионе Юга Африки. Субрегиональные государства сформировали Сообщество развития Юга Африки, которое позиционирует себя как важный центр силы в региональной подсистеме международных отношений. Республика Зимбабве, как и многие другие африканские государства, в своей внешней политике вынуждена исходить из объективных реалий, при которых ей приходится преодолевать сложности своего исторического развития, вызовы социально-экономического характера. Зимбабве стремится отстаивать собственные интересы и в своей внешнеполитической стратегии учитывает важность повышения собственного уровня экономического развития. Для этого у страны имеются значительные ресурсы, в том числе богатые полезные ископаемые, человеческие ресурсы, довольно выгодное географическое расположение.

Развитие связей между Республикой Беларусь как суверенным государством и Республикой Зимбабве началось после установления дипломатических отношений 16 апреля 1992 г. [1]. При этом активизация политического диалога между двумя государствами произошла уже только в XXI в. В 1990-е гг. Республика Зимбабве развивала преимущественно региональную политику, а также была погружена в решение внутренних вопросов национального политического развития. В 2000-е гг. Зимбабве также приходилось выстраивать прагматичную линию взаимодействия с международными и региональными организациями ввиду проблем политико-экономического характера. Поэтому долгое время установленные

дипломатические отношения между Беларусью и Зимбабве не получали дальнейшего всестороннего развития, поскольку приоритетами развития этого африканского государства в тот период были поддержание внутриполитической стабильности, урегулирование конфронтации между народами шона и ндебеле, сдерживание негативных тенденций во внутриэкономическом развитии.

В апреле 2011 г. состоялся визит в Республику Беларусь вице-президента Республики Зимбабве Джона Ланда Нкомо [2]. Это событие стало важнейшим стимулом к развитию непосредственных двусторонних контактов между двумя государствами. Вице-президент Республики Зимбабве подчеркнул, что «нынешний визит – это возможность для Зимбабве открыть новую страницу в отношениях» [3].

В июле 2015 г. двусторонний диалог между Беларусью и Зимбабве продолжился благодаря визиту в Беларусь вице-президента Зимбабве Эммерсона Мнангагвы, который впоследствии был избран президентом этой африканской страны. Тогда глава белорусского государства А. Г. Лукашенко следующим образом охарактеризовал стратегию Беларуси в отношении Зимбабве и других африканских государств: «У нас нет никаких проблем с вашей страной. У нас нет никаких препятствий для глубокого всестороннего сотрудничества. Мы готовы сделать все, что мы можем, для вашей страны, для Южной Африки» [4]. Республика Беларусь высказала всецелую поддержку стремлению Зимбабве к плодотворному сотрудничеству, основные акценты были сделаны на развитии экономической кооперации, интенсификации торговых отношений и взаимодействии в сфере сельского хозяйства и инфраструктуры.

В 2017 г. Республика Зимбабве вступила в новый этап политического развития, когда главой государства стал Эммерсон Мнангагва, сменивший на этом посту Роберта Мугабе. Под новым руководством страна стала активнее развивать контакты с международным сообществом. В сентябре 2018 г. в Зимбабве был принят документ «*Vision 2030*. На пути к процветающему и полномочному обществу с доходом выше среднего к 2030 г.», в котором было отмечено, что новое руководство «работает над созданием нового Зимбабве, страны с процветающей и открытой экономикой» [5].

Важным событием в отношениях двух государств необходимо рассматривать визит президента Республики Зимбабве Э. Мнангагвы в Беларусь в январе 2019 г. Важной частью визита стала высказанная белорусской стороной готовность поддержать Зимбабве в реализации всесторонних реформ и строительству собственной стабильной экономики. «Мы исходим из того, что наращивание и диверсификация белорусского экспорта в Зимбабве должны отвечать общим интересам, в том числе способствовать экономическому развитию страны», – отметил А. Г. Лукашенко [6].

Подтверждением приверженности Республики Беларусь к реализации стратегии всестороннего сотрудничества с Африкой стал визит главы белорусского государства А. Г. Лукашенко в Зимбабве в январе 2023 г. В рамках визита были достигнуты основополагающие договоренности по

сотрудничеству Беларуси и Зимбабве по множеству концептуально важных вопросов. Так, были подписаны соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций, о создании совместной постоянной комиссии по сотрудничеству; соглашение об установлении побратимских отношений между городами Минск и Хараре; меморандум о взаимопонимании о сотрудничестве в рамках поставок в Республику Зимбабве машин и оборудования белорусского производства для лесной промышленности; меморандум о взаимопонимании между Республикой Беларусь и Республикой Зимбабве о взаимном признании документов об образовании [7]. Результаты переговорного процесса между двумя государствами обозначили начало комплексного развития сотрудничества по ряду направлений. Согласованные механизмы взаимодействия будут способствовать укреплению позиций Республики Беларусь на африканском континенте. Для Зимбабве расширение форм и направлений сотрудничества с Беларусью является ценным и действенным способом налаживания партнерских механизмов с не африканскими государствами.

Политический диалог Беларуси и Зимбабве был продолжен на международных площадках. Обмен мнениями касательно актуальной политической повестки и тенденций развития международных отношений был осуществлен на полях Всемирного климатического саммита в Баку, где главы двух государств также наметили перспективы для совместной работы на Африканском континенте [8].

Таким образом, отношения между Республикой Беларусь и Республикой Зимбабве вступили в стадию активного развития только в течение последних нескольких лет. Основой двусторонних отношений выступают динамичные политические контакты, в переговорном процессе обе стороны отмечают важность наращивания объемов экономического сотрудничества и расширения перечня направлений для взаимодействия. Зимбабве выступает одним из опорных партнеров Беларуси в Африке, а двусторонние отношения имеют огромный потенциал для более качественного развития в условиях, когда страны Глобального Юга приобретают большее влияние в международных отношениях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Двусторонние отношения Беларусь – Зимбабве // Посольство Беларуси в Зимбабве. – URL: https://zimbabwe.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/ (дата обращения: 04.03.2025).
2. О визите Вице-президента Республики Зимбабве Джона Ланда Нкомо в Республику Беларусь // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – 06.04.2011. – URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/ebe40fe98d71f137.html (дата обращения: 05.03.2025).
3. 9 апреля Александр Лукашенко встретился с Вице-президентом Республики Зимбабве Джоном Нкомо // Президент Республики Беларусь. – 09.04.2011. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/9-aprelja-aleksandr-lukashenko-vstretilsja-s-vitse-prezidentom-respubliki-zimbabwe-dzhonom-nkomo-5272> (дата обращения: 05.03.2025).
4. Встреча с вице-президентом Республики Зимбабве Эммерсоном Мнангагвай // Президент Республики Беларусь. – 20.07.2015. – URL: <https://president.gov.by/ru/news/20-07-2015-vstrecha-s-vitse-prezidentom-respubliki-zimbabwe-emmersonom-mnangagwi>

gov.by/ru/events/vstrecha-s-vitse-prezidentom-respubliki-zimbabve-emmersonom-mnangagvoj-11803 (дата обращения: 05.03.2025).

5. Vision 2030. Towards a Prosperous and Empowered Upper Middle Income Society by 2030 // Food and Agriculture Organization of the United Nations. – URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/zim203768.pdf> (date of access: 05.03.2025).

6. Переговоры с Президентом Зимбабве Эммерсоном Мнангагвой // Президент Республики Беларусь. – 17.01.2019. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/ofitsialnyj-vizit-prezidenta-respubliki-zimbabve-emmersona-mnangagvy-20303> (дата обращения: 05.03.2025).

7. Беларусь и Зимбабве в ходе государственного визита Лукашенко подписали пакет документов // БЕЛТА. – 31.01.2023. – URL: https://belta.by/president/view/belarus-i-zimbabve-v-hode-gosudarstvennogo-vizita-lukashenko-podpisali-paket-dokumentov-547487-2023/?utm_source=belta&utm_medium=news&utm_campaign=accent (дата обращения: 05.03.2025).

8. Встреча с Президентом Зимбабве Эммерсоном Мнангагвой // Президент Республики Беларусь. – 12.11.2024. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstreca-s-prezidentom-zimbabve-emmersonom-mnangagvoj> (дата обращения: 05.03.2025).

РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКОЙ КИПР

Н. О. Пашков

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости 4, 220030, г. Минск, Беларусь, pashkou@bsu.by*

В статье речь идет о характере взаимоотношений между Республикой Беларусь и Республикой Кипр, которые охватывают не только политическую и экономическую сферу, но и включают важные религиозные и духовные контакты как часть гуманитарного сотрудничества между двумя странами. В межгосударственных отношениях Республики Беларусь и Республики Кипр одним из важнейших, хотя и менее освещенных в официальных документах направлений, является религиозный диалог, который опирается на православную традицию обеих стран и требует дальнейшего всестороннего развития.

Ключевые слова: Республика Беларусь; Республика Кипр; межгосударственные отношения; религиозный диалог; белорусско-кипрские отношения.

RELIGIOUS ASPECT OF RELATIONS BETWEEN THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE REPUBLIC OF CYPRUS

N. Pashkou

*Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, pashkou@bsu.by*

The article discusses the nature of relations between the Republic of Belarus and the Republic of Cyprus, which cover not only the political and economic spheres, but also include significant religious and spiritual contacts as an important part of humanitarian cooperation between the two countries. In the interstate relations of the Republic of Belarus and the Republic of Cyprus, one of the most important, although less covered in official documents, areas is religious dialogue, which is based on the Orthodox tradition of both countries and requires further comprehensive development.

Keywords: Republic of Belarus; Republic of Cyprus; interstate relations; religious dialogue; Belarusian-Cypriot relations.

Развитие межгосударственных отношений между Республикой Беларусь и Республикой Кипр охватывает широкий спектр направлений сотрудничества – от торговли и экономики до образования и культуры. Особое место в этой системе занимают религиозные контакты, которые играют важную роль в гуманитарном сближении двух православных народов.

Обе страны – Республика Беларусь и Республика Кипр – являются преимущественно христианскими государствами, что создает уникальные предпосылки для доверительного и глубокого межконфессионального диалога [1, р. 64]. Эта духовная общность позволяет строить не толь-

ко политические и экономические, но и ценностно ориентированные отношения, укрепленные общими религиозными традициями, схожими взглядами на морально-нравственные установки, семью, общественные устои.

В этом контексте православие выступает не просто конфессией, но моральным фундаментом межгосударственного гуманитарного взаимодействия. В современных социально-политических условиях, когда усиливаются процессы секуляризации и поляризации, особенно важна опора на традиционные духовные начала, которые способствуют сохранению идентичности и культурной преемственности народов.

Как отмечают Э. Продрому [2] и Г. Сорока [3], православие все чаще выступает как важный геополитический фактор и механизм «мягкой силы». М. Барвиньски подчеркивает, что религиозные связи Восточной и Западной Европы формируют устойчивые «мосты доверия» между народами, часто в обход политической напряженности [4]. Это особенно актуально для Беларуси, у которой ограничены каналы общения с ЕС.

Кипр, будучи членом ЕС, но сохраняя прочные связи с православным миром, играет уникальную роль в том, чтобы сохранять открытые культурные каналы с восточнославянскими государствами, включая Беларусь, несмотря на давление внутри ЕС.

В статье М. Контоса поднимается важная проблема: Кипр на уровне ЕС неоднократно выступал против введения более жестких санкций против Беларуси, аргументируя это необходимостью диалога и уважения к «особым культурным связям» [5]. В этом исследовании утверждается, что греко-православная солидарность, включающая Беларусь, играет важную роль в позиционировании Кипра. Церковные каналы (особенно личные связи между архиереями Белорусской Православной Церковью и Кипрской Архиепископией) позволяют вести неформальные консультации, сохраняя гуманитарные и образовательные связи.

Эти крепкие связи в новейшее время стали формироваться еще в конце 1960-х гг. Первые знакомства белорусских архиереев с Республикой Кипр состоялись в 1967 г., в рамках первого визита делегации Русской Православной Церкви в Кипрскую Православную Церковь. В состав делегации вошли архиепископ Минский и Белорусский Антоний (Мельников) и епископ Дмитриевский Филарет (Вахромеев), будущий Экзарх Беларуси. За время пребывания на острове члены делегации были неоднократно приняты первым президентом Кипра Архиепископом Макариосом, а также архиереями Кипрской Архиепископии [6]. В ноябре 1968 г. епископ Дмитриевский Филарет снова посетил Республику Кипр в составе делегации Кипро-Советского общества дружбы, где также прошли официальные встречи с духовенством острова [7]. Следует отметить, что после официальных контактов возникла переписка между Архиепископом Кипра и архиепископом Антонием и епископом Филаретом [8]. В начале августа 1977 г. митрополит Берлинский Филарет (Вахромеев) возглавил официальную делегацию РПЦ на похоронах перво-

го президента Кипра и предстоятеля Кипрской Церкви Архиепископа Макариоса [9]. Начало развития белорусско-кипрских отношений было положено.

Установления дипломатических отношений между Республикой Беларусь и Республикой Кипр состоялись 9 апреля 1992 г. Однако развитие контактов проходило очень медленно. Толчком в белорусско-кипрских отношениях стала официальная встреча Премьер-министра Республики Беларусь С. С. Линга с делегацией Республики Кипр во главе с Министром торговли и промышленности К. Христофи, состоявшаяся в Минске 15 апреля 1997 г. «Беларусь заинтересована в развитии торгово-экономических связей со всеми странами», – подчеркнул Премьер-министр Республики Беларусь С. С. Линг [10]. При этом С. С. Линг отметил, что отношения развиваются на взаимовыгодных условиях. Он также обратил внимание и на географическое расположение двух государств: через Беларусь можно поставлять товары в страны СНГ, а через Кипр – на рынки Ближнего Востока и Северной Африки. Помимо подписания документов о долгосрочном экономическом, научно-техническом и промышленном сотрудничестве, торговом сотрудничестве и о сотрудничестве в области туризма прошли переговоры в некоторых министерствах и ведомствах, Белорусской торгово-промышленной палате. Делегация приняла участие в открытии выставки кипрских товаров в Минске.

Показательным примером значения религиозного компонента для обеих стран стал официальный визит Премьер-министра Республики Беларусь С. С. Линга на Кипр 27–29 мая 1998 г. В рамках программы визита С. С. Линг был принят Его Блаженством Архиепископом Новой Иустинианы и всего Кипра Хризостомом, главой Кипрской православной церкви. Переговоры проходили в атмосфере взаимного уважения и подчеркивали интерес к сохранению традиционных духовных ценностей и укреплению церковных контактов. В ходе состоявшейся дружественной беседы обсуждались перспективы развития духовных контактов между двумя странами, укрепление межцерковных связей, а также общий взгляд на моральные и этические проблемы современности. Белорусский премьер передал приветствие от митрополита Минского и Слуцкого, Патриаршего Экзарха всея Беларуси Филарета, что свидетельствовало о высокой степени включенности церковных институтов Беларуси в формирование внешнеполитических гуманитарных инициатив [11]. Этот символический жест подчеркивал глубокое уважение к кипрским духовным традициям и демонстрировал открытость Беларуси к диалогу на межконфессиональном уровне. Во время беседы обсуждались вопросы развития духовных связей, а также сотрудничества в сфере религиозного образования, обмена делегациями и культурными инициативами. Таким образом, встреча приобрела важное значение не только как акт вежливости в рамках дипломатического визита, но и как шаг к формированию устойчивого взаимодействия между духовными институтами двух стран. Подобная практика свидетельствовала о том, что религиозный диалог стал неотъ-

емлемой частью официальных дипломатических форматов, позволяя не только выражать взаимное уважение, но и закладывать основы для устойчивого сотрудничества в сфере духовной культуры и просвещения. Следует подчеркнуть, что встреча с кипрским архиепископом имела не только протокольное значение, но стала важным событием в контексте межконфессионального взаимодействия. Она заложила основу для дальнейшего развития неформальных гуманитарных контактов, таких как обмен паломническими группами, организация выставок, конференций и других культурно-религиозных мероприятий.

В июле 2013 г. в рамках празднования 1025-летия Крещения Руси, Республику Беларусь посетили представители православных церквей. Среди участников был предстоятель Кипрской Архиепископии Архиепископ Хризостом. Участники торжеств были приняты президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко. Глава государства отметил, «что торжество с участием Глав и представителей всех Поместных Православных Церквей является одним из самых важных событий в жизни страны и свидетельствует об огромной роли православной духовности в жизни» Беларуси [12].

Сегодня, когда в рамках дипломатии использование традиционных внешнеполитических инструментов практикуется в условиях новых политических вызовов, еще более жестких, чем во времена «холодной войны», церковные институты становятся все более важным фактором гуманитарного сотрудничества. В отношениях Беларуси и Кипра православная церковь выполняет важную социально-культурную миссию, способствуя распространению гуманистических принципов, идеи терпимости, сохранению духовного наследия. Так, например, в августе 2012 г. в Минске состоялась встреча митрополита Филарета с протоприсвитером Георгием Антониу, организатором православных международных молодежных лагерей на Кипре [13]. Участниками молодежных лагерей были и представители из Республики Беларусь. В июне 2014 г. Республику Беларусь посетил епископ Карпатский Христофор [14]. Целью визита являлся обмен опытом работы по противодействию сектам в современном мире. В рамках визита гость посетил синодальный центр сектоведения имени преподобного Иосифа Волоцкого в Минске, а также храмы Минской и Бобруйской епархии. Особо выделяется опыт общения представителей монастырей Беларуси и Кипра. В 2015 г. Белорусский Экзархат посетил митрополит Лимассольский Афанасий. В ходе визита митрополит встретился с монашествующими главных монастырей Беларуси, а также посетил епархии БПЦ [15].

На фоне укрепления торгово-экономических и политических связей, религиозное измерение белорусско-кипрских отношений создает ценностный баланс в межгосударственном диалоге. Совместные усилия по сохранению духовных традиций позволяют обеим странам формировать единое цивилизационное пространство, основанное на взаимном уважении, солидарности и ответственности перед историей.

Беларусь и Кипр принадлежат к числу государств с преобладанием православного христианства. Белорусская Православная Церковь (в составе Московского Патриархата) и Кипрская Православная Церковь (автокефальная) исповедуют общее догматическое и литургическое наследие. Эта духовная общность становится базисом для народной дипломатии, а также способствует диалогу.

Хотя церковная дипломатия в отношениях Беларуси и Кипра пока не получила официального институционального оформления, она может стать важным инструментом так называемой «мягкой силы», как ее называют в «большой политике». Обе страны обладают значительным духовным и культурным наследием. В условиях роста интереса к религиозному туризму и паломничеству, Беларусь и Кипр могут развивать совместные программы по обмену паломниками, организовывать выставки церковного искусства, разрабатывать программы сохранения православного наследия в Европе.

Если говорить о возможных каналах православной дипломатии между Беларусью и Кипром, среди основных можно назвать следующие направления взаимодействия:

- 1) паломничество и религиозный туризм – ключевой способ культурного сближения;
- 2) переписка архиереев – она часто остается неформальной, но является очень важной;
- 3) обмен святынями и иконами – важнейшая часть духовного единения;
- 4) образовательные инициативы – семинары и богословские обмены;
- 5) совместные форумы и соборы, которые позволяют обсуждать глобальные вопросы православия;
- 6) культурные мероприятия при участии церкви – выставки, концерты, фестивали и т. п.

В свою очередь, сетевая карта православной дипломатии между Беларусью и Кипром обладает достаточно большим потенциалом. Здесь могут быть задействованы такие важнейшие институциональные узлы как церковь, профильные министерства, форумы, неправительственные общественные организации и др. В частности, Белорусский Экзархат и Кипрская православная церковь являются ключевыми факторами в религиозной дипломатии, а МИДы обеих стран могут участвовать в координации культурно-гуманитарных мероприятий. Паломнические организации связывают духовную жизнь с туристическим и гуманитарным контекстом, а православные семинарии могут обеспечивать образовательный процесс и долгосрочную связь между духовенством.

Иными словами, православие в белорусско-кипрских отношениях не просто часть историко-культурного фона, а важнейший элемент альтернативной дипломатии, позволяющий поддерживать устойчивые связи в условиях политической турбулентности. Общность конфессиональной

традиции становится своеобразной «религиозной дипломатией», обходящей официальные санкционные барьеры.

Религиозный аспект в белорусско-кипрских отношениях остается недостаточно изученным, однако имеет существенный потенциал. Общая православная традиция может служить платформой для укрепления культурных и гуманитарных связей, особенно в контексте усиления духовных ценностей в международных отношениях.

Таким образом, религиозный аспект сотрудничества между Республикой Беларусь и Республикой Кипр представляет собой важную и перспективную область двусторонних отношений. Общность православных традиций, уважение к духовному наследию друг друга и стремление к укреплению межцерковного диалога создают прочную основу для дальнейшего развития гуманитарных связей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Mudrov, S. A. European Christian Churches and their level of influence / S. A. Mudrov // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2017. – Т. 17. – № 1. – С. 63–72.
2. Prodromou, E. Diplomacy, Geopolitics, and Global Orthodox Christianity in the Twenty-First Century / E. Prodromou // Berkley Center for Religion, Peace & World Affairs at Georgetown University. – Washington, 2023. – P. 1–17.
3. Soroka, G. International Relations by Proxy? The Kremlin and the Russian Orthodox Church / G. Soroka // Religions. – 2022. – Vol. 13, N 3, 208. – URL: <https://doi.org/10.3390/rel13030208> (date of access: 25.02.2025).
4. Barwiński, M. Borderland of nations, religions and cultures – the case of Podlasie / M. Barwiński // European Spatial Research and Policy. – 2017. – Vol. 24, N 2. – P. 111–125.
5. Kontos, M. Adaptation and transition: the impact of Russia's invasion of Ukraine on Cypriot-Russian relations / M. Kontos // Southeast European and Black Sea Studies. – URL: <https://doi.org/10.1080/14683857.2024.2448354> (date of access: 25.02.2025).
6. Архив внешней политики Российской Федерации. Фонд Референтура Кипра – Оп. 8. Д. 130. П. 115. Л. 1–3.
7. С визитом дружбы // Журнал Московской Патриархии. – 1969. – № 1. – С. 16.
8. Архив Кипрской Архиепископии. Фонд Переписка с Поместными Православными Церквями. Папка Русская Православная Церковь – Т. 2. Л. 18.
9. Похороны Предстоятеля Кипрской Церкви // Журнал Московской Патриархии. – 1977. – № 10. – С. 3.
10. Встреча премьер-министра Республики Беларусь С. С. Линга с делегацией Республики Кипр во главе с Министром торговли и промышленности К. Христофи // Вестник Министерства иностранных дел Республики Беларусь. – 1997. – № 1. – С. 19.
11. Официальный визит Премьер-министра Республики Беларусь С. С. Линга в Республику Кипр // Вестник Министерства иностранных дел Республики Беларусь. – 2001. – № 1. – С. 17.
12. Святейший Патриарх Кирилл и Предстоятели Поместных Церквей встретились с Президентом Белоруссии А.Г. Лукашенко // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского патриархата. – 29.07.2013. – URL: <https://www.patriarchia.ru/db/text/3134438.html> (дата обращения: 18.03.2025).
13. Встреча с предстоятелями поместных православных церквей А. Г. Лукашенко // Русская Церковь в фотографиях. – URL: <https://foto.patriarchia.ru/>

church/eparkhii/inskaya-eparkhiya/vstrecha-predstoyateley-pomestnykh-tserkvey-s-prezidentom-belorussii-a-g-lukashenko/ (дата обращения: 17.03.2025).

14. Интервью епископа Карпатского Христофора. // Белорусская православная церковь. Духовная семинария. – 23.06.2014. – URL: <https://old.minds.by/news/episkop-karpatskiy-hristofor-mezhpravoslavnyj-analiticheskiy-tsentr-po-voprosam-sekt-sledovalo-by-sozdat-v-minske> (дата обращения: 18.03.2025).

15. Митрополит Лимассольский Афанасий посещает пределы Белорусского Экзархата // Собор.by: информационный портал. – 28.09.2015. – URL: https://www.sobor.by/videonews/Mitropolit_Limasolskiy_Afanasiy_poseshchaet_predeli_Beloruskogo_Ekzarhata_2015_Sep_28_20_25_33 (дата обращения: 17.03.2025).

ТРАДИЦИОННЫЕ КОНФЕССИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ВОПРОСЕ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА

Т. В. Кресс-Романова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, Lisica.1994@mail.ru*

Конфессиональный вектор государственной деятельности нашей страны направлен на укрепление религиозной стабильности и согласия белорусского социума, а также на развитие диалога с традиционными конфессиями. Избранная исследователем тема актуальна с точки зрения отражения межконфессиональных отношений и их мирного взаимодействия. В статье затрагиваются вопросы сотрудничества традиционных религий Республики Беларусь в условиях миграционного кризиса на границах страны. Также показаны основные аспекты содействия мигрантам со стороны православной, католической и мусульманской религий.

Ключевые слова: Республика Беларусь; Патриарший Экзарх всея Беларуси; митрополит Минско-Могилевский; муфтий Мусульманского религиозного объединения; главный раввин; Ватикан; папа Римский; конфессия; международное сотрудничество.

TRADITIONAL CONFESSIONS OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE ISSUE OF MIGRATION CRISIS

T. Kress-Romanova

*Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, Lisica.1994@mail.ru*

The confessional vector of state activity of our country is aimed at strengthening religious stability and harmony of Belarusian society, as well as developing dialogue with traditional faiths. The topic chosen by the researcher is relevant from the point of view of reflecting interfaith relations and their peaceful interaction. The article touches upon the issues of cooperation between traditional religions of the Republic of Belarus in the context of the migration crisis on the country's borders. The main points of assistance to migrants of the Orthodox, Catholic and Muslim religions are also shown.

Keywords: Republic of Belarus; Patriarchal Exarch of All Belarus; Metropolitan of Minsk and Mogilev; Mufti of the Muslim Religious Association; Chief Rabbi; Vatican; Pope; confession; international cooperation.

Миграционный кризис – это сложная ситуация, возникшая из-за массового перемещения беженцев. Чаще всего причинами массового исхода беженцев являются: бегство людей от войны, частые природные катаклизмы или отсутствие в своей стране экономических перспектив.

Миграционный кризис для Европы не является новостью. Примером крупнейшего европейского миграционного кризиса со времен Второй мировой войны, являлся наплыв мигрантов из Африки и Ближнего Востока в 2015–2016 гг. Основной причиной такого миграционного потока

являлась война в Сирии, а основная часть мигрантов была нацелена на более развитые страны Европы.

В Европе миграционный кризис стал привычным пунктом в повестке дня, однако подобный кризис необычен для Республики Беларусь. В 2021 г. большой наплыв беженцев произошел на польско-белорусской и литовско-белорусской границах.

Повышенный поток мигрантов из стран Ближнего Востока, продолжавшийся несколько месяцев, имел нелегальный характер и вызывал всеобщее беспокойство. Подавляющее большинство мигрантов стремилось через нашу страну попасть в более богатые страны Европы (например, в Германию, Францию, Бельгию, Великобританию, Швейцарию). Такую миграцию называют транзитной, имеется в виду прибытие в одну страну, чтобы в конечном итоге оказаться в другой. Напряженную ситуацию на западных рубежах Беларуси создавали в основном беженцы из Ирака, а также Сирии, Афганистана, Турции, Ирана, Шри-Ланки и стран Африки (Гвинеи, Камеруна, Конго, Мали). Всего в Беларуси находилось около семи тысяч беженцев [1].

В 2021 г. мигранты разбили палаточный лагерь у забора польской границы, затем их разместили в торгово-логистическом центре «Брузги» недалеко от пункта пропуска. Для мигрантов создали спальные места, организовали горячее питание и обеспечили чистой водой, всего в торгово-логистическом центре было размещено около 600 человек в конце 2021 г. [2]. Республика Беларусь со своей стороны делала все, чтобы облегчить участь беженцев, обеспечивая им более комфортные условия.

Кроме того, Президент А. Г. Лукашенко лично приезжал в центр «Брузги» проконтролировать условия проживания мигрантов [3]. Глава государства сообщил, что к концу ноября 2021 г. более тысячи мигрантов вернулись в свою страну: «...как видите – уже больше тысячи человек уехало, четыреста еще хотят уехать, находятся сегодня в аэропорту» [4].

Ведущие конфессии Республики Беларусь оказывали помощь мигрантам продуктами питания и предметами первой необходимости. Кроме того, Главы ведущих религий страны приняли обращение к европолитикам и верующим в связи с миграционным кризисом на белорусско-польской границе. В своем обращении руководители конфессий призывали помочь беженцам: «Мы все призываемся словом Божиим к скорейшему разрешению сложившейся ситуации – дать им не только надежду и совет, а необходимую помощь и возможность реализовать свои чаяния» [5]. Такой документ подписали: митрополит Минский и Заславский Вениамин, Патриарший Экзарх всея Беларуси, архиепископ митрополит Минско-Могилевский Римско-католической церкви И. Станевский, муфтий Мусульманского религиозного объединения А. Б. Шабанович, главный раввин Религиозного объединения общин прогрессивного иудаизма Григорий Абрамович [5].

Основная религия страны – православная – активно принимала участие в помощи мигрантам. Так, например, настоятельница Гродненского

Свято-Рождество-Богородичного женского монастыря Игуменья Гавриила неоднократно с подарками и продуктами питания посещала беженцев на границе. Игуменья отметила: «Мы все люди и должны помогать друг другу. Все на земле должны жить так, чтобы делать добро. Я уверена, именно добро, а не красота спасет мир, поэтому давайте делать добро. И не только материальное, но и словом и улыбкой» [6]. 6 декабря 2021 г. настоятельница Гродненского Свято-Рождество-Богородичного женского монастыря доставила в пункт временного размещения мигрантов груз с продуктами питания от Гродненского и Жировичского монастырей и Новогрудской епархии [7].

Как отметил Митрополит Минский и Заславский, Патриарший Экзарх всея Беларуси Вениамин, «конечно, люди оказывают помощь. Но эта помощь временная – накормить, дать теплую одежду, согреть. Это необходимо, но важно решить саму проблему» [8].

Католическая религия в целом, и в частности Святой Престол, имея дружественные отношения с Беларусью также с беспокойством наблюдал ситуацию на границах нашей страны. Понтифик не единожды призывал Европу взять на себя ответственность за решение миграционного кризиса на польско-белорусской границе. Обращаясь к верующим, папа Римский сказал: «Скольким мигрантам и в эти дни угрожает огромная опасность, сколько их погибает у наших границ. Чувствую боль в связи с ситуацией, в которой находятся многие из них. Те, что погибли в проливе Ла-Манш, те, что находятся на границе Беларуси, многие из их детей» [9]. Папа Франциск пообещал молиться за всех мигрантов, попавших в беду, и благодарил международные благотворительные организации за то, что облегчают страдания беженцев. Он также призвал гражданские и военные власти к пониманию и диалогу.

Секретарь Святого Престола по отношениям с государствами архиепископ П. Р. Галлахер в ноябре 2021 г. в связи с белорусским миграционным кризисом, призвал европейские власти взять на себя ответственность в вопросах мигрантов.

Глава Римско-католической церкви в Беларуси И. Станевский также принимал участие в помощи беженцам: «Мы как костел сразу же обратились к нашей пастве, верующим с просьбой, чтобы каждый, кто испытывает такую потребность, или кто может – помочь им. И эта помощь им на границе не только через благотворительное общество «Каритас» была предоставлена. И также дальше помогаем» [10].

Нунций Святого Престола А. Йозич в 2021 г. отметил: «Католический костел с большим вниманием наблюдает за нынешней ситуацией, связанной с кризисом с беженцами на белорусско-польской границе...». Также он подчеркнул: «Католический костел всегда близок к тем, кто страдает или находится в трудных жизненных обстоятельствах и через свою религиозную миссию «Каритас» (благотворительная организация) стремится оказать гуманитарную помощь тем, кто в ней нуждается» [11]. Нунций сообщил о том, что и белорусская и польская организации «Каритас» соби-

рали помощь для беженцев, а также упомянул о том, что папа римский Франциск выступил с призывом относительно потоков беженцев в Европейский союз, прося обеспечить им достойные условия жизни и доступ к процедурам придания статуса беженца» [11]. Нунций выразил благодарность «Каритас» Беларуси и Польши за помощь в этой кризисной ситуации и повторил призыв Папы Франциска в отношении миграционных потоков в Европу: гарантировать мигрантам «достойные условия жизни и доступ к процедурам по предоставлению убежища» [8].

Конференция католических епископов в Беларуси приняла решение собирать денежные пожертвования во всех костелах четырех епархий Беларуси в помощь беженцам, заявив: «Наш моральный долг – присоединиться к делу помощи мигрантам, которые в это время находятся на государственной границе». Так, в Гродно организовывали сбор материальных средств: одежды, средств личной гигиены, одеял, детских вещей [12].

Глава Ватикана оказывал также посильную финансовую помощь в связи с миграционным кризисом. Например, в январе 2022 г. он пожертвовал через Департамент служения целостному развитию человека 100 тыс. евро для беженцев, находящихся на польско-белорусской границе. Однако стоит отметить, что помощь понтифика была направлена польскому отделению фонда «Каритас» для решения чрезвычайной миграционной ситуации [13].

Кроме того, в феврале 2022 г. папа Франциск направил вильнюсскому отделению «Каритас» финансовую помощь в размере 50 тыс. евро на приобретение предметов первой необходимости для мигрантов, находящихся на границе между Беларусью и Евросоюзом [14].

Мусульманская конфессия, как и другие религии, была обеспокоена вопросом мигрантов и подавления враждебности со стороны западных и соседских государств [15]. В мечети был объявлен сбор средств, а также необходимых вещей для беженцев (теплые вещи, одеяла, медикаменты, продукты питания и предметы первой необходимости).

Муфтий Мусульманского религиозного объединения Беларуси А. Б. Шабанович отметил: «Народ бежит от крови, народ бежит от голода, народ не хочет воевать – он хочет мирно трудиться. Поток беженцев, мигрантов, как бы мы их не называли – обездоленные люди пытаются прийти к тем хозяевам, которые их разорили, которые проповедовали высокие демократические основы жизни этих государств. Которые несли якобы свет демократии, свободы и благополучия. Так вот, этот бумеранг сейчас возвращается к ним» [15].

В 2022 г. миграционный кризис сократился, большая часть ближневосточных мигрантов по программе добровольного возвращения покинула Беларусь. С 18 ноября по 20 декабря 2021 г. состоялось 9 вывозных рейсов, на которых в Ирак вернулись 3,5 тыс. человек [16, с. 18]. Часть мигрантов получили статус беженца или дополнительную защиту в Республике Беларусь. К январю 2022 г. в центре «Брузги» оставалось 750 человек, все еще ожидавших гуманитарного коридора в Германию.

В целях противодействия незаконной миграции в Республике Беларусь была проделана значительная законодательная и правоприменительная работа: сформировано миграционное законодательство, подписано Соглашение о сотрудничестве стран СНГ по борьбе с незаконной миграцией, установлена уголовная ответственность за ее организацию.

Только согласованный подход правоохранительных органов и органов государственного управления, тесное взаимодействие компетентных органов страны с международными организациями и соседними странами могут обеспечить положительные результаты в вопросах управления миграцией, в том числе в противодействии незаконной миграции.

Традиционные конфессии Республики Беларусь, очевидно, сделали все от них зависящее в вопросе миграционного кризиса. Представители религий (совместно с руководством Беларуси, благотворительными организациями и др.) помогали беженцам пережить многие месяцы ожидания пропуска в Германию по организованному европейскими властями гуманитарному коридору, собирая благотворительные грузы из вещей первой необходимости и продуктов питания. Кроме того, руководители ведущих религий Беларуси приняли обращение к европолитикам и верующим в связи с миграционным кризисом, призывая помочь беженцам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Эйсмонт рассказала подробности переговоров Лукашенко и Меркель // Sputnik. Беларусь. – 18.11.2021. – URL: <https://sputnik.by/20211118/eysmont-es-dolzhen-sozdat-gumanitarnyy-koridor-dlya-2-tysyach-bezhentsev-1058063386.html> (дата обращения: 07.02.2025).

2. Для беженцев в ТЛЦ создан достаточный запас продовольствия и необходимых вещей // БЕЛТА. – 20.12.2021. – URL: <https://belta.by/society/view/dlja-bezhentsev-v-tlts-sozdan-dostatochnyj-zapas-prodovolstvija-i-neobhodimyh-veschej-475668-2021/> (дата обращения: 24.02.2025).

3. Президент: встреча Беларуси, ЕС и ООН по вопросу беженцев – фантастика // Sputnik. Беларусь. – 26.11.2021. – URL: <https://sputnik.by/20211126/prezident-vstrecha-belarusi-es-i-onn-po-voprosu-bezhentsev--fantastika-1058275812.html> (дата обращения: 08.02.2025).

4. А воз и ныне там: Лукашенко рассказал о разговорах с Меркель о беженцах // Sputnik. Беларусь. – 26.11.2021. – URL: <https://sputnik.by/20211126/a-voz-i-nyne-tam-lukashenko-rasskazal-o-razgovorakh-s-merkel-o-bezhentsakh-1058275595.html> (дата обращения: 06.02.2025).

5. Главы ведущих конфессий Беларуси приняли обращение к европолитикам и верующим в связи с миграционным кризисом на границе // БЕЛТА. – 12.11.2021. – URL: <https://belta.by/society/view/glavy-veduschih-konfessij-belarusi-prinjali-obraschenie-k-evropolitikam-i-verujuschim-v-svjazi-s-469313-2021/> (дата обращения: 06.02.2025).

6. Игуменья Гавриила о помощи беженцам: каждый человек должен заботиться о ближних // БЕЛТА. – 03.01.2022. – URL: <https://belta.by/society/view/igumenja-gavriila-o-pomoschi-bezhentsam-kazhdyj-chelovek-dolzhen-zabotitsja-o-blizhnih-477832-2022/> (дата обращения: 06.02.2025).

7. Игуменья Гавриила о ситуации с беженцами: все мы люди и должны помогать друг другу // БЕЛТА. – 06.12.2021. – URL: <https://belta.by/society/view/igumenja-gavriila-o-situatsii-s-bezhentsami-vse-my-ljudi-i-dolznyi-pomogat-drug-drugu-473362-2021/> (дата обращения: 28.02.2025).

8. Митрополит Вениамин: белорусы оказывают помощь беженцам, но важно разрешить саму проблему // БЕЛТА. – 24.11.2021. – URL: <https://belta.by/society/view/mitropolit-veniamin-belorusy-okazyvajut-pomosch-bezhentsam-no-vazhno-razreshit-samu-problemu-471302-2021/> (дата обращения: 15.02.2025).

9. Папа Франциск выразил боль в связи с ситуацией с мигрантами в Беларуси // Sputnik. Беларусь. – 28.11.2021. – URL: <https://sputnik.by/20211128/papa-frantsisk-vyrazil-bol-v-svyazi-s-situatsiey-s-migrantami-v-belarusi-1058312121.html> (дата обращения: 06.02.2025).

10. Глава Римско-католической церкви в Беларуси: костел продолжит оказывать помощь беженцам на границе // БЕЛТА. – 05.12.2021. – URL: <https://belta.by/society/view/glava-rimsko-katolicheskoy-tserkvi-kostel-prodolzhit-okazyvat-pomosch-bezhentsam-na-granitse-473248-2021/> (дата обращения: 18.02.2025).

11. Представитель Ватикана в Беларуси: католический костел молится о разрешении чрезвычайной ситуации с беженцами // БЕЛТА. – 12.12.2021. – URL: <https://belta.by/society/view/predstavitel-vatikana-v-belarusi-katolicheskij-kostel-molitsja-o-razreshenii-chrezvychajnoj-situatsii-469276-2021/> (дата обращения: 26.02.2025).

12. В костелах Беларуси собирают средства для помощи беженцам на границе // БЕЛТА. – 14.11.2021. – URL: <https://belta.by/society/view/v-kostelah-belarusi-sobirajut-sredstva-dlja-pomoschi-bezhentsam-na-granitse-469484-2021/> (дата обращения: 19.02.2025).

13. Владимир, В. Папа поможет мигрантам на границе Польши и Беларуси / В. Владимир // Vatican News. – 18.01.2022. – URL: <https://www.vaticannews.va/ru/world/news/2022-01/papa-pomozhet-migrantam-na-granice-polshi-i-belarusi.html> (дата обращения: 06.01.2025).

14. Владимир, В. Папа пожертвовал 50000 евро мигрантам на границе Беларуси и Литвы / В. Владимир // Vatican News. – 13.02.2022. – URL: <https://www.vaticannews.va/ru/world/news/2022-02/papa-pozhertvoval-50000-evro-migrantam-na-granice-belarusi-i-lit.html> (дата обращения: 06.01.2025).

15. «Этот бумеранг сейчас возвращается к ним». Что сказал муфтий Мусульманского объединения Беларуси о беженцах? // СТБ. – 11.11.2021. – URL: <https://ctv.by/news/obshchestvo/etot-bumerang-sejchas-vozvrashaetsya-k-nim-chto-skazal-muftij-musulmanskogo-obuedineniya-belarusi-o-bezhencah> (дата обращения: 08.02.2025).

16. Габарта, А. Польско-белорусский пограничный конфликт в зеркале аналитики / А. Габарта // Вишеградская Европа. – 2021. – № 3. – С. 14–24.

РАЗДЕЛ III ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ БЕЛОРУССКОЙ ДИПЛОМАТИИ

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: НОВЫЙ ВИД ДОГОВОРЕННОСТЕЙ

И. П. Кабанов

*Евразийская экономическая комиссия,
Смоленский б-р, 3/5, стр. 1, 119121, г. Москва, Россия, i.p.kabanov@gmail.com*

Статья посвящена анализу изменения международной переговорной повестки в связи с развитием цифровизации экономики стран. Устанавливается последовательность расширения переговорной повестки торговых соглашений, включая проводимый процесс переговоров по заключению Соглашения о торговых аспектах электронной торговли на площадке ВТО и формирования нового типа договоренностей, а именно Соглашений о цифровой экономике. Устанавливается, что охват торговых соглашений проходит этап трансформации от «материальной» к «цифровой» торговле.

Ключевые слова: ВТО; соглашения о цифровой экономике; торговые соглашения; цифровая экономика; цифровизация; электронная торговля.

DIGITALIZATION IN THE SPHERE OF INTERNATIONAL RELATIONS: A NEW TYPE OF AGREEMENT

I. Kabanov

*Eurasian Economic Commission,
3/5, build. 1, Smolensky Boulevard, Moscow 119121, Russia, i.p.kabanov@gmail.com*

The article is devoted to the analysis of changes in the international negotiating agenda in connection with the development of digitalization of the economies of countries. The sequence of expansion of the negotiating agenda of trade agreements is established, including the ongoing process of negotiations on the conclusion of the Agreement on Trade Aspects of Electronic Commerce on the WTO fora and the formation of a new type of agreement, namely the Agreements on the Digital Economy. It is established that the scope of trade agreements is undergoing a stage of transformation from “material” to “digital” trade.

Keywords: WTO; agreements on the digital economy; trade agreements; digital economy; digitalization; electronic commerce

В настоящее время мировая экономика, в том числе ввиду последствий пандемии вируса *COVID-19*, вошла в наиболее интенсивный этап внедрения цифровых технологий практически во всех своих секторах и сегментах, что подтверждается статистическими данными по крупнейшим компаниям и корпорациям. В 2000 г. первые 10 мест в списке веду-

щих корпораций *Forbes* занимали компании в сфере финансов и страхования, нефте- и газодобычи, а также энергетики [1], только две цифровые компании *Apple* и *Windows* занимали 47 и 50 место соответственно. По состоянию на 2016 г. энергетические компании покинули топ-10, а на их место пришли новые финансовые и одна цифровая компания (*Apple Inc.*) [2]. В 2024 г. в топ-10 уже входят 3 цифровых компании, а именно *Amazon*, *Microsoft* и *Alphabet* (компания учредитель для *Google Inc.*) [3]. А в топ-50, без учета производителей микроэлектроники и цифровой техники, входят еще 4 цифровые компании: *Apple*, *Meta*, *Tencent*, *Alibaba*.

Такое изменение состава лидирующих компаний за последние 25 лет свидетельствует о факте изменения источника добавленной стоимости в мировой экономике. И если раньше такая добавленная стоимость генерировалась в энергетических и производственных секторах, то в настоящее время основными ее источниками являются цифровые компании, и в особенности компании, занятые в работе с данными, включая персональные.

В 2023 г. объем розничных продаж в электронной торговле во всем мире составил 4,1 трлн дол. США. По имеющимся прогнозам, ожидается, что доходы от электронной торговли в 2027 г. составят около 8 трлн дол. США [4]. И как результат того, что цифровые технологии активно проникают во все сектора экономики, в соглашения о свободной торговле или о торгово-экономическом сотрудничестве, начали включать положения регулирующие вопросы электронной торговли. И охват таких положений постоянно увеличивается с целью наиболее эффективного решения вопросов цифровизации торговли, которые выходят далеко за рамки просто содействия торговле через электронные торговые площадки.

Впервые полноценный раздел, регулирующий вопросы электронной торговли, появился в Соглашении о свободной торговле между Республикой Сингапур и Содружеством Австралии [5] в 2003 г. Впоследствии в число международных договоров в сфере торговли или торгово-экономических отношений, которые содержат в себе положения, регулирующие вопросы электронной торговли, только увеличилось.

Так, по состоянию на июнь 2019 г. уже 84 международных торговых соглашения включали в себя в положения по вопросам электронной торговли, как в виде отдельного раздела, так и в виде специализированных статей.

В 2022 г. уже 116 региональных торговых соглашений содержали в себе положения, регулирующие электронную торговлю, что составляет около 33 % от всех международных соглашений такого типа. В целом после 2000 г. 44 % соглашений о свободной торговле или о торгово-экономическом сотрудничестве содержат в себе положения по электронной торговле.

Основными вопросами, которые охватываются в таких соглашениях, являются: защита персональных данных, включая вопросы локализации данных, защита прав потребителя, вопросы ограничения незапрашиваемых

мых рекламных электронных соглашений, отказ от применения таможенных пошлин в рамках электронных передач, применения электронных (цифровых) подписей, условия развития национального регулирования сделок в электронной форме, трансграничной передачи информации, применения различных международных стандартов в различных сферах цифровизации, применения режима наибольшего благоприятствования и национального режима в отношении цифровых товаров, доступ к открытым данным [6].

Формирование комплекса международных договоренностей, выходящих за пределы Марракешского соглашения об учреждении Всемирной торговой организации (далее – ВТО), и отсутствие какого-либо конкретного регулирования на площадке ВТО привело к старту работы по формированию специализированного Соглашения ВТО по торговым аспектам электронной торговли (далее – Соглашение ВТО по электронной торговле).

На момент начала переговоров по вышеуказанному Соглашению фактически существовала только одна норма права ВТО, регулирующая вопросы, связанные с цифровизацией, а именно мораторий на взимание таможенных пошлин с электронных передач, установленный в 1998 г. Данный мораторий имел статус временного, который предполагалось продлевать на каждой министерской конференции ВТО. В рамках первых трех Министерских конференций продление происходило почти автоматически без дополнительного обсуждения со стороны членов ВТО. Однако со временем некоторые страны–участницы ВТО стали высказывать все большую обеспокоенность из-за выпадения доходов от невзимания пошлин с электронных передач, особенно после бума трансграничных поставок товаров/услуг в рамках электронной торговли во время пандемии коронавируса *COVID-19*.

Необходимо отметить, что в самом моратории отсутствует определение понятия «электронные транзакции». Изначально при подготовке моратория члены ВТО основывались на том, что основным объектом электронных передач являются различные электронные сообщения, взимать таможенные пошлины с которых крайне сложно и нецелесообразно по причине отсутствия полноценного аналога в материальной форме систем контроля за передачей интернет-трафика и затруднительностью определения факта пересечения таможенной границы.

Таким образом, на 11-й Министерской конференции ВТО было объявлено о наличии инициативы 70 членов ВТО начать переговоры по вопросам электронной торговли. К группе присоединились еще шесть стран, и в январе 2019 г. члены ВТО начали многосторонние переговоры. Необходимо отметить, что мандат на официальные переговоры для заключения обязательного Соглашения ВТО данной инициативной группой не был получен в связи отрицательной позицией ряда развивающихся стран.

Основным опасением данной группы, в которую входили в том числе Индия, Индонезия и ЮАР, стало то, что данное Соглашение может привести

к дальнейшим негативным искажениям во внешней торговле. Так в 2019 г. ЮНКТАД опубликовала исследование, согласно которому потенциальные потери бюджета от недополученных таможенных платежей в отношении «цифровых товаров» для наименее развитых и развивающихся стран, оценивались в размере около 14 млрд дол. США, а бюджета развитых стран – около 300 млн дол. США [7]. Дальнейшие исследования, проведенные на площадке ВТО, оценили влияние моратория на потери бюджета – в среднем от 0,01 % до 0,33 % от общего объема государственных доходов развивающихся стран.

Официально задекларированной целью переговоров по Соглашению ВТО об электронной торговле ВТО должно стать создание общей торговой и правовой среды в рамках электронной торговли, учитывая, что такая деятельность носит трансграничный характер и в рамках одной сделки могут применяться правила 3 юрисдикций одновременно.

Основными переговорными темами стали:

- мораторий ВТО на взимание таможенных пошлин с электронных передач (определение понятия «электронная передача», полная отмена или наоборот закрепление моратория как постоянно действующей нормы);
- защита прав потребителя (предоставления потребителям, приобретающим товары в рамках электронной торговли, прав эквивалентных правам потребителя, приобретающего аналогичные товары в рамках традиционной торговли);
- защита персональных данных (применение требований по локализации и недискриминационное применение законодательства о защите персональных данных);
- доступ к открытым данным (обеспечения свободного доступа иностранных компаний к «открытым» данным уполномоченных органов, детализации и частотности их обновления);
- доступ в интернет (гарантии свободного доступа в Интернет для физических и юридических лиц);
- исходный код (запрет требований по предоставлению исходного кода программного обеспечения, как условия выхода на рынок);
- требование раскрытия алгоритмов торговых площадок (возможность введения требований по раскрытию алгоритмов ранжирования поисковой выдачи электронных торговых площадок);
- доступ и использование интерактивных компьютерных услуг (необходимость формирования требования для поставщиков данных услуг предоставлять доступ пользователям из других стран на недискриминационных условиях);
- доступ на рынок услуг (либерализация доступа для услуг, предоставляемых в электронном виде);
- упрощение трансграничной электронной торговли (применение ЭЦП, электронных контрактов, электронных товаросопроводительных документов, снижение порогов беспошлинного ввоза для товаров электронной торговли);

– цифровые товары (применение режима наибольшего благоприятствования и национального режима, критерии их происхождения).

В настоящее время работа над текстом завершена, и он направлен для прохождения процедур внутригосударственного согласования в страны–участницы ВТО [8].

Необходимо обратить внимание, что, как и развитие двусторонних соглашений о свободной торговле, так и переговоры на площадке ВТО для некоторых развивающихся и развитых стран стали недостаточными для развития цифровизации экономики.

С 2020 г. в мировой практике для регулирования вопросов цифровой и электронной торговли формируются отдельные специальные отраслевые соглашения с исключением этих вопросов из преференциальных торговых соглашений. Статьи 24 ГАТТ и 6 ГАТС не являются основанием для разработки данных соглашений, т. е. такие специализированные соглашения не являются преференциальными.

Среди уже заключенных соглашений такого типа можно выделить следующие:

– соглашение о партнерстве в области цифровой экономики между Сингапуром, Новой Зеландией, Чили и Южной Кореей (*Digital Economy Partnership Agreement*): соглашение подписано 12 июня 2020 г. и по сути является первым в своем роде соглашением, устанавливающим новые подходы к регулированию и сотрудничеству в вопросах цифровой торговли и решающим проблемы, возникающие в процессе «цифровой трансформации»; данный международный договор подписан в целях содействия непрерывной цифровой торговле, обеспечения надежных потоков данных, укрепления доверия к цифровым системам и расширения возможности для участия в цифровой экономике;

– соглашение о цифровой экономике между Австралией и Сингапуром (*Australia-Singapore Digital Economy Agreement* [9]), подписанное 6 августа 2020 г., расширяет существующие договоренности о цифровой торговле между Сингапуром и Австралией, заменяя собой соответствующий раздел по электронной торговле двустороннего Соглашения о свободной торговле;

– соглашение о цифровой экономике между Великобританией и Сингапуром (*Digital Economy Agreement* [10]), подписанное 25 февраля 2022 г.: аналогично специализированному соглашению между Австралией и Сингапуром, расширяет соглашения, установленные в рамках соответствующего Соглашения о свободной торговле между странами, заменяя ранее действующие нормы по вопросам электронной торговли;

– соглашение о цифровом партнерстве между Республикой Корея и Европейским союзом (*Republic of Korea – European Union Digital Partnership* [11]), подписанное 28 ноября 2022 г.: основанием для заключения данного Соглашения являлась необходимость развития отдельных положений Рамочного соглашения о сотрудничестве, а также усиление взаимодействия в сфере науки и технологии.

Основными компонентами таких специализированных соглашений являются следующими:

- упрощение цифровой торговли (развитие безбумажной торговли; цифровизация логистики; применение цифровых технологий для таможенного декларирования; совершение платежей);
- цифровая идентификация и аутентификация (ЭЦП и способы электронной аутентификации; цифровая идентификация участников внешнеторговой сделки);
- цифровые товары;
- оборот данных (персональные данные; передача коммерческой информации; требования по локализации данных; доступ к открытым данным);
- обеспечение кибербезопасности;
- защита прав и интересов участников цифровой торговли (защита прав потребителей в Интернете; регулирование незапрашиваемых некоммерческих электронных сообщений; обеспечение/распространение доступа в Интернет);
- перспективные цифровые технологии в торговле (сотрудничество в области финансовых технологий; искусственного интеллекта и т. д.);
- поддержка малого и среднего предпринимательства.

Данные типы Соглашений гораздо шире по своему охвату и позволяют странам продвигать подходы в сфере цифровизации торговли на внешнем контуре, а также сократить финансовые издержки на осуществление ВЭД до 20 %, а временные издержки – на несколько порядков. В частности, по оценке Европейской Комиссии подготовка электронного комплекта документов занимает около 30 минут и оформляется в течении 2 часов, в то время как подготовка бумажного пакета документов для ВЭД занимает около 8 часов, а срок оформления может занимать до двух недель [12].

На основании вышеизложенного можно отметить, что цифровизация торговой повестки является уже свершившимся фактом и охват соответствующих договоренностей будет расширяться и углубляться по мере того, как цифровые компании будут занимать все более главенствующую роль в экономика стран своего резидентства. Очевидно, что ключевыми направлениями в ближайшей перспективе станут вопросы оборота данных, регулирования «рыночной силы» электронных торговых площадок, доступа на рынок цифровых товаров и применения технологий искусственного интеллекта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. The World's Largest Companies 2000 // Forbes. – URL: <https://www.forbes.com/sites/2000/the-worlds-largest-companies-2000/> (date of access: 27.03.2025).
2. The World's Largest Companies 2016 // Forbes. – URL: <https://www.forbes.com/sites/2016/the-worlds-largest-companies-2016/> (date of access: 27.03.2025).
3. The World's Largest Companies 2024 // Forbes. – URL: <https://www.forbes.com/global2000/list/> (date of access: 27.03.2025).

4. Global retail e-commerce sale worldwide from 2014 to 2027 // Statista. – URL: <https://www.statista.com/statistics/379046/worldwide-retail-e-commerce-sales/> (date of access: 27.03.2025).
5. Weber, R. The expansion of e-commerce in Asia-Pacific trade agreements / R. Weber // International center for trade and sustainable development. – URL: <https://www.ictsd.org/opinion/the-expansion-of-e-commerce-in-asia-pacific-trade-agreements> (date of access: 27.03.2025).
6. Key issues in Digital Trade // Organisation for Economic Co-operation and Development. – URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/01/key-issues-in-digital-trade-review_5a91f9a0/b2a9c4b1-en.pdf (date of access: 27.03.2025).
7. Growing Trade in Electronic transmissions: Implication for the South // UNCTAD. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ser-rp-2019d1_en.pdf (date of access: 27.03.2025).
8. Joint statement initiative on Electronic commerce // WTO. – URL: <https://www.meti.go.jp/press/2024/07/20240726002/20240726002-1.pdf> (date of access: 27.03.2025).
9. Digital economic partnership agreement // Ministry of trade and industry of Singapore. – URL: <https://www.mti.gov.sg/Trade/Digital-Economy-Agreements/The-Digital-Economy-Partnership-Agreement> (date of access: 27.03.2025).
10. UK-Singapore Digital Economy Agreement // GOV.UK. – URL: <https://www.gov.uk/government/collections/uk-singapore-digital-economy-agreement> (date of access: 27.03.2025)ю
11. EU – ROK Digital partnership // European Comission. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_24_1708 (date of access: 27.03.2025)
12. Towards paperless transport within the EU and across its borders // EU4Digital. – URL: https://eufordigital.eu/wp-content/uploads/2020/01/executive_summary1_reading.pdf (date of access: 27.03.2025).

КОММУНИКАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В ПРОДВИЖЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО БРЕНДА

Т. Д. Рабец

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости 4, 220030, г. Минск, Беларусь, rabetstd@bsu.by*

В статье описываются особенности создания культурного бренда как эффективного инструмента формирования национального самосознания белорусского народа и средства продвижения положительного имиджа Республики Беларусь в международном пространстве. Раскрываются принципы, основные направления и составляющие коммуникационной политики в продвижении культурного бренда. Устанавливается, что коммуникационная политика – это сложный процесс, требующий комплексного подхода, направленного на разработку четкой коммуникационной стратегии, креативное информирование целевой аудитории о ценностях национального культурного бренда и выбор наиболее эффективных и разнообразных каналов его продвижения. Успех продвижения зависит от умения создавать уникальный образ культурного бренда, транслировать его ценности и выстраивать эмоциональную связь с целевой аудиторией. Эффективная коммуникационная политика способствует формированию сильного и узнаваемого национального культурного бренда, который повышает конкурентоспособность страны, привлекает инвестиции и укрепляет национальную идентичность.

Ключевые слова: культурный код; национальный культурный бренд; национальное самосознание; коммуникационная политика; имидж Республики Беларусь; продвижение.

COMMUNICATION POLICY IN PROMOTING THE NATIONAL CULTURAL BRAND

T. Rabets

*Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, rabetstd@bsu.by*

The article describes the features of creating a cultural brand as an effective tool for shaping the national identity of the Belarusian people and a means of promoting a positive image of the Republic of Belarus in the international space. The principles, main directions and components of the communication policy in promoting the cultural brand are revealed. It is established that the communication policy is a complex process that requires an integrated approach aimed at developing a clear communication strategy, creatively informing the target audience about the values of the national cultural brand and choosing the most effective and diverse channels for its promotion. The success of promotion depends on the ability to create a unique image of the cultural brand, convey its values and build an emotional connection with the target audience. An effective communication policy contributes to the formation of a strong and recognizable national cultural brand, which increases the competitiveness of the country, attracts investment and strengthens national identity.

Keywords: cultural code; national cultural brand; national identity; communication policy; image of the Republic of Belarus; promotion.

В ситуации мировой социально-экономической и политической нестабильности в белорусском обществе также происходят немалые изменения, в связи с которыми идеи духовного возрождения, укрепления национального самосознания становятся наиболее актуальными и своевременными. Национальное самосознание формируется на основе выработки чувства солидарности и комплиментарности в результате создания благоприятных условий для положительного восприятия народом своей истории, направлений и перспектив развития страны, понимания собственной принадлежности к определенной национальной общности и сопричастности к общему историческому процессу, а также приобщения к культурным ценностям и святыням народа, которые выступают в качестве национальных культурных кодов, являющихся инструментом сохранения и передачи традиций этноса и формирования национальной идентичности. Основным носителем культурных кодов является культурный бренд – «сложившийся на основе знаковых культурно-исторических событий комплекс вербальных, визуальных и др. компонентов (музыки, литературы, изобразительного искусства, театра, архитектуры, достопримечательностей, художественных шедевров и т. д.), позволяющих идентифицировать принадлежность культурного объекта к определенной территории» [1, с. 179].

В качестве культурных брендов могут выступать как официальные символы и атрибуты государства (флаг, герб, гимн, орнамент и т. д.), так и неофициальные (памятники архитектуры, культурно-хозяйственные объекты, уникальные природные ресурсы). Это также могут быть славные события, проходившие на территории, народные, спортивные и культурные праздники, старинные легенды, мифы об общих предках, товары народного потребления, сувениры и др. Информация для формирования национальных культурных брендов может быть связана и с людьми, проживающими в данной стране, их деятельностью, или с этнокультурными ценностями определенного региона страны. Например, уникальным культурным событием страны стала масштабная площадка «Национальные культурные бренды Беларуси» в Александрии, на которой в 2019 г. было представлено сразу пять популярных проектов: фестиваль народного творчества, народных промыслов и ремесел «Дрибинские торжки», праздник средневековой культуры «Рыцарский фэст» (Мстиславль), фестиваль-праздник любительских театров «Тэатральныя вечарыны», международный фестиваль фольклора «Мотальскія прысмакі» (г. Иваново), республиканский фестиваль «Аўцюкі».

Культурный бренд, обладая уникальным набором ассоциаций и ценностей, создает своеобразную платформу для диалога культур, обмена опытом и укрепления дружбы народов. Успешные культурные бренды всегда вызывают интерес и уважение к определенной стране, стимулируя как развитие международного туризма, так и укрепление деловых связей между государствами. Однако несмотря на положительный опыт использования культурных брендов в качестве инструмента популяризации националь-

ной культуры, на сегодняшний день становится очевидным, что помимо хорошо продуманной программы мероприятий, направленных на создание культурного бренда, необходимы четкое позиционирование и отлаженная стратегия его донесения до целевой аудитории. Другими словами, нужны крупномасштабные эффективные рекламные и *PR*-кампании, направленные на разработку комплексной коммуникативной стратегии культурного бренда, обеспечение постоянного его присутствия и трансляцию в информационном пространстве не только в региональном, но и мировом масштабе. При тщательном планировании и продвижении они будут содействовать росту финансовых средств, активизации бизнеса, увеличению потока туристов и формированию положительного имиджа государства в целом [2, с. 248]. Таким образом, учитывая высокий статус национальных культурных брендов в стратегическом планировании процесса укрепления имиджа Беларуси, вопросы изучения специфики их создания и продвижения должны стать во главе угла культурной политики государства.

Создание и продвижение национального культурного бренда – это достаточно сложный и многогранный процесс, который требует системного подхода и интеграции усилий различных слоев общества, при этом взаимодействие всех заинтересованных лиц (государственных органов, коммерческих и некоммерческих организаций и представителей различных отраслей культуры и др.) должно быть подчинено единой стратегической цели государства, направленной на создание и продвижение положительного имиджа Республики Беларусь. Четкая координация всех действий и партнерство позволяют создать синергетический эффект и повысить эффективность коммуникационной политики.

Исследование культурных брендов началось примерно с середины 1960-х гг. в контексте изучения массовой культуры и медиа. Например, в ряде трудов Э. Кассирера по теории символов, изданных в 1946–1957 гг., была заложена основа для анализа символического значения брендов. В дальнейшем с середины 1980-х гг. в связи с усилением интереса к процессам глобализации и локализации брендов возникла необходимость исследования влияния брендов на формирование социальной и культурной идентичности. Выход фундаментальных трудов Д. Аакера и др. экспертов в 1980-е гг. стал важным этапом в систематизации знаний о культурном бренде.

В Беларуси изучением специфики создания и продвижения белорусских культурных брендов, особенностей реализации культурной политики и брендинга в сфере культуры занимались как академические исследователи (например, Т. Руткевич, А. Петров, Н. Седлецкая, И. Костевич, Д. Левковец, С. Богдан, С. Тихомирова, А. Якубович, Т. Рубцова, В. Анисимов и др.), так и практики из сферы маркетинга и культурного менеджмента. Белорусские культурные фонды и учреждения культуры также активно участвуют в разработке и продвижении уникальных культурных проектов, направленных на популяризацию белорусской культуры как на республиканском, так и на международном уровне. Учитывая рост инте-

реса к культурному наследию Беларуси, исследование особенностей продвижения национальных культурных брендов по-прежнему остается актуальным и требует дальнейшего продолжения.

Ключевым инструментом в арсенале создателей культурных брендов становится коммуникационная политика. Она призвана не просто информировать целевую аудиторию о культурном объекте, а создавать с ней глубокую эмоциональную связь, формировать уникальный образ и транслировать ценности бренда. Коммуникационная политика при продвижении национального культурного бренда – это комплекс спланированных действий, направленных на информирование целевой аудитории о ценностях и уникальности культурного объекта или события, повышение узнаваемости бренда и продвижение его в международном пространстве. В данном случае креативность играет решающую роль в привлечении внимания к культурному бренду. Нестандартные решения, оригинальные идеи и инновационные подходы позволяют заинтересовать аудиторию и выделиться из огромного количества подобных предложений. Важно помнить, что креатив должен быть не только эффектным, но и эффективным, т. е. соответствовать целям коммуникационной политики и ценностям бренда.

Кроме того, успешное создание и продвижение национального культурного бренда требует четкого понимания стратегии продвижения, глубокого анализа коммуникативного пространства и умения адаптироваться к меняющимся условиям жизни. В свою очередь, эффективная коммуникационная стратегия предполагает комплексный подход, включающий в себя глубокий анализ целевой аудитории, выбор релевантных каналов коммуникации и разработку убедительного сообщения о бренде. Для успешного создания и внедрения коммуникационной политики в процесс продвижения культурного бренда необходимо получить максимально конкретные знания о потенциальной целевой аудитории и о желаниях потребителя. Чтобы бренд вызывал доверие и резонировал с мировоззрением целевой аудитории, очень важно учитывать культурные особенности и ценности потребителей. Не менее важным моментом является и сам процесс позиционирования бренда. Культурный бренд должен четко заявить о своей идентичности, подчеркнуть свою уникальность и отличие от подобных себе брендов. Это достигается посредством создания яркого визуального образа, разработки запоминающегося слогана и трансляции ценностей, близких целевой аудитории.

Следующим не менее важным шагом в продвижении национального культурного бренда является выбор канала коммуникации. Необходимо выбирать те из них, которые наиболее эффективно охватывают целевую аудиторию и соответствуют имиджу бренда. При продвижении культурного бренда используются разнообразные инструменты: СМИ, медиа-ресурсы, социальные сети, культурные мероприятия, образовательные программы, туризм и др. В эпоху цифровых технологий интернет и социальные медиа предоставляют широкие возможности для распростране-

ния информации, привлечения внимания к национальному культурному наследию и вовлечения аудитории в интерактивное взаимодействие. Создание привлекательного и содержательного контента, который отражает богатство белорусской культуры, может вызывать эмоциональный отклик у широкой аудитории, в том числе и притягивать внимание международной общественности. Для культурных брендов особое значение приобретает сторителлинг (*storytelling*). Рассказывание историй позволяет создавать эмоциональную связь с потребителем, передавать ценности бренда и таким образом сформировать лояльность аудитории. Истории могут быть основаны на реальных событиях, мифах, легендах или вымышленных сюжетах, но главное – чтобы они были захватывающими, аутентичными и резонировали с интересами целевой аудитории. Ключевым моментом является определение уникальных особенностей белорусской культуры. Это может быть богатая фольклорная традиция, праздничная культура, искусство, литература, музыка, театр, кухня и др. При этом нельзя забывать про важность адаптации сообщения и формата контента к различным культурным контекстам, учитывая языковые, социальные и религиозные особенности целевой аудитории.

Важным аспектом коммуникационной политики является развитие культурного туризма, который позволяет иностранным туристам непосредственно познакомиться с белорусской культурой и традициями. Организация всевозможных фестивалей, выставок, экскурсионных туров, концертов и других культурных мероприятий, демонстрирующих богатство и разнообразие национальной культуры, всегда вызывает повышенный интерес у туристов и тем самым будет способствовать популяризации национального бренда. В данном аспекте поддержка культурных инициатив снизу в плане организации региональными творческими коллективами и отдельными артистами различных культурных мероприятий позволит обеспечить разнообразие культурных предложений. Не менее важно создание условий для развития народных промыслов и ремесел. Поддержка мастеров, которые работают в традиционных техниках, поможет сохранить аутентичность белорусской культуры и создать уникальные сувениры для туристов. Организация мастер-классов и выставок народного творчества может стать дополнительным фактором привлечения туристов и содействовать популяризации белорусской культуры.

Нельзя также забывать про развитие инфраструктуры, которая играет огромное значение для продвижения национального культурного бренда. Строительство и реконструкция музеев, театров, концертных залов и других культурных объектов позволит улучшить условия для проведения культурных мероприятий и повысить привлекательность страны для туристов.

Кроме того, в последние годы возрастает роль культурных инициатив диаспоры по организации совместных проектов с белорусскими учреждениями культуры. Поддержка контактов с белорусской диаспорой, которая становится важным амбассадором национального бренда за гра-

ницей, содействует укреплению дружбы и партнерских отношений с другими странами.

В связи с тем, что культурный бренд не является статичным образованием, с течением времени он постоянно развивается и изменяется, отражая эволюцию культуры и общества в целом, для оценки эффективности коммуникационной политики необходимо постоянно отслеживать общие тенденции развития общества, проводить мониторинг общественного мнения, анализировать охват, вовлеченность и обратную связь с целевой аудиторией. Это позволит своевременно корректировать стратегию и тактику продвижения национального культурного бренда в зависимости от социально-экономических и политических изменений в стране и на международной арене.

Таким образом, можно отметить, что коммуникационная политика при продвижении национального культурного бренда должна стать своего рода «симфонией», где каждый инструмент играет свою роль в создании гармоничного и запоминающегося образа национального бренда. Она включает в себя несколько этапов: 1) анализ коммуникативного пространства и целевой аудитории; 2) выбор каналов коммуникации; 3) разработку сообщений; 4) определение тональности стиля общения; 5) описание возможных реакций на события в коммуникативном пространстве, в котором функционирует данный культурный бренд, и оценка эффективности мероприятий, направленных на его продвижение.

Коммуникационная политика в продвижении культурного бренда – это сложный процесс, требующий глубокого понимания аудитории, разработку четкой коммуникационной стратегии, использования разнообразных каналов продвижения и активное взаимодействие с целевой аудиторией. Независимо от того, какие средства и инструменты продвижения будут выбраны в каждой конкретной ситуации при реализации любого культурного проекта, необходимо понимать, что все они должны быть направлены на создание позитивного имиджа Республики Беларусь, подчеркивание ее гостеприимности, безопасности и культурного разнообразия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Рабец, Т. Д. Культурный бренд как форма репрезентации национальной культуры Беларуси в межкультурном пространстве / Т. Д. Рабец // Актуальные проблемы гуманитарного образования : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22–23 октября 2021 г. / редкол.: О. А. Воробьева (гл. ред.) и др. – Минск, 2021. – С. 177–182.
2. Рабец, Т. Д. Социокультурные события как инструмент продвижения бренда территории / Т. Д. Рабец // Культура Беларуси: реалии современности: сб. науч. ст. X Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 7 октября 2021 г. / редкол.: Н. В. Карчевская (гл. ред.) и др. – Минск, 2021. – С. 244–248.

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА В ФОРМИРОВАНИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В. Э. Коноплев

*Институт пограничной службы Республики Беларусь,
ул. Славинского, 4, 220103, г. Минск, Беларусь, vladikmad31@gmail.com*

В условиях обострения геополитической обстановки информационное пространство становится ключевым инструментом влияния на общественное мнение и внешнеполитический имидж государств. Данное исследование анализирует механизмы трансформации информационного пространства Республики Беларусь, включая активное использование информационных войн и манипулятивных технологий, направленных на дискредитацию государственных институтов. Рассматриваются основные стратегии внешних акторов, включая распространение ангажированных нарративов, манипуляцию фактами и институциональную поддержку альтернативных информационных ресурсов. В работе предлагаются направления государственной стратегии по защите национального информационного пространства, включающие развитие цифровой дипломатии, мониторинг информационных угроз, а также повышение медиаграмотности населения. Выводы исследования подчеркивают необходимость комплексного подхода к управлению информационным пространством для минимизации внешнего влияния и формирования устойчивого положительного имиджа Беларуси на международной арене.

Ключевые слова: информационное пространство; цифровая дипломатия; общественное мнение; фейк-ньюс; информационные войны; внешнеполитический имидж; дезинформация; СМИ.

THE ROLE OF INFORMATION SPACE IN SHAPING FOREIGN POLICY IMAGE OF THE REPUBLIC OF BELARUS

V. Konoplev

*Institute of Border Service of the Republic of Belarus,
4 Slavinskogo Street, Minsk 220103, Belarus, vladikmad31@gmail.com*

In the context of aggravation of the geopolitical situation, the information space becomes a key tool for influencing public opinion and foreign policy image of states. This study analyses the mechanisms of transformation of the information space of the Republic of Belarus, including the active use of information wars and manipulative technologies aimed at discrediting state institutions. The main strategies of external actors are examined, including the dissemination of biased narratives, manipulation of facts and institutional support of alternative information resources. The paper proposes directions for a state strategy to protect the national information space, including the development of digital diplomacy, monitoring of information threats, and increasing media literacy of the population. The conclusions of the study highlight the need for a comprehensive approach to information space management in order to minimise external influence and build a sustainable positive image of Belarus in the international arena.

Keywords: Information space; digital diplomacy; public opinion; fake news; information wars; foreign policy image; disinformation; mass media.

Введение. Информационные ресурсы и социальные сети стремительно занимают доминирующее положение в процессе доведения до общества актуальной информации о событиях, происходящих как внутри государства, так и за рубежом. В случаях, когда общество не обладает необходимыми знаниями или опытом о происходящем, оно становится особенно зависимым от средств массовой информации, которые их формируют. Информационное пространство позволяет сформировать актуальную социально-политическую повестку и в последующем сфокусировать общественные интересы на конкретных темах, что позволяет ограничить спектр точек зрения, лежащих в основе общественного дискурса. Данное явление активно используется оппонентами белорусского государства на международной арене в попытках сформировать негативный внешнеполитический имидж в рамках реализации собственных политических стратегий и интересов.

В первую очередь стоит дать определение понятию информационного пространства и понять, чем указанный термин отличается от медиапространства. В данном контексте стоит обратиться к работе В. А. Евдокимова «Информационное и медиапространство: соотношение понятий», в которой четко определены различия между двумя понятиями. В конечном итоге автор статьи делает вывод, что информационное пространство представляет собой неупорядоченную среду обмена информацией, включая в себя всевозможные источники данных (*прим. – в т. ч. информационные ресурсы и социальные сети*) в отличие от медиапространства, которое ограничивается традиционными СМИ и является организованной частью информационного пространства [1, с. 50].

С учетом вышеизложенного можно сделать ряд выводов. В современном обществе информация потребляется из разнородных источников, зачастую фрагментировано и ситуативно. В свою очередь информационные ресурсы не подвержены жесткому контролю и самостоятельно определяют необходимую повестку. Также стоит отметить возрастающую роль социальных сетей, постепенно вытесняющих традиционные СМИ.

Данные выводы коррелируют с аналитическими материалами, опубликованными на ресурсе «DataReportal». На основании материалов «Digital 2025: Belarus» следует отметить, что уровень покрытия интернета в стране достигает отметки в 91,5 %, одновременно охват аудитории социальных сетей составляет 70,5 % [2]. Большая часть населения Беларуси использует социальные сети в качестве источника информации. Аналогичная ситуация складывается в других развитых странах с высоким уровнем цифровизации. Распространение интернета кардинальным образом изменило модель потребления информации и информирования общественности.

Указанные факторы оказывают прямое воздействие на формирование общественного мнения, которое выступает механизмом обратной связи и обеспечивает необходимый уровень общественной поддержки государственных инициатив. Также оно определяет восприятие поли-

тических и социально-экономических процессов, повышает или снижает уровень доверия к институтам власти и принимаемым ими решениям. В контексте данного исследования общественное мнение населения в первую очередь западных государств может оказать решающую роль в установлении добрососедских отношений и как следствие повышения привлекательности страны на международной арене.

Здесь стоит упомянуть о таком понятии как информационные войны. Согласно исследованиям А. В. Манойло, российского политолога, сформулировавшего термин «информационное противоборство», данный процесс направлен на формирование определенного восприятия и поведения у целевой аудитории, что позволяет достигать поставленных целей без применения военной силы [3]. Фактически речь идет о формировании «необходимого общественного мнения» для достижения собственных интересов. Однако сам А. В. Манойло неоднократно подчеркивал, что информационная среда является инструментом для достижения целей и в большей степени понятие «информационное противоборство» используется сотрудниками спецслужб, а не журналистами или иными гражданскими институтами, осуществляющими деятельность в информационном пространстве. Исходя из указанного можно сделать вывод, что формирование общественного мнения является составной частью информационных войн и ориентировано на широкие слои населения, а не на конкретные объекты информационного пространства.

Информационное пространство становится инструментом в современных информационных войнах, с помощью которого оппоненты фокусируют мнение населения собственных стран на актуальной политической повестке в публичном поле для повышения уровня доверия к органам государственной власти и политическим решениям идущих вразрез с интересами собственного населения.

Информационная среда и международный имидж Беларуси. Как было отмечено ранее информационное пространство представляет собой сложный и многогранный феномен, в рамках которого задействованы не только государственные, но и иные акторы, включая крупные медиакорпорации, социальные сети и отдельные влиятельные личности (*прим. – инфлюенсеры*). Влияние информационного пространства на имидж Республики Беларусь на международной арене проявляется в форме стратегического воздействия на мнение населения, направленного на формирования определенного восприятия страны как внутри, так и за ее пределами. Здесь следует выделить основные механизмы информационного воздействия.

Создание и распространение целевых нарративов. Данный механизм заключается в целенаправленном формировании устойчивых смысловых конструкций в международных информационных ресурсах, а также социальных сетях, блогах, видеохостингах. Целью нарративов является закрепление в сознании общественности негативного восприятия политики белорусского государства. В качестве примера можно при-

вести меры, принятые по упрощению процедуры въезда на территорию Республики Беларусь. Жест доброй воли, предпринятый белорусскими властями, непрерывно сопровождался публикациями в информационном пространстве сопредельных государств о «вербовке» белорусскими спецслужбами граждан, пользующихся безвизовым режимом.

Манипуляции фактами и контекстом. Работа данного механизма заключается в представлении информации «вырванной» из контекста, с акцентом на определенных аспектах политической и социальной жизни страны. Данный механизм отчетливо прослеживается на экстремистских ресурсах. В основе приема лежит рерайт новости опубликованной на государственных информационных ресурсах с добавлением «экспертного мнения» и фокусом на негатив. В случаях если новость имеет позитивный окрас, решения белорусских политиков и иных должностных лиц освещаются как «вынужденные» в ответ на давление извне или собственно-го населения. В данный раздел также можно отнести такое явление как «Fake News». Данный термин представляет собой разновидность информационной манипуляции, характеризующуюся умышленным формированием и распространением недостоверных сведений, выдаваемых за объективную информацию.

Использование информационных ресурсов для вирусного распространения информации. Оппоненты активно используют видеохостинги и социальные сети для распространения целенаправленно интерпретированных материалов. Следует отметить, что данный механизм в большей степени реализуется опосредованно через третьих лиц. Например, реклама в социальных сетях с требованиями провести в Беларуси «свободные выборы». Очевидно, что данная реклама инициируется и поддерживается информационными ресурсами сопредельных государств с целью нативного внедрения нарратива о справедливости санкционных мер и ограничений в ответ на несоблюдение демократических принципов руководством белорусского государства. Однако делается это от лица т. н. «беглых», что создает иллюзию высокой степени общественного недоверия к государственным институтам. В результате в международном информационном пространстве искусственно формируется представление о политической нестабильности внутри страны.

Поддержка и институционализация альтернативных информационных источников. Политические элиты западных государств, включая США и страны Европейского союза, осуществляют прямую и опосредованную поддержку информационных ресурсов, позиционируемых как независимые. Деятельность подобных ресурсов направлена на дестабилизацию внутреннего информационного ландшафта Беларуси, что способствует эскалации социально-политической обстановки и формированию альтернативной повестки, соответствующей интересам внешних политических акторов.

Также стоит упомянуть геополитический контекст противостояния в информационном пространстве. Попытки переформатировать обще-

ственное мнение населения Беларуси необходимо рассматривать в более широком геополитическом контексте, где информационные войны являются частью стратегической конкуренции между государствами. Основными внешнеполитическими акторами, использующими указанные механизмы информационного воздействия, являются сопредельные с Республикой Беларусь страны, заинтересованные в перераспределении регионального влияния. Международные политические институты также используют информационные рычаги для формирования санкционной политики и дипломатического давления на Беларусь. В сложившихся условиях Республика Беларусь вынуждена адаптировать свою информационную стратегию, акцентируя внимание на защите национальных интересов в информационном пространстве, развитии национальных информационных ресурсов и усилении аналитической работы по выявлению и нейтрализации деструктивных информационных поводов. Формирование устойчивой системы информационной безопасности, включающей мониторинг внешних информационных угроз, стратегическую коммуникацию и цифровую дипломатию, является приоритетным направлением государственной политики в условиях нарастающего информационного противостояния.

Стратегия Беларуси по противодействию угрозам в информационном пространстве. Следует полагать, что в настоящее время в Беларуси необходимо сформировать и унифицировать для органов государственного управления комплексную стратегию по защите информационного пространства основанную на принципах суверенитета, устойчивости и адаптивности. Целью данной стратегии станет минимизация внешнего вмешательства в национальное информационное пространство, формирование устойчивого общественного мнения по поддержке и увеличению доверия к действующей власти со стороны общества Беларуси, а также за рубежом. В конечном итоге, стратегии будет способствовать формированию положительного имиджа Беларуси на международной арене. Среди основных направлений белорусской стратегии по защите информационного пространства можно выделить следующие понятия.

Единая система мониторинга и анализа информационного пространства.

В настоящее время органы государственного управления осуществляют мониторинг информационного пространства в соответствии с собственными накопленными знаниями и опытом. Зачастую это происходит в условиях отсутствия национального программного обеспечения, что в некоторых случаях не позволяет своевременно выявлять деструктивные материалы, а также проследить между ними взаимосвязь. Дальнейшее развитие национальных информационных ресурсов, в т. ч. аффилированных с государственной повесткой, позволит на более глубоком уровне продвигать актуальную повестку в обществе, не только реагировать, но и взаимодействовать с населением как внутри страны, так и за ее пределами.

Развитие цифровой дипломатии. Эффективная интеграция цифровых инструментов в дипломатическую практику позволит не только обеспечить трансляцию объективной информации о внутренней социально-политической ситуации, но и повысить уровень вовлеченности зарубежной аудитории в процессы восприятия и оценки внешнеполитического курса страны.

Повышение информационной грамотности населения Беларуси требует внедрения в образовательный процесс программ, направленных на формирование критического восприятия информации.

Развитие сотрудничества в сфере медиа коммуникаций в рамках Союзного Государства. С учетом объективных факторов, включая различие в масштабах информационных ресурсов и уровне их международного влияния, информационная инфраструктура Беларуси в настоящее время обладает ограниченным потенциалом по сравнению с информационным пространством Российской Федерации. Однако интеграция в союзное информационное пространство и использование ресурсов союзного медиахолдинга позволит Беларуси расширить целевую аудиторию, повысить уровень представленности в международном медиапространстве и укрепить позиции в информационном поле западных стран.

Таким образом, формирование устойчивого общественного мнения в информационном пространстве играет ключевую роль в укреплении положительного имиджа Беларуси на международной арене. Комплексный подход, ориентированный на адаптивность к новым вызовам, позволит не только минимизировать негативное внешнее влияние, но и усилить позиции Беларуси в международном пространстве, обеспечивая формирование объективного и устойчивого имиджа государства на глобальной арене.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Евдокимов, В. А. Информационное и медиапространство: соотношение понятий / В. А. Евдокимов // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2018. – № 4 (34). – С. 47–52.
2. Digital 2025: Belarus // DataReportal. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-belarus> (дата обращения: 08.03.2025).
3. Манойло, А. В. Информационные войны и психологические операции / А. В. Манойло // Российский центр изучения общественного мнения. – URL: https://www.rcoit.ru/upload/iblock/f6e/ГВВ_3_2019 (дата обращения: 08.03.2025).

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ БЕЛАРУСИ

В. Е. Аль Али

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, viktoriapuzatko@gmail.com*

Цифровизация влияет на все сферы жизни человечества, в том числе и на дипломатические отношения, точнее на форматы коммуникации. Появилось понятие «цифровая дипломатия», которая дает новые возможности осуществления государственной международной политики и выдвигает особые требования к ее участникам, что обуславливает актуальность исследования социальных сетей в контексте международных отношений. Использование дипломатами социальных сетей в современных условиях имеет ряд преимуществ. Они помогают формировать имидж страны, быстро и эффективно доносить информацию, анализировать последствия определенных событий. Среди недостатков отмечается анонимность пользователей, хакерские атаки, утечка информации. В статье проанализированы профили Министерства иностранных дел Республики Беларусь в различных соцсетях. Сделан вывод о том, что ведомство эффективно использует социальные медиа для продвижения своей деятельности и информирования широкой общественности о ключевых направлениях внешней политики государства.

Ключевые слова: социальные медиа; социальные сети; цифровая дипломатия; МИД Беларуси; цифровизация дипломатических отношений; твитпломатия; информационное общество.

THE ROLE OF SOCIAL NETWORKS IN MODERN DIPLOMACY OF BELARUS

V. Al Ali

*Academy of Public Administration
under the aegis of the President of the Republic of Belarus,
17 Moskovskaya Street, Minsk 220007, Belarus, viktoriapuzatko@gmail.com*

Digitalization affects all spheres of human life, including diplomatic relations, more precisely the formats of communication. The concept of “digital diplomacy” has emerged, which provides new opportunities for the implementation of public international policy and puts forward special requirements for its participants, which determines the relevance of the study of social networks in the context of international relations. The use of social networks by diplomats in modern conditions has a number of advantages. They help to form the image of the country, quickly and effectively convey information and analyze the consequences of certain events. Among the disadvantages, anonymity of users, hacker attacks, information leakage are noted. The article analyzes the profiles of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus in different social networks. It is concluded that the Ministry effectively uses social media to promote its activities and inform the general public about the key directions of the state's foreign policy.

Keywords: social media; social networks; digital diplomacy; Belarusian Foreign Ministry; digitalization of diplomatic relations; tweetplomacy; information society.

Глобальная информатизация и цифровизация затронули все сферы жизни современного человека, в том числе повлияли на трансформацию социальных отношений, что не могло не отразиться на мировых дипломатических отношениях.

В 1994 г. появилось такое явление, как цифровая дипломатия, когда премьер-министр Швеции К. Бильдт отправил электронное письмо дипломатического характера. Это стало одним из ранних примеров использования цифровых технологий в дипломатической практике [1]. Однако более широкое распространение явление получило в начале 2000-х гг. с активным развитием социальных медиаплатформ, которые стали новым пространством для взаимодействия между государствами и общественностью.

Единого общепринятого определения данному термину нет. Наиболее полной можно считать формулировку в «Новом дипломатическом словаре» Дипломатической академии МИД России: «использование возможностей Интернета и информационно-коммуникационных технологий для решения дипломатических и внешнеполитических задач посредством работы с социальными сетями, блогами, новыми медиа и другими медиаплощадками, а также разговорными ботами и системами искусственного интеллекта» [2].

Дипломатия, которая ранее была относительно «закрытой» сферой деятельности, благодаря развитию «информационных технологий» становится все более открытой для обычных граждан. Официальное присутствие в Интернете, в том числе и в мировых социальных сетях государственных дипломатических ведомств отмечено соответствующими «страницами» на данных площадках, которые есть практически у всех министерств иностранных дел развитых стран, в том числе и у белорусского МИДа. Данная форма «цифровой дипломатии» дает не только новые возможности осуществления государственной международной политики, но и выдвигает особые требования к ее участникам, что обуславливают актуальность исследования социальных сетей в контексте международных отношений, а также определения эффективности использования социальных сетей МИДом Республики Беларусь.

Социальные сети являются предметом исследований многих зарубежных и российских ученых. Свои работы данной теме посвятили Д. С. Гвоздилов [3], Е. Г. Ефимов [4], И. А. Небыков [5], А. В. Колесниченко и М. И. Давлетшина [6], Н. В. Опанасенко [7], Р. Соломонофф, С. Берковиц, С. Боргэtti, Р. Берт, К. Карли, К. Фостер [8–10] и др. Среди белорусских ученых, которые исследовали социальные медиа, стоит отметить Д. Д. Кармызову [11], Ю. М. Мигалю [12], А. М. Бельского [13], А. И. Гордейчика [14], В. А. Степанова [15] и др.

Известный американский социолог Джеймс Барнс первым предложил термин «социальная сеть» в 1954 г. Ученый подразумевал под данным словосочетанием тот факт, что индивид может поддерживать связь со 150 людьми одновременно: «в социологии под социальной сетью понимают социальную структуру, состоящую из множества агентов (инди-

видуальных или коллективных) и определенного на нем множества отношений (совокупности связей между агентами)» [16].

Далее, с развитием технического прогресса и появлением интернета, были созданы новые информационно-коммуникационные технологии, которые стали творением интерактивной системы проектирования *Web 2.0* [17]. Основоположник системы Тим О'Райли впервые рассказал о концепции в 2005 г., однако первый прототип социальной сети появился еще в 1995 г. в США и назывался *Classmates.com*. Также в числе новаторов называют *MySpace*, *LinkedIn* и *Facebook*, которые появились в начале 2000-х гг. На постсоветском пространстве социальные сети становятся популярными, начиная с 2006 г., когда появились русские аналоги *odnoklassniki.ru* и *vkontakte.com*. Так, со временем появились мобильные аналоги сервисов – приложения, а также стали появляться новые варианты приложений. Поэтому сейчас под термином «социальная сеть» подразумевают приложение или интернет-сервис для коммуникации с людьми и создания контента.

Сегодня социальные сети выполняют несколько функций. Во-первых, информационную: на интернет-площадках пользователи обмениваются информацией как личного (персональные данные, успехи и достижения, фотографии), так и новостного, познавательного, обучающего характера. Во-вторых, используя социальные сети, люди коммуницируют друг с другом, устанавливая дружеские, деловые и другие контакты. Третья функция – развлекательная: в современных социальных сетях можно смотреть фильмы, ток-шоу, слушать музыку и аудиокниги, играть в игры.

Ряд ученых сосредоточились на изучении социальных сетей в контексте дипломатии. М. Люфкенс считается пионером в данной области, он предложил термин «Твитпломатия», который описывает использование социальной сети *Twitter* (сейчас – *X*) в дипломатических целях [18]. Одни считают, что данный вид цифровой дипломатии помогает устранению барьеров между политиками и способствует обмену идеями, другие полагают, что цифровая дипломатия способна уничтожить взаимоотношения между странами из-за разного рода публикаций. Ситуация такого рода произошла в 2012 г., когда посол Великобритании в Чили Джон Бенджамин разместил твит, в котором высмеял поступок Аргентины о возвращении в свой состав Фолклендских островов. В ответ последовала реакция – Аргентина и Чили чуть не разорвали дипломатические отношения с Великобританией.

Р. Холтон, С. Боргэтти и Р. Берт работали над теоретическими концепциями и методами анализа сетевых структур, применимых к пониманию дипломатических сетей [19]. Кроме того, Р. С. Селезенев исследовал роль социальных сетей и их влияние на политические процессы в контексте современной мировой политики, что имеет прямое отношение к дипломатическим взаимодействиям [20].

Использование дипломатами социальных сетей в современных условиях имеет ряд преимуществ. Первое – это стирание физических границ.

Соцсети могут помочь сформировать имидж страны: познакомить иностранных граждан с культурой, актуальной информацией и внутренним устройством страны. Второе преимущество – это скорость: посредством мобильных интернет-ресурсов можно быстро и эффективно общаться. Цифровые технологии чрезвычайно полезны для сбора и обработки информации о дипломатической деятельности, а также для быстрой связи в чрезвычайных ситуациях. Третье преимущество – соцсети позволяют правительствам анализировать возможные последствия определенных событий в разных странах мира и влияние данных событий. Кроме того, соцсети являются финансово не затратным инструментом. Четвертое – регистрация на всех платформах бесплатная. Несмотря на ряд преимуществ есть и недостатки: анонимность пользователей, хакерские атаки, учет информации.

Беларусь наряду с другими странами внедряет цифровизацию в разных сферах жизни, в том числе и в дипломатических отношениях. На сайте Министерства иностранных дел Беларуси размещен список посольств, представительств и дипломатических миссий в других государствах со ссылками на сайты и соцсети [21]. Так, в *X* присутствуют 46 из 58 представительств, в *Facebook* – 38, в *Instagram* – 14, *YouTube* – 17. Кроме того, Посольство Беларуси в Китае представлено в китайской соцсети *Weibo*, Посольство Беларуси в Японии – в *Telegram*, а Посольство Беларуси в Российской Федерации – в *Telegram* и *VK*. При этом официальные профили Министерства иностранных дел Беларуси есть в *X*, *Facebook*, *Instagram*, *YouTube*, *VK* и *TikTok*. Такое многообразие платформ позволяет охватить различные группы населения, включая молодежь, которая предпочитает более динамичные форматы общения.

В *X* у ведомства две страницы с 2011 г.: одна на русском, вторая на английском. У последней почти в два раза больше подписчиков: 47,3 тыс. читателей. Это самое большое количество подписчиков на профили Министерства иностранных дел Республики Беларусь. При этом наименьшее количество в *VK* – 773 подписчика. Однако стоит иметь ввиду, что аккаунт был создан 16 марта 2022 г. Заметим, что в других соцсетях информация публикуется обычно на двух языках, что способствует привлечению русскоговорящей и зарубежной аудитории.

Для привлечения новых подписчиков МИД организует конкурсы, обязательным условием которых является подписка на их аккаунты в упомянутых социальных сетях, что способствует увеличению охватов аудитории и повышению узнаваемости страницы среди целевой аудитории.

Эффективность использования социальных сетей зависит не только от частоты публикаций, но и от качества контента, способности создавать интересный и важный для аудитории материал. Сложная информация преподносится доступным языком, а также используются разные форматы подачи: видео, фото, текст, инфографика.

На страницах Министерства иностранных дел можно найти информацию о различных международных событиях, визитах, конференциях

и других важных аспектах внешней политики страны. Например, в материалах отмечается обсуждение председательства Беларуси в ЕАЭС, совместных шагов по укреплению сотрудничества ЕАЭС – ООН и перспектив возобновления глобального диалога по актуальным вопросам. Также важно отметить, что содержание публикаций разнообразно: от исторических материалов о становлении современной дипломатической службы до текущих новостей и событий.

Кроме того, МИД Беларуси активно использует социальные сети для продвижения памятных проектов, таких как онлайн-проект «Мы помним», где публикуется информация о местах памяти и героических событиях Второй мировой войны в разных странах. Также посредством данных каналов могут быть представлены актуальные вопросы двусторонних отношений с другими государствами, включая обсуждение торгово-экономических связей и политического сотрудничества. Таким образом, МИД Беларуси эффективно использует социальные сети для продвижения своей деятельности и информирования широкой общественности о ключевых направлениях внешней политики государства.

Недавно появившийся формат взаимодействия между обществом и дипломатическими ведомствами делает современную дипломатию чрезмерно публичной. В данных обстоятельствах очень важно, не упуская информационной инициативы и применяя новые современные средства коммуникации с их специфическим стилем общения, не допускать падения уровня политической культуры. Для эффективного использования дипломатами социальных сетей необходимо обучение навыкам создания качественного контента и взаимодействия с аудиторией, пониманию этических норм поведения в интернете, основам информационной безопасности. В условиях усиления информационных угроз важно развивать систему мониторинга социальных сетей, которая позволит своевременно выявлять и противодействовать попыткам дискредитации страны. Это требует создания специализированных подразделений, оснащенных современными технологическими средствами анализа данных.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Синчук, Ю. В. Цифровая дипломатия как инструмент внешней политики / Ю. В. Синчук, Б. Е. Власов, А. Е. Огурцов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2022. – № 4 (849). – С. 52–61.
2. Цифровая дипломатия // «Новый дипломатический словарь» Дипломатической академии МИД России. – URL: <http://diplomaticdictionary.com/dictionary/%D1%86%Do%B8%D1%84%D1%80%Do%BE%Do%B2%Do%Bo%D1%8F-%Do%B4%Do%B8%Do%BF%Do%BB%Do%BE%Do%BC%Do%Bo%D1%82%Do%B8%D1%8F/> (дата обращения: 02.03.2025).
3. Гвоздики, Д. С. Онлайн–сети и развитие сетевых взаимодействий / Д. С. Гвоздики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2015. – № 2. – С. 100–107.
4. Ефимов, Е. Г. Блогосфера как пространство киберсоциализации / Е. Г. Ефимов // Homo Cyberus: электрон. научно–публицист. журнал. – 2016. – № 1. – URL: http://journal.homocyberus.ru/efimov_e_blogosfera_kak_prostranstvo_kbs (дата обращения: 02.03.2025).

5. Небыков, И. А. Блоги как вид социальных интернет-сетей (социальные аспекты) / И. А. Небыков, Е. Г. Ефимов // *Logos et Praxis*. – 2012. – № 2. – С. 119–124.
6. Колесниченко, А. В. Освещение выборов в Московскую городскую Думу–2019 в социальных медиа / А. В. Колесниченко, М. И. Давлетшина // *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. – 2020. – Вып. 4. – URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2020/4/osveshchenie-vyborov-v-moskovskuyu-gorodskuyu-dumu-2019-v-sotsialnykh-media/> (дата обращения: 02.03.2025).
7. Опанасенко, Н. В. Сетевой подход в исследованиях политических коммуникаций / Н. В. Опанасенко // *Вестник РУДН. Серия: Политология*. – 2013. – № 4. – С. 128–136.
8. Qualman, E. *Socialnomics: How Social Media Transforms the Way We Live and Do Business* / E. Qualman. – 2nd Edition. – Hoboken, New Jersey : Wiley, 2012. – 316 p.
9. Newman, M. *Networks: An Introduction* / M. Newman. – Oxford University Press, 2010. – 784 p.
10. Воронкин, А. С. Социальные сети: эволюция, структура, анализ / А. С. Воронкин // *Образовательные технологии и общество*. – 2014. – № 1. – С. 650–674.
11. Кармызова, Д. Д. Интернет-ресурсы как основной источник получения информации среди молодежи Беларуси / Д. Д. Кармызова // *Информационное общество и духовная культура молодежи : материалы междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 1 декабря 2023 г. / ВГУ им. П. М. Машерова*. – Витебск, 2023. – С. 266–268.
12. Мигаль, Ю. М. Социальные медиа как инструмент белорусской веб-журналистики в условиях конвергенции (на материале газет регионального холдинга «Мінская праўда») / Ю. М. Мигаль // *Электронная библиотека БГУ*. – URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/244633> (дата обращения: 02.03.2025).
13. Бельский, А. М. Медиапрактики современной белорусской молодежи в пространстве социальных сетей и мессенджеров (по материалам социологических исследований) / А. М. Бельский // *Современная молодежь и общество : сб. науч. ст.* – 2024. – № 12. – С. 5–12.
14. Гордейчик, А. И. Методические рекомендации по организации идеологической работы в условиях открытого информационного общества: практическое руководство / А. И. Гордейчик [и др.] ; Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2021. – 140 с.
15. Степанов, В. А. Социальные медиа : учеб.–метод. пособие / В. А. Степанов. – Минск : БГУ, 2020. – 115 с.
16. Мельникова, М. С. Понятие «социальная сеть» в социологических теориях и интернет-практиках / М. С. Мельникова, И. П. Яковлев // *Вестн. С.-Петербург. гос. ун-та. Сер. 9, Филология, востоковедение, журналистика*. – 2014. – № 1. – С. 254–257.
17. Иванько, А. Ф. Социальные сети, как элемент информационных технологий / А. Ф. Иванько, М. А. Иванько, Е. К. Лихтина // *Науч. обозрение. Фундам. и прикл. исслед.* – 2020. – № 1. – URL: <https://scientificreview.ru/ru/article/view?id=77> (дата обращения: 02.03.2025).
18. Торреальба, А. А. Твитпломатия: влияние социальной сети Твиттер на дипломатию / А. А. Торреальба // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. – 2015. – № 3. – С. 152–166.
19. Арапов, И. А. Социальные сети как инструмент публичной дипломатии США / И. А. Арапов // *Диалог культур в современном мире: новые выявления в эпоху цифровой цивилизации : материалы VII Всерос. молодежной науч.-практич. конф. Нальчик, 29–30 октября 2020 г.* – Нальчик, 2021. – С. 183–187.
20. Селезнев, Р. С. Социальные сети в контексте мировой политики: актор или инструмент? / Р. С. Селезнев // *Международные отношения*. – 2016. – № 3. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68168 (дата обращения: 02.03.2025).
21. Министерство иностранных дел Беларуси в социальных сетях // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – URL: <https://mfa.gov.by/press/socialmedia/> (дата обращения: 02.03.2025).

ПРОДВИЖЕНИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ИМИДЖА СНГ НА МИРОВОЙ АРЕНЕ

А. С. Миксюк

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, miksiukas@bsu.by*

Статья посвящена анализу имиджа Содружества Независимых Государств (СНГ) и его продвижению на мировой арене. На основе анализа содержания официальных документов СНГ устанавливается, что отсутствует системная работа по формированию имиджа организации, упоминания вопросов имиджа (преимущественно в Концепциях председательства государств-участников) носят общий характер. Указывается на неопределенный и противоречивый имидж СНГ в глазах мировой общественности. Определяются факторы продвижения положительного имиджа СНГ: опора на фундаментальные цели и принципы организации, активная информационная политика, расширение сотрудничества с внешними партнерами.

Ключевые слова: имидж международной организации; интеграция; продвижение имиджа; международная межправительственная организация; Республика Беларусь; СНГ.

PROMOTING A POSITIVE IMAGE OF THE CIS ON THE GLOBAL STAGE

A. Miksiuk

*Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, miksiukas@bsu.by*

The article is devoted to the analysis of the image of the Commonwealth of Independent States (CIS) and its promotion on the global stage. Based on the analysis of the content of official CIS documents, it is established that there is no systematic work on forming the organization's image; references to image-related issues (primarily in the Concepts of the Chairmanship of the Member States) are of a general nature. The uncertain and contradictory image of the CIS in the eyes of the world community is pointed out. The factors for promoting a positive image of the CIS are defined: reliance on the fundamental goals and principles of the organization, active information policy, and expanding cooperation with external partners.

Keywords: image of an international organization; integration; image promotion; international intergovernmental organization; Republic of Belarus; CIS.

Бесспорно, внешняя среда системы международных отношений задает определенные параметры поведения субъектов. На современном этапе особое влияние на внешнюю политику государств, деятельность международных организаций и иных акторов оказывают характеристики информационного общества. Благодаря развитию информационно-коммуникационных технологий и глубокой трансформации всей медиасферы распространение информации (как позитивной, так и негативной) не

имеет границ, что актуализирует потребность в управлении коммуникацией и, в частности, проблематику формирования позитивного имиджа как инструмента влияния на общественное мнение.

Имидж представляет собой целенаправленно формируемый образ, задающий в концентрированной форме «саму суть человека или организации» [1, с. 16], является одной из важных характеристик любого субъекта международных отношений и в некотором роде отражением его успешности или кризисного состояния. Позитивный имидж международной организации способен стать существенным подспорьем в ее деятельности: содействовать реализации задач, привлекать внешних партнеров и участников и др. Таким образом, имидж является одновременно и важным ресурсом, и результатом деятельности.

Большинство исследований имиджа в тематическом поле международных отношений, а также разнообразные имиджевые рейтинги посвящены индивидуальному имиджу политических деятелей или страновому имиджу. Между тем, имидж международных межправительственных организаций (МПО) обладает своими уникальными характеристиками: принципы деятельности, специфические черты институциональной структуры, охват участников, их репутация и формат взаимодействия внутри организации, общественное мнение (как в странах – участницах организации, так и на уровне всего мирового сообщества в целом) и др. Соответственно, формирование и продвижение положительного имиджа МПО также имеет свои особенности. При этом имидж может рассматриваться как двухсоставной конструкт, включающий как внутреннее восприятие организации ее участниками, так и внешнее видение организации международным сообществом.

В рамках данной статьи предметом исследования является имидж Содружества Независимых Государств (СНГ) и способы его продвижения на мировой арене.

Обращение к основным документам СНГ показывает, что имиджевые вопросы не нашли отражения в Уставе Содружества, Концепции дальнейшего развития СНГ и Плане основных мероприятий по ее реализации от 18 декабря 2020 г. Вместе с тем, формирование и продвижение положительного имиджа Содружества регулярно упоминается в контексте заседаний различных органов, экспертных групп, межмидовских консультаций. Кроме того, к этой тематике обращаются государства-участники при формулировании видения своего председательства. Так, президент Таджикистана Э. Рахмон, перечисляя приоритеты председательства страны в Содружестве в 2025 г., особо отметил продолжение в политическом измерении работы «по развитию положительного имиджа СНГ на мировой арене в качестве регионального объединения» [2].

Анализ Концепций председательства стран в Содружестве с 2009 г. [3] демонстрирует значительный интерес к вопросам внешнего позиционирования СНГ: 12 из 17 Концепций содержат упоминания об имидже в качестве цели, задачи, отдельного направления или хотя бы формального

обозначения, только в 5 документах упоминания полностью отсутствуют. Хотя государства-председатели, как правила, исходят из принципа преемственности, в имиджевых вопросах документы обнаруживают отсутствие единой терминологии из-за неразработанности данной тематики в основополагающих документах СНГ. Так, речь идет об «усилении международного позиционирования» (Концепция председательства Республики Таджикистан в СНГ в 2025 г.), «повышении имиджа на международной арене» (Концепция председательства Республики Таджикистан в СНГ в 2025 г., Концепция председательства Республики Беларусь в СНГ в 2021 г.), «укреплении положительного образа» (Концепция председательства Российской Федерации в СНГ в 2024 г.), «повышении авторитета как региональной межгосударственной организации» (Концепция председательства Республики Казахстан в СНГ в 2022 г.), «повышении международного авторитета СНГ, его позитивной роли в современных глобальных и региональных процессах» (Концепции председательства Туркменистана в СНГ в 2012 и 2019 гг.) и др.

Как правило, указанные документы в силу их общего характера не содержат конкретных мер по продвижению имиджа СНГ, эти меры также отсутствуют и в Планах мероприятий по реализации Концепций председательства. В связи с этим особый интерес представляет Концепция председательства Республики Беларусь в СНГ в 2013 г., в которой «повышение имиджа СНГ на международной арене и внутри Содружества» рассматривается в качестве важного фактора, способствующего «дальнейшему укреплению добрососедства в регионе» [4]. В свою очередь, План мероприятий по реализации Концепции председательства Республики Беларусь в СНГ в 2013 г. является единственным среди аналогичных рассмотренных документов, содержащим отдельный раздел, посвященный реализации указанного направления деятельности [5]. Данный раздел содержит перечень из пяти мероприятий, которые можно сгруппировать по трем тематическим блокам:

1) расширение практики использования символики СНГ и представление сувенирной продукции с символикой СНГ в исторических и культурных центрах, аэропортах и т. д.;

2) расширение практики выпуска информационно-презентационных материалов о проектах, существующих на пространстве СНГ;

3–5) проведение мероприятий, посвященных тематике Великой Отечественной войны, поддержка инициатив по патриотическому воспитанию и проведение консультаций по вопросам, связанным с социальной защитой участников и инвалидов Великой Отечественной войны.

Пункты 1 и 2 в данном перечне направлены на рост узнаваемости Содружества, повышение осведомленности о деятельности СНГ и его достижениях как внутри объединения, так и в целом в мире. Что касается мероприятий 3–5, бесспорно, важных самих по себе в контексте сохранения исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны и в контексте общего социокультурного опыта государств-участников Содруже-

ства, представляется, что они являются скорее отражением внутреннего запроса стран СНГ и не влияют напрямую на позиционирование организации на мировой арене.

Следует отметить, что СНГ ведет достаточно активную информационную политику, широко использует медиаресурсы для освещения своей деятельности, включая официальные сайты (сайт Исполнительного комитета СНГ, Интернет-портал СНГ), средства массовой информации, социальные сети. Одним из успешных информационных проектов СНГ является межгосударственная телерадиокомпания «Мир». С 2003 г. действует Ассоциация национальных информационных агентств государств-участников СНГ (АНИА). В 2020 г. было запущено мобильное приложение «Новости СНГ», призванное стать источником «оперативной и актуальной информации о деятельности органов СНГ и важных событиях в странах Содружества, размещаемой на официальном сайте Исполнительного комитета СНГ» [6].

Вместе с тем, по данным на 22 марта 2025 г., в *Google Play* было отмечено всего лишь 500+ скачиваний данного приложения. Аналогичным образом, СНГ достаточно слабо присутствует в социальных сетях: многие аккаунты неактивны, а в активных аккаунтах количество подписчиков невелико (например, телеграм-канал «Новости Исполкома СНГ», по данным на 22 марта 2025 г., имеет 909 подписчиков [7]). Сайты и аккаунты в социальных сетях ведутся на русском языке, отсутствуют, как минимум, англоязычные версии, важные для донесения информации до широкой общественности за рубежом. Таким образом, хотя деятельность Содружества получает достаточно широкое освещение, что чрезвычайно важно для формирования имиджа, не все возможные актуальные ресурсы задействованы.

В целом, имеются определенные сложности с оценкой имиджа Содружества: хотя вопросы имиджа могут напрямую не упоминаться в официальных документах СНГ, восприятие международной организации формируется, исходя из множества факторов.

Прежде всего, таким фактором являются цели и задачи МПО, ее миссия. В своей деятельности СНГ преследует мирные и созидательные цели развития «отношений дружбы, добрососедства, межнационального согласия, доверия, взаимопонимания и взаимовыгодного сотрудничества между государствами-членами» (ст. 1–2 Устава Содружества), а принципы деятельности организации исходят из общепризнанных норм международного права и Хельсинского Заключительного акта 1975 г. (ст. 3 Устава) [8]. Указанные цели и принципы косвенно способствуют формированию позитивного имиджа организации как группы государств, заинтересованных в развитии регионального сотрудничества.

Особенностью реализации целей и задач СНГ является принцип разноуровневой и разноскоростной интеграции, предусматривающий возможность сторон самостоятельно определять объем обязательств по каждому направлению сотрудничества, что «воспринимается в СНГ с по-

ниманием и уважением» (п. 1.2 Концепции дальнейшего развития СНГ от 18 декабря 2020 г.) [9]. В связи с этим СНГ представляется скорее платформой для политического диалога, что в некоторой степени расходится с целями и задачами, постулированными в уставных документах, а вектор реальной интеграции смещается в сторону других многосторонних институтов (к примеру, ЕАЭС). Кроме того, среди государств-участников Содружества по-прежнему сохраняется некоторый перевес в пользу развития двустороннего сотрудничества. И если участников СНГ в целом устраивают сложившиеся подходы и механизмы взаимодействия, то на уровне международного сообщества указанные обстоятельства приводят к восприятию СНГ как достаточно расплывчатого, аморфного и неэффективного объединения, что снижает интерес к его деятельности в целом. Так, ведущие мировые новостные порталы и информационные агентства (*BBC*, *CNN*, Синьхуа и др.) содержат относительно мало новостей о деятельности СНГ и освещают преимущественно события из жизни отдельных государств-участников организации.

Важным фактором имиджа МПО можно назвать охват участников и их репутацию. Широкий охват участников является отражением эффективности и значения международной организации, позволяет успешнее продвигать свои цели и делает ее более привлекательной для новых членов и партнеров. Фактор репутации участников может считаться наиболее субъективным, поскольку он зависит от сложившихся отношений между государствами, различных оценок, расстановки сил в мире и др. Отметим, что в настоящий момент данный фактор работает скорее не в пользу СНГ, поскольку одни участники покинули состав организации (Грузия, 2008 г.), другие приостановили или значительно сократили участие в ее деятельности (Украина – с 2014 г.; Республика Молдова – с 2022 г.). Однако, вместе с тем, интерес представляет учреждение в октябре 2023 г. статусов Наблюдателя при Содружестве и Партнера Содружества [10], а также разработка Положения о формате «Содружество Независимых Государств +», проект которого в настоящее время (февраль–март 2025 г.) находится в работе специальной экспертной группы [11]. Реализация данных форматов взаимодействия с внешними партнерами может в перспективе содействовать продвижению положительного имиджа СНГ на мировой арене.

Очевидно, что расширение международных связей с внешними партнерами (как с глобальными и региональными организациями, объединениями и инициативами, так и с отдельными странами) способно упрочить авторитет международной организации на мировой арене, поскольку не только демонстрирует вовлеченность в решение глобальных и региональных проблем, но и является инструментом интеграции в систему международных отношений, способом позиционирования себя в качестве самостоятельного субъекта мировой политики. СНГ развивает сотрудничество с ООН, ОБСЕ, ШОС, организациями постсоветского пространства и другими международными структурами. Статус наблюдателя при Генеральной Ассамблее ООН (с 1994 г.) является важным символом

признания важности Содружества как субъекта международных отношений и предоставляет возможности для выражения и отстаивания организацией своих интересов, а участие представителей СНГ в авторитетных международных форумах, конференциях и мероприятиях улучшает имидж и узнаваемость Содружества на глобальном уровне.

Таким образом, хотя формирование положительного имиджа СНГ как международной организации напрямую не упоминается в основных документах Содружества, а упоминания в Концепциях председательства носят скорее общий характер, мероприятия по укреплению авторитета, повышения узнаваемости и продвижения позитивного восприятия СНГ реализуются на практике в различных направлениях деятельности. В глазах мировой общественности СНГ имеет неопределенный имидж, связанный с субъективной оценкой деятельности стран-участниц, выходом или сокращением некоторыми странами участия в деятельности СНГ, расхождением между заявленными целями и реальным взаимодействием в формате разноскоростной интеграции, отсутствием системной работы по позиционированию международной организации на мировой арене.

Формирование и продвижение положительного имиджа должно носить постоянный и долгосрочный характер с опорой на фундаментальные цели и принципы организации и с учетом актуальных событий в мире. Наилучшим способом формирования позитивного имиджа, бесспорно, является эффективная деятельность и соблюдение норм международного права. Одновременно продвижение имиджа Содружества может быть связано с активизацией информационной политики и расширением взаимодействия с внешними партнерами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Почепцов, Г. Г. Имиджелогия / Г. Г. Почепцов. – М. : СмартБук, 2009. – 575 с.
2. Рахмон назвал приоритеты председательства Таджикистана в СНГ в 2025 году // БЕЛТА. – 08.10.2024. – URL: <https://belta.by/society/view/rahmon-nazval-prioritety-predsdatelstva-tadzhikistana-v-sng-v-2025-godu-666871-2024/> (дата обращения: 17.03.2025).
3. Председательство в СНГ // Интернет-портал СНГ. – URL: <https://e-cis.info/page/3485/> (дата обращения: 18.03.2025).
4. Концепция председательства Республики Беларусь в Содружестве Независимых Государств в 2013 году // Исполнительный комитет СНГ. – URL: <https://cis.minsk.by/page/19072/konceptcia-predsdatelstva-respubliki-belarus-v-sodruzestve-nezavisimyh-gosudarstv-v-2013-godu> (дата обращения: 18.03.2025).
5. План мероприятий по реализации Концепции председательства Республики Беларусь в Содружестве Независимых Государств в 2013 году // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – URL: <https://www.mfa.gov.by/upload/Plan.pdf> (дата обращения: 18.03.2025).
6. Выпущено обновление информационного приложения сайта Исполкома СНГ для мобильных устройств // Исполнительный комитет СНГ. – 24.02.2025. – URL: https://cis.minsk.by/news/18064/vypuscheno_obnovlenie_informacionnogo_prilozhenija_sajta_ispolkoma_sng_dlja_mobilnyh_ustrojstv (дата обращения: 22.03.2025).

7. Телеграм-канал «Новости Исполкома СНГ». – URL: <https://t.me/officialcisnews> (дата обращения: 22.03.2025).
8. Устав Содружества Независимых Государств (г. Минск, 22 января 1993 г.) // Исполнительный комитет СНГ. – URL: <https://cis.minsk.by/page/180/ustav-sodruzestva-nezavisimyh-gosudarstv-g-minsk-22-anvara-1993-goda> (дата обращения: 17.03.2025).
9. Решение Совета глав государств СНГ о Концепции дальнейшего развития Содружества Независимых Государств и Плана основных мероприятий по ее реализации от 18 декабря 2020 года // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. – URL: <http://cis.minsk.by/reestr2/doc/6363#text> (дата обращения: 17.03.2025).
10. Решение Совета глав государств СНГ о статусе Наблюдателя при Содружестве Независимых Государств и статусе Партнера Содружества Независимых Государств от 13 октября 2023 года // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. – URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/6838#text> (дата обращения: 17.03.2025).
11. В СНГ обсуждается инициатива об учреждении формата «Содружество Независимых Государств +» // Интернет-портал СНГ. – 20.02.2025. – URL: https://e-cis.info/news/564/125194/?sphrase_id=191969 (дата обращения: 17.03.2025).

РАЗДЕЛ IV

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

КОНЦЕПТ «ИММИГРАЦИОННЫЙ ВОПРОС» В АНАЛИЗЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИММИГРАЦИИ

К. Л. Снисаренко

*Центр политологии Института социологии НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 15, 220072, г. Минск, Беларусь, snisarenko@socio.bas-net.by*

Актуальность статьи связана с необходимостью разработки теоретического подхода для эффективного государственного управления иммиграцией. Растущие масштабы международной миграции привели к росту социально-политической напряженности в странах-реципиентах мигрантов. Решение проблемы государственного регулирования иммиграции столкнулось с несопоставимостью имеющихся научных знаний. Автор предлагает комплексное решение данного вопроса. Его социальная составляющая описывается концептом «иммиграционный вопрос». Анализ политической составляющей осуществляется на основе концепции политизации российского политолога М. В. Данилова. В оценке механизма принятия решений применяется неокорпоративистский подход. Применение такой последовательности научных приемов позволило автору дать развернутую характеристику политики ограничения иммиграции во Францию (1974–2006 гг.) и сформировать алгоритм эффективного государственного управления иммиграцией.

Ключевые слова: иммигранты; иммиграционный вопрос; культурная дистанция; международная миграция; неокорпоративистский подход; политизация; страна-реципиент.

THE CONCEPT “IMMIGRATION ISSUE” IN THE ANALYSIS OF STATE REGULATION OF IMMIGRATION

K. Snisarenko

*Center of Political Science, Institute of Sociology,
National Academy of Sciences of Belarus,
15 Surganova Street, Minsk 220072, Belarus, snisarenko@socio.bas-net.by*

The relevance of the article is associated with the need to develop a theoretical approach for effective state management of immigration. The growing scale of international migration has led to an increase in socio-political tensions in the recipient countries of migrants. The solution to the problem of state regulation of immigration faced the incomparability of existing scientific knowledge. The author offers a comprehensive solution to this issue. Its social component is described by the concept of “immigration issue”. The analysis of the political component is carried out on the basis of the concept of politicization of the Russian political scientist M. V. Danilov. A neo-corporatist approach is used in assessing the decision-making mechanism. The use of such a sequence of scientific techniques allowed the

author to give a detailed description of the policy of restricting immigration to France (1974–2006) and to form an algorithm for effective state management of immigration.

Keywords: immigrants, immigration issue, cultural distance, international migration, neo-corporatist approach, politicization, labor market, recipient country.

В Концепции миграционной политики Республики Беларусь на 2024–2028 гг. отмечено: «Вместе с тем результаты анализа миграционной ситуации в Республике Беларусь свидетельствуют о необходимости повышения эффективности государственного управления миграцией, обеспечения национальных интересов в данной сфере» [1, с. 4]. Целью данной работы является выработка теоретического подхода для обеспечения эффективного государственного управления иммиграцией.

Во второй половине XX – начале XXI вв. наблюдается рост международной миграции. Согласно оценке экспертов немецкого «Института экономики труда», общее количество международных мигрантов в мире увеличилось за это время почти в три раза [2, р. 16].

В основе вышеуказанного явления лежит ряд причин. Первой из них стало расширение круга государств, охваченных процессом международной миграции. В результате деколонизации подавляющее большинство стран Азии и Африки получили независимость. Спустя двадцать лет после завершения Второй мировой войны общая площадь колоний уменьшилась с 37 до 6 млн кв. км, а численность их населения – с 660 до 36 млн человек [3, с. 40]. Второй причиной стало то, что новые развивающиеся государства демонстрировали высокий прирост населения. По данным ООН, за 1950–2000 гг. количество жителей Азии и Африки выросло с 1 620 млн до 4 466 млн, в то время как Европы и Северной Америки – с 720 млн до 1 041 млн человек [4, с. 9]. К третьей причине можно отнести разницу между развитыми и развивающимися странами в уровне жизни населения. По оценке российского экономиста-международника В. А. Мельянцева: «хотя в 1980–2014 гг. развивающиеся страны сократили свой относительный разрыв в уровне подушевого ВВП от развитых государств в среднем на две пятых (их средний подушевой доход соответственно вырос с 15–16 % до 22–23 %), он все еще не превышает в целом четверти от последних» [5, с. 53].

Приведенные условия представляют собой комплекс основных выталкивающих (перенаселенность, бедность) и притягивающих (перспективы сокращения населения, высокий уровень жизни) факторов международной миграции. Они имеют преимущественно экономическую природу и определяют рамки отношений бедных государств мирового Юга с богатыми государствами мирового Севера.

В условиях, когда масштабы международной миграции приобрели глобальный характер, по мнению российских экономистов И. А. Алешковского и В. А. Ионцева, актуальной стала проблема управления межгосударственными территориальными перемещениями населения на международном, региональном и национальном уровнях [6, с. 77]. Осо-

бое внимание следует уделить последнему, так как рост интенсивности международной миграции привел к усилению конфликтности в отношениях между пришлым и коренным населением государств приема мигрантов. Так, российский историк Е. В. Хахалкина, оценивая отношение к иммигрантам в Великобритании, пришла к следующему выводу: «сложившаяся ситуация порождает в обществе спекуляции на тему роли иммигрантов в экономике страны и опасения в том, что они занимают рабочие места коренных британцев, соглашаясь на более низкую заработную плату» [7, с. 50]. Собранные политологом А. С. Бадаевой данные свидетельствуют о росте антииммигрантских настроений в странах Скандинавии [8, с. 81]. Повысилась популярность политических движений и партий, выступающих с антииммигрантскими лозунгами: «Альтернатива для Германии» (ФРГ); Датская Народная партия (Дания); «Золотая Заря» (Греция); «Истинные финны» (Финляндия); «Йоббик» (Венгрия); Лига Севера (Италия); «Национальное объединение» (Франция); Партия свободы (Австрия); Партия свободы (Нидерланды); «Шведские демократы» (Швеция).

Рост интереса к решению проблемы государственного регулирования иммиграции выявил несопоставимость имеющихся научных знаний. Миграционные процессы являются объектом изучения разных наук: демографии, экономики, социологии, политологии, истории и т. д. Как отмечал американский социолог Д. С. Мэссей: «специалисты по общественным наукам подходят к изучению миграции не с позиций общей парадигмы, а исходя из разных и конкурирующих друг с другом теоретических воззрений, раздробленных между дисциплинами, регионами и идеологиями» [9, р. 700]. В таких условиях создание познавательного концепта, даже в более узком направлении изучения иммиграционной политики, позволяет получить верифицируемые научные знания и сформировать алгоритм эффективного государственного контроля над иммиграцией.

Этим концептом может стать понятие «иммиграционный вопрос», в котором отражаются все аспекты проблемы взаимоотношений принимающего общества и иммигрантов. Оно имеет комплексный характер, определяющийся содержательной и функциональной сторонами процесса иммиграции.

Содержательный аспект иммиграции описал итальянский исследователь К. Коданьоне. «Иммиграция, вообще говоря, находится на перекрестке двух весьма различных политических семантик: основанной на экономических или функциональных проблемах и основанной на культуре, самобытности и традиции», – отмечал он [10, с. 21]. Экономические отношения и межкультурные связи являются главными характеристиками процесса иммиграции. Действительно, основными мотивами привлечения иммигрантов являются недостаток рабочей силы на рынке труда, стремление деловых кругов страны снизить издержки производства, а правящей элиты – решить проблемы, связанные с неблагоприятными перспективами демографического развития. В то же время, значитель-

ное влияние на отношения между иммигрантами и принимающим обществом оказывает степень различия культур – культурная дистанция. Чем она выше, тем больше ощущается инаковость приезжих, тем сложнее процесс межкультурной адаптации, тем вероятнее конфликты в отношениях между пришлым и коренным населением.

Функциональная сторона иммиграции связана с постепенной трансформацией проживающего в стране иностранца в гражданина государства. По мнению доктора социологических наук В. И. Мукомеля структура иммиграционной политики должна включать в себя меры по контролю над въездом и проживанием иностранцев, политику интеграции иммигрантов в принимающее общество, критерии предоставления гражданства [11, с. 258]. Эти три направления государственной политики отражают процесс смены гражданства иммигранта, который является следствием успешного обустройства и развития социальных связей в новом месте проживания.

На основе представленных предпосылок можно дать следующее определение: иммиграционный вопрос – проблема взаимоотношений принимающего общества и иммигрантов, связанная с изменениями в процессе иммиграции, трудностями в адаптации иммигрантов, особенностями восприятия их жителями страны-реципиента.

Квантификация составляющих иммиграционного вопроса производится в социально-экономическом и социокультурном направлениях. Изменения в процессе иммиграции определяются такими параметрами как доля иммигрантов в общем количестве жителей страны, их экономическая активность, культурная дистанция между ними и гражданами государства. Трудности в адаптации иммигрантов связаны с уровнем их занятости в экономике, знаний языка и стремления следовать нормам страны проживания. Особенности восприятия иностранцев жителями страны-реципиента зависят от их экономических ожиданий, наличия стереотипов по отношению к приезжим и опыта межкультурного взаимодействия.

Включение в исследование понятия «иммиграционный вопрос» позволяет избежать широко распространенной ошибки: изменения в иммиграционной политике не являются прямой реакцией на процесс иммиграции, а представляют собой ответ на проблемы во взаимоотношениях между принимающим обществом и иммигрантами. В то же время данный концепт не дает полного представления о характере политизации отношений с иммигрантами.

Согласно концепции российского политолога М. В. Данилова, процессы политизации и деполитизации, связанные с проникновением проблемы в сферу политики, могут иметь органический, или технологический характер [12, с. 34–35]. Органическая политизация происходит вследствие естественных общественно-политических процессов. Вопрос приобретает высокую актуальность, активисты вносят его в повестку общественных организаций и политических партий. Технологическая поли-

тизация возникает в результате стремления отдельных субъектов использовать возможности политической системы в своих частных интересах. Значительную роль в процессе политизации играют средства массовой информации, которые доводят проблему до всеобщего сведения, тем самым актуализируют предложенную тему для общества. Органическая политизация, как правило, приводит к выработке политических решений, технологическая политизация такую возможность не предполагает.

Отталкиваясь от концепции М. В. Данилова, следует уделять внимание специфике политизации иммиграционного вопроса. Ее органический характер подтверждается общественно-политической активностью проживающих в стране иммигрантов (интенсивность и общественно признанные формы проявления). Технологический характер – наличием политиков и организаций, заинтересованных в использовании стереотипов по отношению к иммигрантам с целью обеспечения собственной популярности.

Также в анализе выработки политического решения иммиграционного вопроса следует учитывать развитие интеграционных связей отдельно взятого государства. В этой связи уместным видится применение неокорпоратистского подхода. Суть его заключается в оценке того, каким образом принимающее иммигрантов государство согласует интересы собственных внутренних групп влияния с международными обязательствами. Широкое применение он получил в работах профессора Нью-Йоркского университета Г. Лахав [13].

Применение понятия «иммиграционный вопрос» в сочетании с концепцией политизации М. В. Данилова и неокорпоратистского подхода при анализе выработки политических решений позволило автору дать развернутую характеристику политики ограничения иммиграции, которая проводилась правительствами Французской Республики в 1974–2006 гг., и сформировать алгоритм эффективного государственного контроля над иммиграцией.

Он основывается на потенциальной возможности перехода иммигранта в гражданство государства проживания. В этой связи важным видится четкое определение критериев предоставления гражданства: способность к обеспечению себя и своей семьи, знание государственного языка, основ права и традиций принимающего общества. Критерии получения гражданства являются конечной целью процесса интеграции иммигранта. Данный процесс должен строиться вокруг оценки трудоустройства и социальной вовлеченности индивида, владения языком страны проживания, отсутствия противоправной деятельности. Интеграция остается личным выбором иностранца. В случае отказа от интеграции отношения между ним и государством должны иметь временный характер и определяться системой норм, в которых учитываются и права человека, и интересы государства. Свобода передвижения и выбора места жительства не означает свободы обретения гражданских прав. Стремление международного мигранта улучшить свой уровень жизни не должно входить в противоречие с потребностями рынка труда страны въезда.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Беларусь на 2024–2028 годы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 янв. 2024 г., № 48 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&po=C22400048> (дата обращения: 10.02.2025).
2. Ferrie, J.-P. Two Centuries of International Migration: Discussion Paper N 7866, December 2013 / J.-P. Ferrie, T.-J. Hatton. – Bonn, 2013. – 49 p.
3. Рымалов, В. В. Распад колониальной системы и мировое капиталистическое хозяйство / В. В. Рымалов. – М. : Мысль, 1966. – 479 с.
4. Народонаселение, образование и развитие // Департамент по экономическим и социальным вопросам. Отдел народонаселения. – URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/files/documents/2020/Jan/un_2003_concisereport_ru.pdf (дата обращения: 12.02.2025).
5. Мельянцев, В. А. Долгосрочные тенденции, контртенденции и факторы экономического роста развитых и развивающихся стран / В. А. Мельянцев. – М. : Ключ-С, 2015. – 80 с.
6. Алешковский, И. А. Тенденции международной миграции в глобализирующемся мире / И. А. Алешковский, В. А. Ионцев // Век глобализации. – 2008. – № 2. – С. 77–87.
7. Хахалкина, Е. В. Иммиграционная политика Д. Кэмерона (2010–2015 гг.) / Е. В. Хахалкина // Современная Европа. – 2015. – № 4 (64). – С. 47–58.
8. Бадаева, А. С. Праворадикальные партии и иммиграция в страны Скандинавии / А. С. Бадаева // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 12. – С. 78–86.
9. Massey, D. S. An Evaluation of International Migration Theory: The North American Case / D. S. Massey, J. Arango, G. Hugo, A. Kouaouci, A. Pellegrino, J. Edward Taylor // Population and Development Review. – 1994. – N 4. – P. 699–751.
10. Коданьоне, К. Миграционная политика как планирование наугад / К. Коданьоне // Иммиграционная политика западных стран: альтернативы для России / под ред.: Г. Витковская; Междунар. орг. по миграции, Моск. исслед. прогр. по миграции. – М. : Гендальф, 2002. – С. 8–26.
11. Мукомель, В. И. Миграционная политика России: Постсоветские контексты / В. И. Мукомель / Институт социологии РАН. – М. : Диполь-Т, 2005. – 351 с.
12. Данилов, М. В. Институты, механизмы и технологии политизации общества в постсоветской России (1990-е – 2000-е годы) : дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / М. В. Данилов. – Саратов, 2015. – 477 л.
13. Lahav, G. Immigration and the state: The devolution and privatization of immigration control in the EU / G. Lahav // Journal of ethnic and migration studies. – 1998. – N 4. – P. 675–694.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ЦЕЛЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ИНИЦИАТИВ ООН ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ ВЫНУЖДЕННОЙ МИГРАЦИИ В АФРИКЕ В НАЧАЛЕ XXI в.

А. В. Селиванов

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, selivanych@bsu.by*

В статье выделены инициативы, направленные на решение проблем по вопросам вынужденной миграции в Африке в первое десятилетие XXI в. (Глобальные консультации по международной защите, Конвенция Плюс, Диалог по вопросам добровольной репатриации и устойчивой реинтеграции в Африке, Десятикомпонентный план действий, Диалог Верховного комиссара по проблемам защиты и др.). Сделан вывод об эволюции международных мер ООН реагирования на решение вопросов вынужденной миграции в Африке. Отмечено, что часть проектов были успешными, а некоторые не показали своей эффективности.

Ключевые слова: Африка; международное сотрудничество; вынужденная миграция; беженцы; Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев; инициативы.

INTERNATIONAL COOPERATION FOR THE IMPLEMENTATION OF UN INITIATIVES ON FORCED MIGRATION REGULATION IN AFRICA IN THE EARLY 21st CENTURY

A. Seivanov

*Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, selivanych@bsu.by*

The article highlights initiatives aimed at addressing the challenges of forced migration in Africa during the first decade of the 21st century (Global Consultations on International Protection, Convention Plus, Dialogue on Voluntary Repatriation and Sustainable Reintegration in Africa, the Ten-Point Plan of Action, the High Commissioner's Dialogue on Protection Challenges, and others). The study concludes that UN international response measures to forced migration in Africa evolved over time. It is noted that some projects proved successful, while others failed to demonstrate effectiveness.

Keywords: Africa; international cooperation; forced migration; refugees; United Nations High Commissioner for Refugees; initiatives.

XXI в. в Африке начался со стабилизации проблемы вынужденной миграции. Количество беженцев и вынужденных мигрантов на континенте стало даже несколько уменьшаться в первое десятилетие нового века. Автором статьи поставлена цель дать краткую характеристику инициатив Организации Объединенных Наций по решению вопросов вынужденной миграции на Африканском континенте в упомянутый период. Данный

вопрос и в русскоязычной, и в англоязычной литературе рассматривался как правило в контексте более широких вопросов.

Как отмечал Верховный комиссар ООН по делам беженцев 2001 г., к началу 2000-х гг. международная система защиты беженцев столкнулась с серьезными вызовами, которые заключались в росте количества беженцев и внутренне перемещенных лиц, жертв гуманитарных конфликтов, которые не укладывались в конвенционное определение понятия «беженец»; изменении отношения государств к прибывающим беженцам, вопросам безопасности и ряду других проблем [1, п. 11—18]. С учетом данных фактов ООН начала трансформацию механизмов решения вопросов вынужденной миграции.

Важной инициативой в решении проблемы вынужденной миграции в Африке стало начало в 2000 г. **Глобальных консультаций по международной защите**, поддержанных Генеральной Ассамблеей ООН [1, п. 19; 2]. Они начали проводиться в целях подтверждения важности и необходимости использования Конвенции 1951 г. о статусе беженцев в новых условиях и разработки механизмов улучшения защиты беженцев. Инициатива представляла собой межгосударственный диалог государств, международных, неправительственных организаций и академического сообщества. В результате была принята Программа действий, включившая в себя следующие цели: 1) поддержка выполнения Конвенции 1951 г. и Протокола 1967 г.; 2) защита беженцев в более широких пределах перемещения; 3) более справедливое разделение издержек и обязанностей и создание возможностей приема и защиты беженцев; 4) более эффективное решение вопросов, связанных с безопасностью; 5) расширение поиска стабильных решений; 6) удовлетворение потребностей в защите беженцев и детей-беженцев [3]. Все это помогло более эффективно реагировать на кризисы в Африке.

Выделим такую инициативу как **Укрепление партнерства**: в сентябре 2001 г. была создана Целевая группа по вопросам партнерских связей. Ее разделили на две подгруппы: по партнерским связям с учреждениями ООН и по взаимодействию с неправительственными организациями для изучения ситуации, выявления существующих проблем, а также восстановлению и укреплению взаимодействия УВКБ ООН с партнерами [4, п. 124]. Она способствовала повышению уровня и качества ресурсов, поступающих беженцам и возвращенцам, что улучшило их положение в африканских странах.

В рамках программы «**Помощь в области развития для беженцев**» УВКБ ООН давало возможность беженцам помогать себе самостоятельно. Программа объединила две концепции [5, п. 4]:

— **4Р (репатриация, реинтеграция, реабилитация и реконструкция)**, которая стала активно применяться УВКБ ООН в 2002 г. В документах выделяются поддержка репатриантов в Сьерра-Леоне (при сотрудничестве УВКБ ООН, ПРООН и Всемирный банк), программа восстановления в Эритрее (при поддержке правительств), разработка стратегии для Бурунди, Либерии, программа репатриации в Дарфуре (Судан),

ряд мероприятий Демократической Республике Конго, Либерии, Сомали и Южном Судане [5, п. 44; 6, п. 26; 7, п. 35; 8, п. 48];

— **Развитие путем местной интеграции**, основной идеей которой была поддержка государств в целях самообеспечения в принимающих сообществах [5, п. 4]. Примером ее реализации можно назвать «Замбийскую инициативу» (улучшение условий жизни примерно 450 000 человек, включая 100 000 беженцев), а также помощь сомалийским беженцам в Танзании [6, п. 42; 7, п. 24].

В 2003 г. Верховный комиссар предложил инициативу «**Конвенция плюс**», содержащую следующие компоненты: переселение как эффективный элемент защиты беженцев и распределения ответственности между принимающими странами; пути решения проблем, связанных с вторичными потоками беженцев и лиц, ищущих убежища, где определялась бы роль и обязанности стран происхождения, транзита и назначения; усиление помощи в области развития для решения проблем беженцев [6, п. 12]. В Африке инициатива помогала урегулированию проблемы сомалийских беженцев [7, п. 28].

В марте 2004 г. УВКБ ООН организовало Диалог по вопросам добровольной репатриации и устойчивой реинтеграции в Африке. Благодаря ему был укреплен потенциал для мероприятий по возвращению до 2 млн африканских беженцев. Была согласована необходимость различных подходов в целях предотвращения и разрешения конфликтов, в которых участвуют африканские страны, которые поддерживали участие Африканского союза, субрегиональных организаций и ООН [6, п. 35].

Межучрежденческий постоянный комитет ООН в 2005 г. внедрил **кластерный подход**, в рамках которого в начале 2006 г. УВКБ ООН «приняло на себя функцию глобального руководства в ситуациях, связанных с внутренними перемещениями, спровоцированными конфликтами, в зонах защиты, управления/координации работы по организации обслуживания лагерей и предоставления крова в чрезвычайных ситуациях» [8, п. 36]. Так, в Чаде УВКБ ООН переместило два лагеря дальше от границы; в суданском Дарфуре осуществлялась совместная миротворческая операция Африканского союза/Организации Объединенных Наций; в Демократической Республике Конго УВКБ ООН поддерживало обучение войск по «нулевой терпимости» к сексуальному и гендерному насилию, консультировало внутренне перемещенных лиц по вопросам возмещения ущерба; после выборов в Кении в 2007 г. УВКБ ООН пришлось экстренно направить персонал и ресурсы для поддержки межучрежденческого реагирования [9, п. 17; 10, п. 13–15].

В начале XXI в. выделяется **Десятикомпонентный план действий по защите беженцев и смешанной миграции** УВКБ ООН, реализация которого началась для решения проблем международной миграции. Отметим, что в тот период стало использоваться понятие «смешанные миграционные потоки». Поэтому возникла необходимость выделения вынужденных мигрантов контексте более широкой миграции и их

доступа к долгосрочным решениям [11, р. 8]. В Африке УВКБ ООН содействовало выработке долгосрочных решений и укреплению потенциала местных государственных и неправительственных структур, особое внимание уделяя вопросам определения статуса беженца [9, п. 28]. В дальнейшем УВКБ ООН активно участвовало в мероприятиях по Десятикомпонентному плану как на региональном, так и на глобальном уровнях, например в 2008—2010 гг. проекте по применению плана в том числе и в Африке [12]. Таким образом, план можно рассматривать и как некую нормативную основу, так и в качестве практического инструментария для облегчения реализации и наращивания потенциала для государств и партнерских организаций.

Важным механизмом обсуждения и решения вопросов **Диалог Верховного комиссара по проблемам защиты**, который впервые был проведен в Женеве в декабре 2007 г. Выделим темы первых четырех мероприятий: «Защита беженцев, долгосрочные решения и международная миграция» (2007 г.), Затяжные ситуации с беженцами (2008 г.), «Проблемы для лиц, подпадающих под мандат УВКБ ООН, в городских условиях» (2009), «Пробелы в защите и меры реагирования» (2010) [13]. Так. В ходе Диалога 2008 г. премьер-министр Танзания М. П. Пинда выступил с докладом, обозначив необходимость завершения затяжной ситуации с беженцами [14]. А Диалог 2009 г. по проблемам в городских условиях имел прямое отношение к Африке: был озвучен прогноз, что население континента к 2050 г. увеличится почти до 2 млрд человек к 2050 г., причем 88 % этого роста придется на страны Африки к югу от Сахары, а значительная часть населения будет жить в городах [15]. Также отметим, что Диалог продолжается и в настоящее время демонстрируя свою эффективность по решению проблем вынужденной миграции в том числе и в африканских странах.

Таким образом, первое десятилетие XXI в. можно охарактеризовать как период эволюции механизмов работы ООН в вопросах вынужденной миграции и беженцев. Произошел заметный сдвиг от оказания непосредственно гуманитарной помощи к частичным или полноценным стратегиям в сфере вынужденной миграции в регионе. При этом часть проектов продолжают и по настоящее время, часть оказались успешными в краткосрочной перспективе, а некоторые показали свою ограниченную эффективность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев: док. ООН А/56/12 // Цифровая библиотека ООН. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/449571> (дата обращения: 12.02.2025).
2. Пятидесятая годовщина создания Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев и Всемирный день беженцев: док. ООН. А/RES/55/73 // Цифровая библиотека ООН. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/428904> (дата обращения: 12.02.2025).

3. Программа по вопросу о защите: док ООН. A/AC.96/965/Add.1, 26 июня 2002г. // Цифровая библиотека ООН. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/469473> (дата обращения: 23.10.2024).
4. Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев: док. ООН A/57/12 // Цифровая библиотека ООН. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/473855> (дата обращения: 12.02.2025).
5. Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев: док. ООН A/58/12 // Цифровая библиотека ООН. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/501258> (дата обращения: 12.02.2025).
6. Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев: док. ООН A/59/12 // Цифровая библиотека ООН. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/533788> (дата обращения: 12.02.2025).
7. Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев: док. ООН A/60/12 // Цифровая библиотека ООН. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/558965> (дата обращения: 12.02.2025).
8. Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев: док. ООН A/61/12 // Цифровая библиотека ООН. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/585475> (дата обращения: 12.02.2025).
9. Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев: док. ООН A/62/12 // Цифровая библиотека ООН. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/610909> (дата обращения: 12.02.2025).
10. Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев: док. ООН A/63/12 // Цифровая библиотека ООН. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/640415> (дата обращения: 12.02.2025).
11. Refugee Protection and Mixed Migration: The 10-Point Plan in action // United Nations High Commissioner for Refugees. – URL: <https://www.unhcr.org/in/sites/en-in/files/legacy-pdf/50a4c2b09.pdf> (дата обращения: 15.02.2025).
12. The 10-point plan in action // United Nations High Commissioner for Refugees. – URL: <https://www.unhcr.org/what-we-do/protect-human-rights/asylum-and-migration/10-point-plan-action> (date of access: 15.02.2025).
13. High Commissioner's Dialogue // United Nations High Commissioner for Refugees. – URL: <https://www.unhcr.org/about-unhcr/overview/high-commissioner/high-commissioners-dialogue> (date of access: 15.04.2025).
14. 2nd UNHCR Dialogue on Protection Challenges, 10 December 2008, Keynote by Honourable Mizengo Peter Pinda (MP), Prime Minister of Tanzania . URL: <https://www.unhcr.org/media/2nd-unhcr-dialogue-protection-challenges-10-december-2008-keynote-honourable-mizengo-peter> (дата обращения: 15.04.2025).
15. Concept Paper High Commissioner's Dialogue on Protection Challenges. Challenges for persons of concern to UNHCR in urban settings (Geneva, 9–10 December 2009) . URL: <https://www.refworld.org/policy/strategy/unhcr/2009/en/67014>

ФАКТОР ВЛИЯТЕЛЬНОСТИ ПОСРЕДНИКОВ ПРИ УРЕГУЛИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

А. Д. Черняк

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, chernyakad@bsu.by*

Материал данной статьи сосредоточен на анализе факторов, влияющих на эффективность посредничества в условиях роста числа внутригосударственных и международных конфликтов. В статье исследуются критерии влияния посредников, включая легитимность, ресурсную базу и стратегическую гибкость. На основе анализа кейсов (Дарфурский конфликт, Малийский кризис, нормализация американо-кубинских отношений) автор демонстрирует, что успех посредничества часто зависит от восприятия посредника как нейтрального и авторитетного актора, а также от его способности комбинировать экономические, политические и дипломатические рычаги воздействия. Особое внимание уделено роли адаптивности стратегий: от фасилитации на начальных этапах до директивных методов в условиях тупика. В то же время выявлены ограничения: неготовность сторон к компромиссу, асимметрия сил и избыточная зависимость от ресурсного стимулирования. Исследование подтверждает, что эффективность посредничества определяется не столько институциональным статусом посредника, сколько его способностью балансировать между нейтральностью и вовлеченностью, давлением и убеждением.

Ключевые слова: посредничество; урегулирование конфликтов; стратегии посредничества; эффективность; международные конфликты.

DETERMINANTS OF MEDIATOR INFLUENCE IN POLITICAL CONFLICT RESOLUTION

A. Chernyak

*Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, chernyakad@bsu.by*

This paper focuses on analysing the factors that influence the effectiveness of mediation in the context of the growing number of intra-state and international conflicts. The paper explores the criteria of mediators' influence, including legitimacy, resource base and strategic flexibility. Using case studies (Darfur conflict, Mali crisis, normalisation of US-Cuban relations), the author demonstrates that mediation success often depends on the perception of the mediator as a neutral and authoritative actor, as well as on his or her ability to combine economic, political and diplomatic leverage. Particular attention is paid to the role of adaptability of strategies, from facilitation in the initial stages to directive methods in the face of stalemate. At the same time, limitations are identified: the parties' unwillingness to compromise, power asymmetries and over-reliance on resource incentives. The study confirms that the effectiveness of mediation is determined not so much by the institutional status of the mediator as by his or her ability to balance neutrality and engagement, pressure and persuasion.

Keywords: mediation; conflict resolution; mediation strategies; effectiveness; international conflicts.

Современная международная система характеризуется ростом числа конфликтов разного уровня, как внутригосударственного характера, так и выходящих по своему масштабу за рамки географических границ государства и тем самым приобретающих международный характер. В связи с существующей плотной взаимосвязью государств через культурно-исторические, политические и экономические контакты такого рода конфликты притягивают внимание третьих сторон, в том числе и с целью реализации посреднических действий для урегулирования конфликта. Согласно данным *Uppsala Conflict Data Program (UCDP)*, формируемым на базе Уппсальского университета в Швеции, в 2023 г. в мире было зафиксировано 56 активных вооруженных конфликтов, из которых лишь 30 % были урегулированы мирными средствами, при этом в 70 % успешных случаев ключевую роль сыграло посредничество государств или международных организаций [1]. Это подчеркивает актуальность изучения факторов, определяющих эффективность медиаторов в разрешении политических кризисов.

Посредничество в урегулировании политических конфликтов было и остается для многих акторов одним из ключевых инструментов дипломатии, однако его эффективность во многом зависит от степени влиятельности самого посредника. Посредничество определяется как форма помощи третьей стороны, при которой приглашенный внешний участник помогает конфликтующим сторонам в их усилиях по управлению конфликтом. Это основной метод, альтернативный переговорам между самими конфликтующими сторонами, и полезный инструмент в тех ситуациях, когда стороны отказываются от прямого общения. Посредничество осуществляется на добровольной, не принудительной и фасилитирующей основе [2, р. 331]. В отличие от арбитража, посредничество не предполагает навязывания решений, а основывается на убеждении конфликтующих сторон прийти к компромиссу. В книге «Международное посредничество» авторства М. Грейга и П. Диела на основе анализа обширной выборки конфликтов авторы указывают, что в общей сложности около 72 % всех конфликтов сталкиваются с посредничеством как способом урегулирования в моменте их существования [3, р. 56].

Однако не все посредники обладают одинаковой способностью добиваться успеха – их влияние определяется комплексом факторов, включая легитимность, ресурсную базу и стратегическую гибкость.

В современной политике посредничество в конфликтах принимает различные формы, которые условно можно разделить на формальное (институционализированное) и неформальное (*ad hoc*). К первому типу относятся структуры, такие как ООН, ОБСЕ или отдельные государства (например, США в израильско-палестинских переговорах), ко второму – неправительственные организации (Норвежский центр по предотвращению конфликтов «*NOREF*») или частные лица (как в случае с участием бизнесмена Виктора Пинчука в украинско-российских переговорах 2014–2015 гг.). В настоящее время в научном поле сформировался консенсус относитель-

но ключевых параметров, влияющих на влияние акторов посреднических усилий, будь то государства, международные организации, НПО или отдельные лица, и способных определить перспективы посредника в урегулировании конфликтов.

При анализе факторов влияния посредника в первую очередь стоит обратить внимание на восприятие сторонами конфликта его легитимности и авторитета, поскольку именно посредники с высокой легитимностью и международным авторитетом чаще добиваются прогресса в урегулировании конфликтов, поскольку воспринимаются как нейтральные и справедливые. Например, Катар сыграл ключевую роль в переговорах по урегулированию Дарфурского конфликта – начавшего в 2003 г. противостояния между суданским правительством и повстанческими группами (*JEM*, *SLA* и др.), которое сопровождалось этническими чистками и гуманитарной катастрофой. К 2009 г. переговоры зашли в тупик, а международные усилия (ООН, Африканский союз) не приносили результата. Благодаря своему статусу нейтрального посредника, а также финансовым возможностям, Катар предложил экономическую помощь Судану через осуществление инвестиций и списание существующих долгов в обмен на уступки [4]. Действия Катара способствовали подписанию Дохийского соглашения в 2011 г., и, хотя конфликт полностью не прекратился, соглашение стало важным шагом к снижению насилия.

Алжир также проявил себя в качестве посредника в Малийском кризисе, опираясь главным образом на свое влияние на туарегские группировки, нейтральный имидж по сравнению с Францией (колониальной державой) и опыт успешного посредничества в прошлых конфликтах (например, в Чаде). Результатом стало подписание Алжирского соглашения в 2015 г., которое, несмотря на последующую нестабильность, заложило основу для будущих переговоров, показав пределы военного решения кризиса [5, р. 10–25].

Папа Римский Франциск выступил неформальным посредником в нормализации отношений между США и Кубой в 2013–2015 гг. Используя свой моральный авторитет религиозного лидера, папа Франциск способствовал налаживанию контактов между Кубой и США путем прямого призыва (через официальные заявления и письма) и непубличной поддержки (организации тайной встречи представителей сторон). Моральный авторитет и нейтральность, конфиденциальная поддержка и неоспоримый символический капитал помогли сторонам преодолеть десятилетия взаимного недоверия, что привело к восстановлению дипотношений в 2015 г. [6, р. 152–154].

Экономические и политические ресурсы посредника также могут являться критически важными при воздействии на конфликтующие стороны, позволяя трансформировать баланс сил через внедрение стимулов и ограничений. Пример посредничества Европейского союза в сербско-косовском диалоге (2011–2013 гг.) хорошо отражает то, как можно преодолеть серьезные противоречия через экономические и политические стимулы, в

данном случае, связанные с перспективой вступления Сербии и Косово в ЕС, что включало в себя: увязку прогресса в переговорах с продвижением по пути евроинтеграции и давление со стороны отдельных стран – членов ЕС (например, Германии), которые угрожали заблокировать переговоры о вступлении Сербии при отсутствии прогресса [7, р. 250].

В то же время Китай, в отличие от ЕС и США, зачастую внедряющих в посредническую деятельность политические условия, например, требования демократизации, делает ставку на экономические инвестиции и принцип невмешательства во внутренние дела. Китай активно использует инфраструктурные проекты как инструмент влияния в конфликтных регионах. В Мьянме Пекин, заинтересованный в стабильности для реализации проектов в рамках инициативы «Один пояс, один путь», оказывал давление на правительство и этнические группы, добиваясь локальных перемирий в зонах строительства транспортных коридоров. Однако, такая стратегия имеет ограничения, поскольку экономическая зависимость может восприниматься как угроза суверенитету, что наблюдалось в случаях сопротивления китайским проектам на разных общественных уровнях, от локальных активистов до правительственных решений, в некоторых африканских странах, таких как Замбия, Танзания, Кения и Намибия [8, р. 308–310].

Парадоксально, но избыток ресурсов также может и подрывать эффективность посредничества. Анализ кипрского переговорного процесса (2004–2017 гг.) проявил «эффект ожидания манны небесной»: предложения ЕС о помощи в размере 6 млрд евро и либерализации визового режима для Северного Кипра привели не к компромиссу, а к ужесточению позиций турок-киприотов, рассчитывавших на дальнейшие уступки [9, р. 118–120].

Эффективность и влияние посредника во многом зависит от его способности адаптировать стратегию действия к динамике конфликта. На начальных этапах переговорного процесса наиболее продуктивным оказывается фасилитативный подход, направленный на создание атмосферы доверия. Например, в ходе урегулирования конфликта в Мозамбике (1990–1992 гг.) посредники из католической общины Сант-Эгидио организовали неформальные встречи между правительством и повстанцами из *RENAMO*, что позволило сторонам постепенно перейти от взаимных обвинений к обсуждению конкретных условий мира [10, р. 245–250]. Тем не менее, продвижение переговорного процесса зачастую требует применения от посредников более директивных методов. Так, в боснийском конфликте (1992–1995 гг.) американский дипломат Р. Холбрук сочетал мягкие консультации с жестким давлением, включая угрозу военных ударов НАТО, что в итоге привело к подписанию Дейтонских соглашений [11, р. 45–60]. И как показывает опыт неудачного посредничества ООН в сирийском конфликте, чрезмерная приверженность одной стратегии (в данном случае – формальным переговорным форматам без реальных рычагов влияния) может привести к затягиванию конфликта, а следовательно, снижению влияния посредников на ход развития событий.

Несмотря на значительный потенциал посредничества как инструмента урегулирования конфликтов, способность посредников влиять на конфликт сталкивается с рядом принципиальных ограничений, коренящихся как в природе самих конфликтов, так и в особенностях переговорного процесса. Среди таких факторов можно выделить нежелание конфликтующих сторон идти на компромисс, особенно когда одна из них уверена в возможности военной победы, вмешательство третьих сторон, которое может как способствовать, так и подрывать мирный процесс, фактором сдерживания также является отсутствие единой позиции внутри конфликтующих сторон, явная асимметрия силы между сторонами конфликта, и в том числе недостаток инструментов принуждения у самих посредников, что особенно характерно для посредников в лице международных организаций.

Посредничество в XXI в. – это не просто часть переговорного процесса, а своеобразная многослойная стратегия, где дипломатия переплетается с экономикой, а мягкая сила – с жесткой. В таких условиях влияние посредников определяется совокупностью преимущественно уровня авторитета и легитимности посредника, объемом и разнообразием обладаемых им ресурсов и способности к адаптации собственных стратегий посредничества. Как показывает практика, успех медиации зависит не столько от формального статуса посредника, сколько от его способности адаптироваться: быть нейтральным, но не безучастным, оказывать давление, но не провоцировать отторжение, предлагать стимулы, но не создавать зависимость. Однако опыт посреднической деятельности, описанный в основной части статьи, подтверждает ключевое правило: посредник влиятелен ровно настолько, насколько конфликтующие стороны готовы его воспринимать

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Uppsala Conflict Data Program // Uppsala University. – URL: <https://ucdp.uu.se/exploratory> (date of access: 17.03.2025).
2. Bercovitch, J. Is There Method in the Madness of Mediation? Some Lessons for Mediators from Quantitative Studies of Mediation / J. Bercovitch, S. S.Gartner // *International Interactions*. – 2006. – Vol. 32, N 4. – P. 329–354.
3. Greig, J. M. *International Mediation* / J. M. Greig, P. F. Diehl. – Cambridge : Polity Press, 2012. – 224 p.
4. Kamrava, M. Mediation and Qatari Foreign Policy / M. Kamvara // *Middle East Journal*. – 2011. – Vol. 65, N 4. – P. 539–556.
5. Baudais, V. *Conflict Mediation and Peacebuilding in the Sahel The Role of Maghreb Countries in an African Framework* / V. Baudais, A. Bourhrous, D. O'driscoll. – Stockholm : Stockholm International Peace Research Institute, 2021. – 34 p.
6. Stafford, E. G. The Vatican's role in the reconciliation between the US and Cuba / E. G. Stafford // *Revista del Colegio Interamericano de Defensa*. – 2016. – N 2. – P. 149–160.
7. Bergmann, J. Same Table, Different Menus? A Comparison of UN and EU Mediation Practice in the Kosovo-Serbia Conflict / J. Bergmann // *International Negotiation*. – 2018. – N 23. – P. 238–257.
8. Brautigam, D. *The Dragon's Gift: The Real Story of China in Africa* / D. Brautigam. – Oxford : Oxford University Press, 2009. – 397 p.

9. Tocci, N. The EU and Conflict Resolution. Promoting Peace in the Backyard / N. Tocci. – New York : Routledge, 2007. – 202 p.
10. Bartoli, A. Mediating Peace in Mozambique: The Role of the Community of Sant'Egidio / A. Bartoli // Herding cats: Multiparty mediation in a complex world / ed. C. A. Crocker, F. O. Hampson, P. Aall . – Washington, 1999. – P. 245–274.
11. Daalder, I. H. Getting to Dayton: The Making of America's Bosnia Policy / I. H. Daalder. – Washington : Brookings Institution Press, 2000 – 189 p.

«МЯГКАЯ СИЛА» В УСТРАНЕНИИ ПРЕПЯТСТВИЙ НА ВНУТРЕННЕМ РЫНКЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

К. Ж. Олжабаев¹⁾, М. Е. Романова²⁾

¹⁾ Евразийская экономическая комиссия,
Смоленский б-р, 3/5., стр. 1, г. Москва, 119121, Россия, k.olzhabaev@eecommission.org

²⁾ Евразийская экономическая комиссия,
Смоленский б-р, 3/5., стр. 1, г. Москва, 119121, Россия, marina_romanowa@mail.ru

В статье рассматриваются подходы к определениям препятствий на внутреннем рынке Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с учетом развития механизмов их квалификации и устранения, в том числе с учетом повышения роли инструментов «мягкой силы» в рамках указанного процесса. Проведен анализ изменений правового регулирования в рамках ЕАЭС по вопросам устранения препятствий (в частности, барьеров и ограничений) на внутреннем рынке ЕАЭС. Указывается на роль и эффективность внедренных инструментов медиации в процесс квалификации и устранения препятствий. На основе проведенного анализа выделены направления дальнейшей работы Евразийской экономической комиссии и государств – членов ЕАЭС, которые будут способствовать повышению эффективности выполнения государствами-членами своих обязательств в рамках внутреннего рынка ЕАЭС.

Ключевые слова: внутренний рынок; барьеры; препятствия; ограничения; изъятия; Евразийский экономический союз; регулирование торговли.

"SOFT POWER" IN REMOVING OBSTACLES IN THE INTERNAL MARKET OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

K. Olzhabaev^a, M. Romanova^b

^a Eurasian Economic Commission,
3/5, build. 1, Smolensky Boulevard, Moscow 119121, Russia, k.olzhabaev@eecommission.org

^b Eurasian Economic Commission,
3/5, build. 1, Smolensky Boulevard, Moscow 119121, Russia, marina_romanowa@mail.ru

The article examines approaches to defining obstacles in the internal market of the Eurasian Economic Union (EAEU), taking into account the development of mechanisms for their qualification and elimination, including taking into account the increasing role of "soft power" instruments within the framework of this process. An analysis of changes in legal regulation within the EAEU on the issues of eliminating obstacles (in particular, barriers and restrictions) in the internal market of the EAEU is conducted. The role and effectiveness of the introduced mediation tools in the process of qualification and elimination of obstacles is indicated. Based on the analysis, areas of further work of the Eurasian Economic Commission and the EAEU member states are identified, which will contribute to increasing the efficiency of the member states' fulfillment of their obligations within the internal market of the EAEU.

Keywords: internal market, barriers, obstacles, restrictions, exemptionderogation, the Eurasian Economic Union, trade regulation.

Для каждого интеграционного объединения важным является не только развитие в рамках интеграционного пути, но и соблюдение уже достигнутых договоренностей. В любом объединении возможны ситуации, когда государствам-членам не сразу удастся в полной мере соблюдать принятые на себя обязательства в соответствии с правом объединения. Кроме того, возможны различные спорные и проблемные ситуации, требующие эффективных инструментов их разрешения.

Одной из основных целей Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в соответствии со статьей 4 Договора о Союзе от 29 мая 2014 г. является стремление к формированию единого внутреннего рынка, успех в достижении которой зависит во многом от того, насколько эффективно государства – члены ЕАЭС будут работать над недопущением и последовательным устранением барьеров, изъятий и ограничений.

Механизмов разрешения подобных проблемных ситуаций и устранения препятствий на внутренних рынках в истории интеграции во всем мире выработано немало (как достаточно жестких, так и с использованием различных дипломатических приемов). Но неслучайно принципы неприменения силы и угрозы силой, мирного разрешения международных споров и обязанности государств сотрудничать друг с другом лежат в основе мироустройства после окончания Второй мировой войны. Именно они стимулировали развитие института «мягкой силы», который по определению автора данного понятия политолога Дж. Ная, представляет собой набор инструментов и средств, при помощи которых возможно добиваться от кого-либо интересующих нас результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, в отличие от «жесткой силы», которая в основном оперирует инструментами принуждения [1]. В качестве классических инструментов мягкой силы Дж. Най выделяет язык и культуру стран, однако практика показывает, что спектр способов мягкой силы существенно шире. В общем, даже традиционные международные переговоры и дипломатию можно тоже отнести к «мягкой силе» в широком смысле, поскольку в них нет принуждения силой, а есть поиск компромисса с помощью различных аргументов.

В устранении препятствий на внутреннем рынке ЕАЭС также вырабатывается позитивный опыт применения инструментов «мягкой силы».

Изначально при создании ЕАЭС конкретные подходы к понятию «препятствия» на внутреннем рынке Союза в правовых актах заложены не были и потребовалось определенное время и наработанный опыт для оценки необходимости и начала такой работы. Безусловно, в первую очередь потребовалось определение понятийного аппарата, а также первое приближение к механизмам классификации, квалификации и непосредственно устранения проблемных ситуаций на внутренних рынках ЕАЭС. При этом важным аспектом явилось то, какими полномочиями обладает Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) и какие из них можно использовать в данной работе.

Началом данной работы стало не закрепление соответствующих подходов в правовых актах, а раскрытие понятийного аппарата в аналитическом документе ЕЭК – «Белой книге» [2], появившемся на свет в 2016 г. Выбор указанного «мягкого» варианта также свидетельствует о том, что в столь чувствительных вопросах, как работа с проблемными ситуациями, целесообразно начинать с рекомендательных и аналитических инструментов. Таким образом, в «Белой книге» были впервые сформулированы понятия барьеров, ограничений и изъятий как видов препятствий, приведен первоначальный перечень конкретных ситуаций, квалифицированных в качестве препятствий и в целом представлена аналитическая справка о ситуации на внутреннем рынке ЕАЭС.

Среди прочего, «Белая книга» содержала в себе и первоначальные подходы по оценке препятствий и тому, каким образом выстраивать работу с ними. Ключевой акцент с точки зрения понятия нарушения права Союза сделан в таком виде препятствий как барьеры. Соответственно, логичным является то, что наличие барьеров на внутреннем рынке Союза представляется недопустимым и работа Комиссии и государств-членов должна быть сконцентрирована на их полномасштабном устранении. Что касается таких видов препятствий, как изъятия и ограничения, то закреплено стремление к их максимальному сокращению. При этом фактически устранение изъятий и ограничений связано с необходимостью принятия новых правовых актов в рамках ЕАЭС либо совершенствованием действующих.

Последующая практическая деятельность по устранению препятствий продемонстрировала жизнеспособность и преемственность принятых подходов к определению и работе с ними. Целесообразным стало продолжение методологической работы в данном направлении уже в формате принятия правового акта, которым и стало решение Коллегии ЕЭК, утвердившее методологию разделения препятствий [3]. Данный акт сохранил преемственность в отношении закрепленных в «Белой книге» понятий барьеров, изъятий и ограничений, при этом так же, как и в ней, в целом понятие препятствия на внутреннем рынке ЕАЭС сформулировано не было. Значительным достижением принятой первой методологии стало то, что в ней впервые была описана процедура получения информации о ситуациях, имеющих признаки препятствий, работы с ней в части проведения в определенном смысле расследования и в последующем квалификации таких кейсов в качестве барьеров или ограничений.

Безусловно, после первого приближения был наработан опыт в данном направлении и стала очевидной необходимость совершенствования закрепленных процедур работы. Результатом стало принятие новой редакции Методологии в 2021 г. [4]. Одним из основных ее нововведений стало закрепление максимально четких сроков процедуры работы с препятствиями и в целом сокращение периода рассмотрения обращения по препятствиям.

С 2023 г. устранение препятствий на внутреннем рынке ЕАЭС осуществляется в соответствии с третьей редакцией методологии [5], основ-

ной новацией которой стало внедрение инструментов «мягкой силы» в этот процесс, а именно медиативных подходов. Внедрение инструментов медиации наиболее четко прослеживается в процедуре квалификации барьеров на внутреннем рынке Союза, который можно условно разделить на несколько этапов (таблица).

Процедура квалификации барьеров

№ п/п	Наименование этапа	Содержание этапа
1	Внутренняя работа ЕЭК	– формируется позиция по сути вопроса; – подготовка предварительного заключения (ПЗ) о наличии признаков барьера; – направление ПЗ в правительства государств – членов ЕАЭС
2	Консультации с государствами-членами	– проведение экспертных консультаций с уполномоченными органами государств-членов; – подготовка заключения о наличии признаков барьера, которое содержит исчерпывающие сведения о сути вопроса, всей проведенной Комиссией работе, аналогичных нормах права или правоприменительной практике в других государствах – членах Союза
3	Подготовка проекта решения Коллегии Комиссии	– подготовка Департаментом функционирования внутренних рынков ЕЭК проекта решения Коллегии Комиссии об уведомлении государства-члена о необходимости выполнения международных договоров, входящих в право Союза, и (или) решений Комиссии в рамках функционирования внутреннего рынка Союза с указанием срока, в течение которого государству-члену предлагается принять меры по устранению барьера. До непосредственного принятия такого решения ситуация рассматривается не как квалифицированный барьер, а как препятствие с признаками барьера
4	Проведение совещания высокого уровня	– проведение указанного совещания на уровне заместителей руководителей государственных органов государств – членов ЕАЭС в целях выработки решений, направленных на устранение барьера, и определения сроков их реализации; – если государство-член предлагает пути устранения, то Комиссия, рассмотрев его аргументированную позицию может предоставить ему срок до 6 месяцев на принятие соответствующих мер. Подобный подход позволяет не просто фиксировать наличие барьера, а находить действенные механизмы его устранения
5	Рассмотрение вопроса Коллегией ЕЭК	– рассмотрение Коллегией Комиссии проекта подготовленного решения и голосование о его принятии либо непринятии (если отсутствуют предложения государств-членов о путях устранения препятствия). Барьеры включаются в реестр барьеров на внутреннем рынке Союза на основании вступившего в силу решения Коллегии Комиссии

Источник: собственная разработка по [5].

Необходимо отметить, что в случае возникновения разночтений в толковании положений права Союза, Коллегия может принять решение обратиться за консультативным заключением в Суд Союза и подобная практика взаимодействия Суда ЕАЭС и ЕЭК уже имеет место.

В целом, говоря о процедуре медиации, хотелось бы обратить внимание на внедрение данных процедур в процесс квалификации и устранения препятствий. Такие процедуры позволяют не просто фиксировать наличие барьера, а находить действенные механизмы его устранения. Поиск таких решений актуален в двух аспектах:

- в процессе квалификации, который занимает значительное время, а зачастую рассматриваемые вопросы требуют оперативного решения;
- в целом более действенным является подход по поиску взаимоприемлемых для государств-членов решений в рамках переговорного процесса.

В качестве дальнейших направлений работы в сфере развития процедур устранения препятствий можно выделить следующие:

1) последовательное развитие правовых актов в рамках ЕАЭС в отношении субстантивных и процедурных аспектов работы с проблемными ситуациями на внутреннем рынке Союза. При этом данный процесс должен базироваться, среди прочего, на подходах, изложенных в принятых консультативных заключениях Суда ЕАЭС по обращениям Комиссии и государств – членов Союза о разъяснении положений Договора о ЕАЭС и иных актов, входящих в право Союза;

2) совершенствование Методологии, а также в целом права Союза по вопросам совместных действий Комиссии и государств-членов при рассмотрении соответствующих ситуаций по устранению препятствий на внутреннем рынке Союза.

Таким образом, становится очевидным, что дальнейшее развитие права Союза, развитие медиативных подходов и иных возможностей по нивелированию проблемных ситуаций на внутреннем рынке ЕАЭС должно концентрироваться не только в рамках имеющейся процедуры в ЕЭК, но и с привлечением к работе других органов Союза, в первую очередь, Суда ЕАЭС, и, безусловно, в первую очередь, достигаться совместно государствами-членами. Комиссией применяются различные механизмы поиска решения для устранения барьеров с пониманием чувствительности рассматриваемых вопросов и того факта, что они возникают в тех аспектах, которые являются важными для стран – участниц ЕАЭС. В завершении необходимо отметить, что выявляемые проблемные вопросы бывают и индикаторами системных проблем на внутреннем рынке Союза, поэтому наталкивают как Комиссию, так и государства-члены ЕАЭС на поиск системных путей их решения, зачастую приводя к необходимости совершенствования права Союза в целях дальнейшего прогрессивного развития интеграционных процессов на евразийском пространстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Най, Д. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения / Д. Най // Thelib.net. – URL: <https://thelib.net/1862519-mjagkaja-sila-i-amerikano-evropejskie-otnoshenija.html> (дата обращения: 14.03.2025).
2. Доклад «Барьеры, изъятия и ограничения Евразийского экономического союза» // ЕАЭС. Портал общих информационных ресурсов и открытых данных. – URL: <https://barriers.eaeunion.org/ru-ru/Pages/documents.aspx> (дата обращения: 15.03.2025).
3. Об утверждении Методологии разделения препятствий на внутреннем рынке Евразийского экономического союза на барьеры, изъятия и ограничения: решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 14 нояб. 2017 г. № 152 // Евразийский экономический союз. – URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01515284/clcd_16112017_152 (дата обращения: 15.03.2025).
4. Об утверждении Методологии разделения препятствий на внутреннем рынке Евразийского экономического союза на барьеры, изъятия и ограничения и признания барьеров устраненными: решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 2 февр. 2021 г. № 10 // Евразийский экономический союз. – URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428533/err_08022021_10 (дата обращения: 15.03.2025).
5. Об утверждении Методологии квалификации препятствий на внутреннем рынке Евразийского экономического союза и признания барьеров и ограничений устраненными: решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 28 марта 2023 г. № 41 // Евразийский экономический союз. – URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/414/7329/> (дата обращения: 15.03.2025).

УЧАСТИЕ КИТАЯ И РОССИИ В ШОС: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ НАПРАВЛЕНИЙ ИССЛЕДОВАНИЙ

Е. В. Демидович¹⁾, Хэ Юэцзе²⁾

¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, dzemidovich@bsu.by

²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, fmo.heYU1@bsu.by

Исследование Шанхайской организации сотрудничества в силу ряда факторов, как в научном плане, так и в практическом аспекте, становится все более актуальным. В статье рассматривается текущее состояние научных исследований по проблеме участия Китая и России в ШОС, как стран – организаторов и ведущих участников Организации. Устанавливаются приоритетные направления и перспективы дальнейшего исследования данной темы. Выявлено, что ныне научное осмысление китайско-российского стратегического сотрудничества в рамках ШОС в основном представлено отдельными направлениями исследований, в частности, анализом китайско-российских отношений в Центральной Азии, выявлением позиций Китая и России по вопросам расширения членства ШОС, а также характеристикой их взаимодействия в определенных экономических и гуманитарных отраслях. В то же время нуждается в дальнейшем исследовании характер взаимоотношений участников Организации и его влияние на развитие ШОС как организации, основной целью которой является обеспечение безопасности.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика; китайско-российское стратегическое взаимодействие; межправительственная организация; региональная безопасность; Республика Беларусь; Российская Федерация; Шанхайская организация сотрудничества.

PARTICIPATION OF CHINA AND RUSSIA IN THE SCO: STATUS AND PROSPECTS OF RESEARCH DIRECTIONS

A. Dzemidovich^a, He Yuejie^b

^a Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, dzemidovich@bsu.by

^b Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, fmo.heYU1@bsu.by

The study of the Shanghai Cooperation Organization is becoming increasingly relevant due to a variety of factors, both in scientific terms and in practical aspects. The article examines the current state of research on the problem of China and Russia's participation in the SCO as organizing countries and leading participants of the Organization, establishes priority areas and prospects for further research on this topic. It is revealed that currently the comprehension of Sino-Russian strategic cooperation within the SCO is mainly represented by separate areas of research, especially the analysis of Sino-Russian relations in Central Asia, identifying the positions of China and Russia on issues of expanding SCO membership, as well as characterizing their interaction in certain economic and humanitarian sectors. At the same time, further research is needed on the nature of relations between the participants

of the Organization and its impact on the development of the SCO as an organization, whose main goal is to ensure security.

Keywords: People's Republic of China; Sino-Russian strategic interaction; intergovernmental organization; regional security; Republic of Belarus; Russian Federation; Shanghai Cooperation Organization.

Обеспечение безопасности является одной из самых серьезных проблем, стоящих перед обществом. Для решения этой проблемы было создано множество организаций, занимающихся вопросами безопасности. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), как молодая организация, призванная обеспечить региональную безопасность, становится все более влиятельной и привлекает все большее количество участников. Мнение о том, что Китай и Россия являются ведущими игроками в процессе создания и развития ШОС, широко признано в научных кругах. На момент изначального становления ШОС Центральная Азия интерпретировалась учеными как регион, где Китай и Россия конкурируют в процессе реализации собственных национальных интересов. Однако по мере того, как ШОС продолжает развиваться, ее институты становятся все более совершенными, а число стран-участниц растет, видение безопасности ШОС постепенно переходит с регионального на глобальный уровень. Соответственно влияние ШОС распространилось от ее истоков в центральном регионе Евразии до восточной части Европы, Ближнего Востока и Северной Африки. Актуальность изучения состояния и перспектив направлений исследований по проблеме участия Китая и России в ШОС заключается не только в теоретическом поиске решений проблем региональной и глобальной безопасности, но и в предоставлении Беларуси возможности участвовать в укреплении региональной и глобальной безопасности через ШОС.

Деятельность Республики Беларусь постепенно активизировалась в рамках ШОС под знаком получения статуса партнера по диалогу в 2010 г., статуса наблюдателя при ШОС в 2015 г. В 2024 г. Беларусь стала десятым полноправным членом ШОС.

Ныне в Беларуси уже достигнуты определенные результаты в исследованиях деятельности Шанхайской организации сотрудничества. Результатом проявленного интереса белорусских исследователей к проблемам ШОС явились публикации, посвященные определенным аспектам функционирования Организации, а также взаимодействию отдельных государств. Так, взаимоотношения государств – участников ШОС рассмотрены в работах Ю. И. Малевич [1], Ш. Х. Толибовой [2]. Значение ШОС во внешней политике Республики Беларусь раскрыто в исследованиях таких белорусских международников, как В. Л. Сенюты [3], А. В. Тихомирова [4], О. П. Рубо [5].

Комплекс исследований по экономическим и гуманитарным аспектам функционирования ШОС представлен трудами белорусских исследователей: А. М. Байчорова [6], Е. А. Достанко [7], Е. Г. Господарик [8], О. И. Лазоркиной [9].

Проблематика участия Китая и России в ШОС в большей степени захватывает внимание китайских и российских исследователей.

Определенное количество работ китайских исследователей тесно связано с темой участия Китая и России в ШОС. В статье Лю Кая было выявлено, что «рождение» ШОС соответствует потребностям Китая и России в новой международной среде. ШОС способствует укреплению взаимного доверия между Китаем и Россией и углублению китайско-российского двустороннего сотрудничества в сфере безопасности [10]. Цзян Синьвэй указал, что ШОС является региональной организацией многостороннего сотрудничества, в которой КНР и Россия участвуют и играют ведущую роль. Для Китая и России важно построить новый международный порядок, увеличить их влияние в регионе и реализовать национальные интересы в ШОС [11]. По мнению Ли Сина перспективы развития ШОС принципиально зависят от уровня совпадения национальных стратегий Китая и России [12]. В работе Чжао Хуашэна выделены интересы и противоречия между КНР и Россией в рамках ШОС. На его взгляд, ШОС – региональная организация, сформированная на основе китайско-российского стратегического партнерства. ШОС является важным фактором для стабилизации китайско-российских отношений. Несмотря на очевидные противоречия Пекина и Москвы в определении функций ШОС, основная тональность сотрудничества двух сторон в рамках Организации не будет изменена в будущем [13].

Наряду с китайскими учеными российские востоковеды также уделяют внимание изучению ШОС и российско-китайских отношений в данной Организации. Среди российских научных монографий, в том числе и коллективных, необходимо выделить работу русского востоковеда С. Г. Лузянина, который в своей монографии успешно структурировал широкий спектр российско-китайских связей, в частности, анализ третья глава помогает определить важные направления обменов между Китаем и Россией на платформе ШОС [14, с. 146–152]. В научном сборнике «Россия и Китай в Шанхайской организации сотрудничества» российскими исследователями рассмотрены политико-дипломатические, экономические, военно-политические и гуманитарные проблемы в рамках ШОС [15].

Исследованию именно сотрудничества России и Китая в ШОС посвящены научные статьи Е. В. Семкиной [16], Т. С. Таракановой [17], С. Г. Лузянина и А. Ф. Клименко [18].

Отдельные аспекты межгосударственных отношений Китая и России в рамках ШОС находят отражение и в диссертационных исследованиях Российской Федерации и Республики Беларусь. Например, в исследовании З. Т. Мураталиевой проведен сравнительный анализ политики России и Китая в Центральной Азии, выявлены особенности взаимоотношений стран в рамках ШОС, определены российские и китайские роли в перспективе развития Организации [19]. В диссертации Хэ Юэцзе анализируется китайско-российское взаимодействие в ШОС через призму его влияния на механизмы обеспечения безопасности Организацией. Согласно ав-

торской концепции, в контексте китайско-российского стратегического взаимодействия ШОС достигает своей цели – обеспечение региональной безопасности – за счет расширения членства и обогащения сфер многостороннего сотрудничества в регионе [20].

По мере динамичного развития ШОС ее влияние сказывается не только на региональном уровне, а расширяется во всем мире. Таким образом, современная деятельность ШОС нередко является объектом исследований западных ученых.

Шведские ученые Э. Дж. К. Бэйлс и П. Дунай обсудили национальные интересы государств-членов и государств-наблюдателей в ШОС [21, р. 1–29].

По мнению греческого ученого Т. Н. Маркетоса, институционализация ШОС, дружественные отношения между Россией и Китаем, а также заключение двусторонних соглашений Китая с отдельными государствами Центральной Азии представляют собой основу для раскрытия регионального сотрудничества в энергетической безопасности [22]. Анализируется внешний фактор: при стабилизации Азиатско-Тихоокеанского региона Соединенные Штаты должны развивать отношения с Россией и Китаем в их региональных стратегических рамках [22].

В монографии С. Ариса раскрыты особенности ШОС на основе анализа ее институциональной структуры, подхода ШОС к региональной безопасности, повестки дня Организации, основанной на принципе многосторонности, сотрудничества между государствами-членами и расширения членского состава [23]. Этот же автор в своей другой работе дал характеристику ШОС и указал, что на горизонте существует потенциальная конкуренция как внутри ШОС, так и в российско-китайских двусторонних отношениях. Чтобы сохранить нынешнюю позитивную динамику, Москве и Пекину необходимо сделать ШОС функциональной и превратить другие государства-члены в ее неотъемлемую часть, в ее видных участников, а не средство для поддержания их отношений. Только таким образом данная региональная организация станет эффективным вектором для обеспечения стабильности в регионе [24, р. 20]. Данный научный труд позволяет по-новому осмыслить китайско-российские стратегические отношения в ШОС.

Американский исследователь Дж. Боланд рассматривает подход США к ШОС на протяжении десятилетия ее существования, анализирует возможную стратегию взаимодействия Вашингтона с Пекином и Москвой [25].

Научная работа П. Дж. Болта содержит всесторонний анализ китайско-российских двусторонних отношений. Особое внимание в исследовании уделено оценке важности «поворота» России к Китаю с учетом геополитических изменений, определены национальные интересы двух стран в рамках ШОС в сфере безопасности и экономики [26].

Эволюция китайско-российских отношений в контексте украинского кризиса 2014 г. раскрыта западными учеными в коллективной монографии «Поворот России на Восток» [27]. Весьма показательно исследование новозеландского ученого М. Лантена. В разделе «Россия и Китай в Шан-

хайской организации сотрудничества: расхождение в интересах безопасности и "эффект Крыма"» данной коллективной монографии М. Лантен системно исследовал различия интересов России и Китая в Шанхайской организации сотрудничества. По его мнению, ШОС является важной платформой для реализации китайских политических и экономических стратегий в Евразии. Китай нацелен сохранить Россию в качестве полезного стратегического партнера. Однако Пекин также с осторожностью относится к евразийской стратегической политике Москвы в пост-крымскую эпоху [27, р. 119–138].

В своей статье португальский исследователь Д. Мачадо пытается понять, как развивается ШОС в контексте китайско-российского взаимодействия [28]. По мнению Д. Мачадо, КНР и Россия являются наиболее влиятельными членами в ШОС, и их отношения оказывают большое влияние на выработку норм и формальных правил Организации [28].

Анализируя вышеуказанные научные исследования, приходим к выводу, что результаты, полученные представителями белорусских научно-исследовательских школ, предоставляют возможности для изучения роли ШОС во внешней политике Беларуси, а также деятельности ШОС в обеспечении региональной безопасности, в поддержании торгово-экономических и гуманитарных связей на территории ШОС. Ученые из Китая и России, как правило, проводят комплексное исследование собственных национальных интересов в ШОС. Западные ученые изучают китайско-российские отношения в ШОС с точки зрения своих национальных стратегий, однако их исследования также охватывают геополитические изменения, указывая при этом на проблемы ШОС и влияние китайско-российского взаимодействия на развитие данной Организации.

Совокупность сформированных историографических и теоретических основ позволяет определить степень разработанности проблемы. Ценность ШОС в системе международной безопасности сохраняется надолго, тем не менее, в специализированной литературе исследование функционирования ШОС и участия Китая и России в этой Организации в основном базируется на изложении отдельных аспектов практики, таких как: урегулирование китайских и российских интересов в Центральной Азии, вопрос расширения состава ШОС, торгово-экономические и культурно-гуманитарные направления многостороннего сотрудничества. В некоторых случаях наблюдается отождествление взаимодействия Китая и России в ШОС и интересов Китая и России в Центральной Азии.

В настоящее время в ШОС вошли десять государств-членов, а укрепление их связей со странами-наблюдателями и партнерами по диалогу является важным направлением исследования для обеспечения динамичного развития Организации. Следует также отметить такие перспективные направления исследования по теме ШОС, как характеристика взаимоотношений государств-членов после расширения состава в 2024 г., пути углубления политического диалога между государствами-участниками, а также их экономических и культурных обменов в разных обла-

стях. В то же время ШОС может иметь глобальные перспективы и вести активный диалог с другими международными организациями.

В отличие от традиционных военных альянсов (союзов), ШОС отличается от конфронтационного мышления по принципу «враг» или «друг», и использует более умеренные средства для построения мирной геополитической среды, что принесет новую стабилизирующую силу в систему мировой безопасности. В этом случае разработка концепции безопасности ШОС также обладает актуальностью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Малевич, Ю. И. Треугольник Россия – Индия – Китай в современных международных отношениях / Ю. И. Малевич // Беларусь в современном мире = Беларусь у сучасным свеце : материалы XII Междунар. конф., посвященной 92-летию образования Белорус. гос. ун-та, г. Минск, 30 окт. 2013 г. – Минск, 2013. – С. 37–39.
2. Толибова, Ш. Х. О перспективах партнерства Республики Беларусь и Исламской Республики Иран в рамках Шанхайской организации сотрудничества / Ш. Х. Толибова // Материалы «круглого стола» по инновациям в международных исследованиях, посвященного 15-летию образования Шанхайской организации сотрудничества, Минск, 31 марта 2016 г. – Минск, 2016. – С. 70–72.
3. Сенюта, В. Л. О взаимодействии Республики Беларусь с Шанхайской организацией сотрудничества / В. Л. Сенюта // Материалы «круглого стола» по инновациям в международных исследованиях, посвященного 15-летию образования Шанхайской организации сотрудничества, г. Минск, 31 марта 2016 г. – Минск, 2016. – С. 4–10.
4. Тихомиров, А. В. Шанхайская организация сотрудничества во внешнеполитической стратегии Республики Беларусь / А. В. Тихомиров // Белорусско-российские отношения на современном этапе: состояние и перспективы развития : материалы круглых столов, Минск, 26 октября 2018 г. . – Минск, 2018. – С. 133–138.
5. Рубо, О. П. Интересы и перспективы участия Республики Беларусь в Шанхайской организации сотрудничества в качестве полноправного члена / О. П. Рубо // Постсоветские исследования. – 2023. – Т. 6, № 2. – С. 160–168.
6. Байчоров, А. М. Шанхайская организация сотрудничества в контексте Экономического Пояса Шелкового Пути / А. М. Байчоров // Материалы «круглого стола» по инновациям в международных исследованиях, посвященного 15-летию образования Шанхайской организации сотрудничества, Минск, 31 марта 2016 г. – Минск, 2016. – С. 21–26.
7. Достанко, Е. А. Экономическое измерение во взаимодействии Беларуси с Шанхайской организацией сотрудничества / Е. А. Достанко // Материалы «круглого стола» по инновациям в международных исследованиях, посвященного 15-летию образования Шанхайской организации сотрудничества, г. Минск, 31 марта 2016 г. – Минск, 2016. – С. 37–41.
8. Господарик, Е. Г. Экономические возможности Беларуси в ШОС / Е. Г. Господарик // Банкаўскі веснік. – 2022. – № 9. – С. 13–24.
9. Лазоркина, О. И. Некоторые аспекты культурно-гуманитарного взаимодействия в рамках Шанхайской организации сотрудничества: достижения и перспективы / О. И. Лазоркина // Материалы «круглого стола» по инновациям в международных исследованиях, посвященного 15-летию образования Шанхайской организации сотрудничества, г. Минск, 31 марта 2016 г. – Минск, 2016. – С. 42–49.
10. 刘凯. “上海合作组织”对中俄关系的影响 = Лю Кай. Влияние «Шанхайской организации сотрудничества» на китайско-российские отношения / 刘凯 = Лю Кай // 济宁师范专科学校学报 = Журнал Цзининского педагогического колледжа. – 2004. – № 5. – С. 39–42.

11. 蒋新卫. 上海合作组织框架下的中俄关系 = Цзян Синьвэй. Китайско-российские отношения в рамках Шанхайской организации сотрудничества / 蒋新卫 = Цзян Синьвэй // 现代国际关系 = Современные международные отношения. – 2007. – № 3. – С. 33–38.
12. 李兴. 论上海合作组织的发展前途 – 基于中俄战略构想比较分析的视角 = Ли Син. О перспективах развития Шанхайской организации сотрудничества – сравнительный анализ на основе стратегической концепции Китая и России / 李兴 = Ли Син // 东北亚论坛 = Форум Северо-Восточной Азии. – 2009. – № 1. – С. 59–65.
13. 赵华胜. 中俄关系中的上海合作组织 = Чжао Хуашэн. Шанхайская организация сотрудничества в китайско-российских отношениях / 赵华胜 = Чжао Хуашэн // 和平与发展 = Мир и развитие. – 2010. – № 2. – С. 37–42.
14. Лузянин, С. Г. Россия – Китай: формирование обновленного мира / С. Г. Лузянин. – М.: Издательство «Весь Мир», 2018. – 328 с.
15. Россия и Китай в Шанхайской организации сотрудничества / Рос. акад. наук, Ин-т Дальнего Востока ; сост.: А. Ф. Клименко. – М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2006. – 239 с.
16. Семкина, Е. В. Проблемы и перспективы российско-китайского сотрудничества в ШОС / Е. В. Семкина // Актуальные проблемы современных международных отношений. – 2015. – № 6. – С. 118–123.
17. Тараканова, Т. С. Особенности партнерских отношений России и Китая в Шанхайской организации сотрудничества / Т. С. Тараканова // Россия в глобальном мире. – 2015. – № 7 (30). – С. 353–357.
18. Лузянин, С. Г. Сотрудничество России и Китая в ШОС по реализации концепции большого евразийского партнерства / С. Г. Лузянин, А. Ф. Клименко // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2019. – № 24. – С. 98–113.
19. Мураталиева, З. Т. Региональная политика России и Китая в Центральной Азии и ШОС как фактор взаимодействия : автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Мураталиева З. Т. ; Кыргызско-рос. славян. ун-т. – Бишкек, 2009. – 26 с.
20. Хэ Юэцзе. Стратегическое взаимодействие Китайской Народной Республики и Российской Федерации в рамках ШОС : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / Хэ Юэцзе ; Белорусский государственный университет. – Минск, 2024. – 27 с.
21. The Shanghai Cooperation Organization / A. J. K. Bailes, P. Dunay, Pan Guang, M. Troitskiy. – Stockholm : SIPRI, 2007. – 60 p.
22. Marketos, T. N. China's energy geopolitics: the Shanghai Cooperation Organization and Central Asia / T. N. Marketos. – New York : Routledge, 2009. – 141 p.
23. Aris, S. Eurasian regionalism: the Shanghai Cooperation Organization / S. Aris. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2011. – 215 p.
24. Aris, S. Russian–Chinese relations through the lens of the SCO / S. Aris // *Russie. Nei. Visions.* – 2008. – № 34. – P. 1–20.
25. Boland, J. Ten years of the Shanghai Cooperation Organization: a lost decade? A partner for the U.S.? / J. Boland. – Washington D. C. : Foreign Policy at Brookings, 2011. – 62 p.
26. Bolt, P. J. China, Russia, and twenty-first century global geopolitics / P. J. Bolt, S. N. Cross. – Oxford : Oxford University Press, 2018. – 312 p.
27. Russia's turn to the East / H. Blakkisrud, E. W. Rowe [eds.]. – Cham (Switzerland) : Palgrave Macmillan, 2018. – 167 p.
28. Machado, D. The China-Russia relationship and the creation of the culture of the Shanghai Cooperation Organization / D. Machado // *E-journal of International Relations.* – 2021. – Vol. 12, N 1. – P. 62–76.

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ «СТРАТЕГИЧЕСКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА» РОССИЯ – ИНДИЯ – КИТАЙ

Ли Цзинин

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, 2179351079@qq.com*

Статья посвящена анализу различных направлений политико-экономического вектора развития «стратегического треугольника» Россия – Индия – Китай. Представлен анализ как двусторонних отношений в рамках треугольника, так и трехстороннего сотрудничества. Обосновано, что трехстороннее сотрудничество России, Индии и Китая и укрепление механизма стратегического треугольника будет способствовать экономическому росту самих трех стран и содействовать безопасности, стабильности и развитию на Евразийском континенте и даже в глобальном масштабе. Сделан вывод, что политико-экономическое развитие «Стратегического треугольника» Россия–Индия–Китай – это отношения равноправного и взаимовыгодного сотрудничества, основанные на общей стратегической ориентации и общих интересах региональной и международной безопасности.

Ключевые слова: Россия; Индия; Китай; китайско-индийские отношения; китайско-российские отношения; российско-индийские отношения; стратегическое партнерство; Евразийский регион.

POLITICAL AND ECONOMIC VECTOR OF DEVELOPMENT OF THE “STRATEGIC TRIANGLE” RUSSIA – INDIA – CHINA

Li Jingying

*Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, 2179351079@qq.com*

The article is devoted to the analysis of various directions of political and economic vector of development of the “Strategic Triangle” Russia – India – China. Both bilateral relations within the “Strategic Triangle” and trilateral cooperation are analyzed. It is substantiated that trilateral cooperation between Russia, India and China and the strengthening of the Strategic Triangle mechanism will contribute to the economic growth of the three countries themselves and promote security, stability and development on the Eurasian continent and even globally. It is concluded that the political and economic development of the “Strategic Triangle” Russia-India-China is a relationship of equal and mutually beneficial cooperation based on a common strategic orientation and common interests of regional and international security.

Keywords: Russia; India; China; Sino-Indian relations; Sino-Russian relations; Russian-Indian relations; strategic partnership; Eurasian region.

Россия, Индия и Китай (РИК) – влиятельные державы, которые являются не только важными участниками продвижения реформы современной международной системы, международной финансовой системы и

совершенствования глобального экономического управления, но и заинтересованными сторонами в поддержании региональной стабильности. Они играют основополагающую роль в реагировании на основные риски и вызовы в регионе. В последнее десятилетие мировое сообщество переживает невиданные за последние сто лет перемены, в условиях которых продвижение трехстороннего сотрудничества РИК становится ключевым фактором укрепления безопасности, стабильности и развития не только в регионе, но и в глобальном масштабе. Партнерство России, Китая и Индии способствует экономическому росту этих стран и формированию действенного механизма стратегического треугольника.

Несмотря на значительное число исследований по данной теме, взаимодействие РИК нарастает в одних сферах и испытывает трудности в других в зависимости от политической конъюнктуры и международной ситуации, что актуализирует дальнейшее исследование различных направлений данного «треугольника».

Развитие трехстороннего сотрудничества РИК – это не инструмент выстраивания баланса сил с другими странами для противостояния или сдерживания друг друга, не механизм формирования отношений по западной модели альянсов, а отношения равноправного и взаимовыгодного сотрудничества, основанные на общей стратегической ориентации и общих интересах безопасности. Концепция взаимодействия трех стран не руководствуется единой идеологией, она концентрируется на многополярности мира и демократизации международных отношений. Уровень партнерства определяется не военно-политическими союзами, а взаимным уважением, взаимной выгодой, равенством и общим процветанием. Цель сотрудничества не сосредоточена на краткосрочных локальных эффектах, она основана на долгосрочной перспективе. Поэтому развитие данного трехстороннего механизма партнерства не только способствует открытию моделей взаимодействия между странами с разными политическими системами и путями развития, но и способствует распространению новой парадигмы сотрудничества между ведущими державами, являющейся «неидеологической» по своей направленности.

Концепция «стратегического треугольника» Китай – Россия – Индия впервые была выдвинута российским премьер-министром Е. М. Примаковым во время его визита в Индию в 1998 г. Впоследствии, в 2002 г., три страны приняли решение о создании механизма трехстороннего сотрудничества [1]. По состоянию на начало 2025 г. страны РИК провели 18 встреч на уровне министров иностранных дел в рамках данного альянса. Последняя встреча министров иностранных дел Китая, России и Индии состоялась в 2021 г. в формате видеоконференции. В рамках данной встречи состоялся обмен мнениями по дальнейшему укреплению трехстороннего сотрудничества между Китаем, Россией и Индией, был обсужден широкий круг важных региональных и международных вопросов, рассмотрены результаты предыдущих встреч. Стороны отметили необходимость регулярных встреч на высоком уровне для развития тесного

трехстороннего взаимодействия. Министры подчеркнули, что партнерство Китая, России и Индии будет полезно не только для экономического роста самих трех стран, но и для глобального мира, безопасности, стабильности и развития [2]. Хотя с 2021 г. встречи в рамках РИК министров иностранных дел не проводились, председатель КНР Си Цзиньпин и премьер-министр Индии Н. Моди впервые за пять лет встретились в двустороннем формате в октябре 2024 г. на полях саммита БРИКС в России. Обе стороны выразили готовность укреплять сотрудничество для преодоления разногласий, а также предложили выполнять свои международные обязанности и вносить вклад в продвижение многополярного мира. При этом возобновление сотрудничества РИК является важным аспектом для сохранения и упрочения региональной стабильности.

Развитие «Стратегического треугольника» Китай – Россия – Индия демонстрирует состояние углубленного и широкого политического и экономического партнерства, причем экономическое взаимодействие способствует углубленному политическому сотрудничеству, а двустороннее взаимодействие стран треугольника – расширению многосторонних связей. С экономической точки зрения Россия и Индия расположены в ключевых экономических регионах Евразии, а также являются важными регионами, охваченными китайской инициативой «Один пояс, один путь». Китай и Индия являются быстро растущими развивающимися экономиками, а Россия обладает технологическими и кадровыми преимуществами традиционной промышленной державы, что делает эти три страны важными потенциальными рынками и экономическими партнерами друг для друга.

Традиционно Центральная и Южная Азия, находящиеся в центре китайской инициативы «Один пояс, один путь», являются ключевыми традиционными зонами влияния России и Индии, что придает трехсторонним отношениям значительную практическую ценность. Инфраструктурный потенциал, финансовые преимущества и рыночный потенциал Китая в сочетании с индийскими кадрами в области разработки программного обеспечения и рынком высококвалифицированной рабочей силы, а также в сочетании с развитием Дальнего Востока, «Трансевразийским поясом *RAZVITIE*» (ТЕПР) и другими стратегическими концепциями могут сыграть положительную роль в строительстве регионов вдоль инициативы «Один пояс, один путь». В мае 2015 г. Китай и Россия достигли соглашения о стыковке Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза, в котором стороны обязались «стремиться увязать строительство Экономического пояса Шелкового пути со строительством Евразийского экономического союза, обеспечить устойчивый и стабильный экономический рост в регионе, укрепить региональную экономическую интеграцию, сохранить региональный мир и развитие [3]. 17 мая 2018 г. было подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Ре-

спубликой, с другой стороны, которое вступило в силу 25 октября 2019 г. Согласно статье 12.1 Соглашения, создана совместная комиссия, функцией которой является рассмотрение любого другого вопроса, связанного с настоящим Соглашением, по взаимному согласию Сторон [4]. В 2021 г. был утвержден перечень евразийских транспортных коридоров и маршрутов, в который были включены евразийские одномодальные и мультимодальные железнодорожные маршруты, связывающие Китай, Россию и ряд других стран Евразии [5].

В условиях ускоряющегося процесса политико-экономической глобализации экономическое сотрудничество между тремя странами может стать важным фактором поддержания региональной безопасности и стабильности.

На политическом уровне отношения в рамках РИК развиваются динамично и упрочиваются, однако потенциальные факторы нестабильности все еще существуют. Более того, по мере укрепления позиций трех стран в международной системе и в условиях продолжающихся санкций, введенных европейскими странами в отношении России, все направления двусторонних отношений поднялись на новую высоту.

Индия рассматривает Россию как надежного и ключевого партнера, еще в декабре 2010 г. Индия и Россия повысили статус своих отношений со «стратегического партнерства» до «особого и привилегированного стратегического партнерства» [6]. Россия, в свою очередь, активно поддерживала вступление Индии в ШОС (Индия и Пакистан официально стали членами ШОС в 2017 г.). После начала российско-украинского конфликта Индия не стала вводить санкции против России, как это сделали европейские страны, США, Австралия и Новая Зеландия, а расширила сотрудничество в таких областях, как военная промышленность и торговля энергоресурсами. Поставки нефти и топлива из России в Индию в 2023 г. удвоились. По словам посла России в Индии Дениса Алипова, Россия наращивает отправку в Индию и других товаров. Общая стоимость экспорта российской нефти в индийском направлении достигла 45 млрд дол. США, а нефтепродуктов – 4,5 млрд дол. США [7]. Поставки российской нефти марки *Urals* в Индию побили исторический рекорд в июне 2024 г. и достигли 1,6 млн б/с в сутки. Показатель увеличился на 13 % по сравнению с июнем 2023 г. [8].

Китайско-российские отношения всесторонне развиваются с начала XXI в., в 2019 г. страны решили повысить статус до «всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху», признав, что современные российско-китайские отношения характеризуются высокой степенью политического доверия; насыщенными контактами на высшем и высоком уровнях, разнообразными механизмами сотрудничества в различных областях; богатым по содержанию и стратегическим по значению практическим взаимодействием; прочной общей базой двусторонних отношений, опирающейся на традиции дружбы между народами России и Китая, передаваемой из поколения в поколение, тесной и эффективной координацией на международной арене [9].

При ведущей роли лидеров российско-китайские отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающие в новую эпоху, достигли беспрецедентно высокого уровня и продолжают поступательно развиваться [10]. Между двумя странами часто проводятся визиты на высшем и высоком уровне, проходят регулярные встречи парламентских комитетов по сотрудничеству и действуют многообразные механизмы для обменов и сотрудничества в области энергетики, инвестиций, гуманитарных наук, торгово-экономического сотрудничества, стратегической безопасности, правоохранительной деятельности и безопасности. Стороны углубили взаимное политическое доверие и твердо поддерживают друг друга в вопросах суверенитета, безопасности, развития и других основных интересов.

Несмотря на недостаточно динамичное развитие китайско-индийских отношений, страны постоянно прикладывают усилия по корректровке и гармонизации своих позиций. Стороны продолжают вести переговоры и диалог по пограничным и территориальным вопросам, и, хотя в последние годы на границе между двумя сторонами произошел ряд столкновений, они не переросли в масштабные конфликты военного характера, а противоречия в отношениях между двумя странами остались управляемыми. Структурные противоречия китайско-индийских отношений в политической сфере не мешают тесному сотрудничеству и обменам двух стран в различных областях.

Таким образом, политико-экономическое развитие «Стратегического треугольника» Китай – Россия – Индия – это отношения равноправного и взаимовыгодного сотрудничества, основанные на общей стратегической ориентации и общих интересах безопасности. Сотрудничество в рамках РИК предполагает системную работу, направленную на создание механизмов трехстороннего взаимодействия. Для развития трехстороннего партнерства необходимо не только продолжать укреплять создание институтов и инструментов, но и поддерживать широкий спектр направлений сотрудничества между тремя сторонами в рамках международных механизмов. Китай, Россия и Индия должны продолжать укреплять свою роль в таких международных механизмах, как ШОС, БРИКС и G20, и расширять координацию и взаимодействие в различных областях. Лидеры Китая, России и Индии могут использовать данные международные площадки для проведения регулярных встреч и продвижения трансформации и модернизации механизмов трехстороннего сотрудничества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Большая евразийская «тройка». Главы МИД России, Индии и Китая подняли РИК на новый уровень // ТАСС. – 27.02.2019. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6167539> (дата обращения: 07.03.2025).
2. 中华人民共和国、俄罗斯联邦、印度共和国外长第十八次会晤联合公报(全文) = Совместное коммюнике восемнадцатого совещания министров иностранных дел Китайской Народной Республики, Российской Федерации и Республики Индия (полный

текст) // Центральное народное правительство КНР. – 27.11.2021. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-11/27/content_5653707.htm (дата обращения: 02.02.2025).

3. 中华人民共和国与俄罗斯联邦关于丝绸之路经济带建设和欧亚经济联盟建设对接合作的联合声明(全文) = Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути (полный текст) // Министерство иностранных дел КНР. – 09.05.2015. – URL: https://www.mfa.gov.cn/ziliao_674904/zt_674979/ywzt_675099/2015nzt/xjpcxelsjl_675013/zxxx_675015/201505/t20150509_7951328.shtml (дата обращения: 13.02.2025).

4. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны // Евразийская экономическая комиссия. – URL: <https://eec.eaeunion.org/commission/departments/dotp/torgovye-soglasheniya/china.php> (дата обращения: 13.02.2025).

5. Распоряжение коллегии Евразийской экономической комиссии от 26 октября 2021 г. № 175 «Об утверждении перечня евразийских транспортных коридоров и маршрутов» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&po=F42100330> (дата обращения: 13.02.2025).

6. Стратегическое партнерство с Индией // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/dvustoronnie-otnosenij-rossii-s-inostrannymi-gosudarstvami/strategiceskoe-partnerstvo-s-indiej/ (дата обращения: 13.02.2025).

7. Россия в 2023 году удвоила поставку нефти в Индию: дисбаланс в торговле колоссальный // Нефть и Капитал. – 14.03.2024. – URL: <https://oilcapital.ru/news/2024-03-14/rossiya-v-2023-godu-udvoila-postavku-nefti-v-indiyu-disbalans-v-torgovle-kolossalnyu-5025037> (дата обращения: 16.02.2025).

8. Экспорт российской нефти в Индию в июне достиг рекордных 1,6 млн б/с // Коммерсантъ. – 03.07.2024. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6805950> (дата обращения: 16.02.2025).

9. 中华人民共和国和俄罗斯联邦关于发展新时代全面战略协作伙伴关系的联合声明(全文) = Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Министерство иностранных дел КНР. – 06.06.2019. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679110/1207_679122/201906/t20190606_9337173.shtml (дата обращения: 08.03.2025).

10. 中俄总理第二十九次定期会晤联合公报(全文) = Совместное коммюнике по итогам двадцать девятой регулярной встречи глав правительств России и Китая // Министерство иностранных дел КНР. – 22.08.2024. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679110/1207_679122/202408/t20240822_11477753.shtml (дата обращения: 08.03.2025).

ЗИМБАБВЕ И КИТАЙ: ОБРАЗЕЦ КИТАЙСКО-АФРИКАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Ань Нань

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ann21471@gmail.com*

В статье рассматривается дружественное сотрудничество между Китаем и Зимбабве. Основное внимание уделяется многоуровневому сотрудничеству между двумя странами в политической, экономической и гуманитарной сферах. В статье раскрывается важность китайско-зимбабвийского сотрудничества во внешней политике Китая и ключевая роль, которую оно играет в продвижении влияния Китая в субрегионе Юга Африки. В статье делается вывод о том, что отношения между Китаем и Зимбабве представляют собой успешный пример сотрудничества между Китаем и Африкой, которое будет углубляться в будущем.

Ключевые слова: Зимбабве; Китай; Китайско-африканское сотрудничество; Инициатива «Один пояс, один путь»; Страны Юга Африки.

ZIMBABWE AND CHINA: A MODEL OF CHINA-AFRICA COOPERATION

An Nan

*Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, ann21471@gmail.com*

The article examines the friendly co-operation between China and Zimbabwe. The focus is on the multi-layered cooperation between the two countries in the political, economic and humanitarian spheres. The article reveals the importance of China-Zimbabwe co-operation in China's foreign policy and the key role it plays in promoting China's influence in the Southern African sub-region. The article concludes that China-Zimbabwe relations represent a successful example of China-Africa co-operation that will deepen in the future.

Keywords: Zimbabwe; China; China-Africa cooperation; Belt and Road initiative; Southern African States.

Зимбабве, являясь влиятельной страной в субрегионе Юга Африки, занимает важное место в партнерстве Китая с Африкой. С момента установления дипломатических отношений в 1980 г. китайско-зимбабвийские отношения неуклонно углублялись и стали образцом дружественного сотрудничества между Китаем и Африкой.

В последние годы в рамках Форума Китай–Африка и инициативы «Один пояс, один путь» отношения Китая и Зимбабве вступили в новую фазу развития, что особенно проявилось в 2018 г., когда две страны подняли двусторонние отношения до уровня всеобъемлющего стратегического партнерства. В сентябре 2018 г. Китай и Зимбабве подписали соглашение о сотрудничестве в рамках инициативы «Один пояс, один путь», что не

только способствовало точному согласованию и органичному объединению стратегий двух стран, но и создало прочную основу для дальнейшего сотрудничества в таких областях, как политическая координация, инфраструктурные проекты, торговля, финансовое взаимодействие и межличностные связи, открывая большие возможности для социально-экономического развития двух стран. В 2024 г. Китай и Зимбабве вновь выпустили совместное заявление, которое еще больше укрепило основы сотрудничества и углубило всеобъемлющее стратегическое партнерство [1].

С точки зрения политических взаимоотношений, отношения между Китаем и Зимбабве имеют прочную основу: между двумя странами отсутствуют исторические противоречия, и с момента установления дипломатических отношений в 1980 г. двусторонние политические связи стабильно развиваются. Обе страны регулярно обмениваются визитами на высоком уровне и оказывают поддержку друг другу по различным вопросам. Зимбабве неизменно поддерживает позицию Китая, особенно по ключевым вопросам, таким как Тайвань, Синьцзян и Южно-Китайское море, и придерживается принципа «одного Китая». В свою очередь, Китай в процессе выстраивания отношений с Зимбабве последовательно следует принципу невмешательства во внутренние дела и в 2008 г. воспользовался правом вето в Совете Безопасности ООН, отклонив предложенную США резолюцию о введении санкций против Зимбабве [2]. Это подчеркивает неизменную поддержку Китая в защите основных интересов Зимбабве. Политическое доверие между двумя странами стало основой для дальнейшего углубления сотрудничества.

Что касается экономического сотрудничества, то, с тех пор как Зимбабве подверглась санкциям со стороны западных стран и стала проводить политику «Смотри на Восток», Китай стал одной из немногих стран, которые всесторонне развивали экономические и торговые отношения с Зимбабве, сыграв решающую роль в поддержке экономического развития этой страны. С 2011 г. объем китайских инвестиций в Зимбабве значительно увеличился, что позволило решить давнюю проблему недостаточного инвестирования и оказать важную экономическую поддержку, особенно в таких областях, как строительство инфраструктуры, развитие энергетики и разработка полезных ископаемых. В сфере торговли объем товарооборота между двумя странами демонстрирует устойчивый рост. По данным Таможенной службы Китая, с 2021 г. объем торговли между Китаем и Зимбабве ежегодно увеличивается в среднем более чем на 30 %, в 2022 г. он превысил 2 млрд дол. США, а в 2023 г. достиг 3,122 млрд дол. США [3].

Кроме того, сотрудничество в таких сферах, как культура, образование, наука и техника, а также здравоохранение, достигло значительного прогресса в процессе углубления двусторонних отношений. Например, Институт Конфуция при Университете Зимбабве, основанный в 2006 г., стал одним из первых Институты Конфуция, созданных в Африке [4]. Создание этого института внесло важный вклад в развитие гуманитарно-

го сотрудничества между двумя странами. С расширением политического и экономического сотрудничества обмена между странами выходят за рамки официальных контактов, и гуманитарные контакты становятся все более активными. Особенно это касается китайской диаспоры в Зимбабве, которая сыграла значительную роль в расширении масштабов и углублении гуманитарных связей. Такое разностороннее сотрудничество не только способствует дальнейшему развитию политических и экономических отношений, но и укрепляет общественную поддержку дружественных связей между народами двух стран.

Зимбабве, как влиятельная страна южноафриканского субрегиона, занимает важное место также во внешнеполитической стратегии Китая. С точки зрения двусторонних отношений углубление сотрудничества с Зимбабве не только способствует защите суверенитета и экономических интересов Китая, но и обеспечивает политические гарантии сотрудничества между двумя странами во многих сферах. Зимбабве всегда твердо поддерживала позицию Китая в международных делах и разделяет с Китаем многие схожие концепции политического развития, что заложило прочную основу для углубления двусторонних отношений.

Кроме того, нельзя игнорировать роль Зимбабве в содействии экономическому развитию Китая. С одной стороны, богатые минеральные ресурсы Зимбабве, особенно стратегические, такие как феррохром, помогут укрепить разнообразие поставок ресурсов за рубеж и снизить зависимость Китая от одного источника; с другой стороны, с углубленным продвижением инициативы «Один пояс, один путь» китайско-зимбабвийские отношения экономического сотрудничества будут продолжать углубляться. Зимбабве в настоящее время переживает период социально-экономических преобразований, обладает огромным потенциалом развития и, как ожидается, в будущем станет важнейшим торговым партнером Китая, местом заключения инженерных контрактов и экспорта рабочей силы в регионе Южной Африки, за исключением ЮАР. В общем, ожидается, что Зимбабве станет основным партнером Китая в субрегионе Юга Африки по мере дальнейшего развития инициативы «Один пояс, один путь».

На субрегиональном уровне развитие дружественных отношений с Зимбабве поможет Китаю содействовать углубленному развитию отношений с странами Юга Африки и дальнейшему укреплению своего влияния в субрегионе. Зимбабве имеет большее влияние на дела всего субрегиона, и ее поддержка незаменима для сотрудничества Китая со странами Юга Африки.

Таким образом, с момента установления дипломатических отношений между Китаем и Зимбабве, и особенно с момента установления всеобъемлющего стратегического партнерства, отношения между странами сохраняют мощный импульс развития, обе стороны сотрудничают во многих областях, включая политическое, экономическое и гуманитарное сотрудничество, и достигли консенсуса по ряду важнейших международных вопросов. Ожидается, что в будущем китайско-зимбабвийские отно-

шения продолжают развиваться и станут важной моделью китайско-африканского сотрудничества, а также будут способствовать дальнейшему укреплению дипломатического и экономического влияния Китая в субрегионе Юга Африки и во всем мире.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. 中华人民共和国和津巴布韦共和国关于深化和提升全面战略合作伙伴关系、构建高水平中津命运共同体的联合声明 = Совместная декларация Китайской Народной Республики и Республики Зимбабве об углублении и расширении всеобъемлющего стратегического партнерства и создании Сообщества судьбы высокого уровня между Китаем и Зимбабве // 中国外交部 = Министерство иностранных дел КНР. – 04.09.2024. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/fz_677316/1206_677824/1207_677836/202409/t20240904_11484698.shtml (дата обращения: 03.03.2025).
2. 外交部发言人就安理会制裁津巴布韦决议草案答问 = Ответ представителя МИД КНР на вопрос о проекте резолюции Совбеза ООН по санкциям в отношении Зимбабве // 中国政府网 = Правительство КНР. – 12.07.2008. – URL: https://www.gov.cn/xwfb/2008-07/12/content_1043038.htm (дата обращения: 03.03.2025).
3. 2023年中国 - 津巴布韦经贸合作简况 = Краткая информация об экономическом и торговом сотрудничестве между Китаем и Зимбабве, 2023 г. // 中华人民共和国商务部 = Министерство торговли КНР. – 14.03.2024. – URL: https://zimbabwe.mofcom.gov.cn/sbhz/hzjj/art/2024/art_923d8122659e4f499323d63cf1c1af75.html (дата обращения: 01.03.2025).
4. 驻津大使签署津巴布韦大学孔子学院成立协议 = Посол в Зимбабве подписал соглашение о создании Института Конфуция при Университете Зимбабве // 中国政府网 = Центральное народное правительство КНР. – URL: https://www.gov.cn/gzdt/2006-09/01/content_375439.htm (дата обращения: 02.03.2025).

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ В 1950–2001 гг. ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КИТАЙСКО-АФГАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Ван Ифу

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, vesselness@gmail.com*

Политические отношения КНР и Афганистана после 1950 г. прошли через несколько ключевых этапов. Модель взаимодействия между государствами отражала основные принципы и стратегические цели внешней политики Китая. В статье рассматриваются особенности внешней политики Китая с точки зрения политических отношений Китая и Афганистана. В период с 1950 по 2001 гг. политика Китая в отношении Афганистана претерпела эволюцию модели «холодной войны» и геостратегическую корректировку, сформировав модель взаимодействия, основанную на принципах мирного сосуществования и невмешательства во внутренние дела, характеризовалась гибкостью и прагматизмом в соответствии с международной ситуацией. Эти особенности отражали общий переход внешней политики КНР от революционной дипломатии к мультилатерализму.

Ключевые слова: Афганистан; внешняя политика; КНР; международные отношения; мирное сосуществование; многостороннее сотрудничество.

DISTINCTIVE FEATURES OF CHINA'S FOREIGN POLICY IN 1950–2001 THROUGH THE PRISM OF CHINA-AFGHANISTAN RELATIONS

Wang Yifu

*Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, vesselness@gmail.com*

PRC-Afghanistan political relations after 1950 went through several key stages. The pattern of interaction between the states reflected the basic principles and strategic goals of China's foreign policy. This article examines the features of China's foreign policy from the perspective of China-Afghanistan political relations. From 1950 to 2001, China's policy towards Afghanistan underwent the evolution of the Cold War model and geostrategic adjustment, forming a model of interaction based on the principles of peaceful coexistence and non-interference in internal affairs, characterised by flexibility and pragmatism in accordance with the international situation. These features reflected the general transition of PRC foreign policy from revolutionary diplomacy to multilateralism.

Keywords: Afghanistan; foreign policy; PRC; international relations; peaceful coexistence; multilateral cooperation.

После образования Китайской Народной Республики в 1949 г. Афганистан в январе 1950 г. признал новый Китай и разорвал отношения с тайваньскими властями. После нескольких раундов консультаций Китай и Афганистан официально установили дипломатические отношения

в январе 1955 г., определив пять принципов мирного сосуществования в качестве основы двусторонних отношений. В 1957 г. Чжоу Эньлай и премьер-министр Афганистана М. Дауд осуществили первый обмен визитами глав правительств двух стран [1]. Кроме того, Афганистан неоднократно поддерживал Китай в вопросах Корейской войны, тайваньского вопроса («принцип одного Китая»), восстановления законного места КНР в ООН и других вопросах [2, с. 323].

Некоторые сложные вопросы двусторонних отношений имели исторический характер и остались «в наследство» от предыдущих режимов. Так, решив вопрос с афганскими мигрантами в Синьцзяне, две страны сосредоточились на урегулировании пограничного спора. Происхождение пограничного вопроса между Китаем и Афганистаном было тесно связано еще с вторжением Великобритании и России в Памирский регион Китая в 1870-х гг. В 1960 г. китайская сторона попыталась возобновить пограничные переговоры, но не получила ответа. В начале 1960-х гг., под влиянием улучшения отношений между Китаем и Пакистаном и китайско-индийской пограничной войны, отношение Афганистана изменилось в надежде обеспечить территориальную безопасность и сбалансировать региональную дипломатию путем мирных консультаций. 22 ноября 1963 г. Китайская Народная Республика и Королевство Афганистан подписали в Пекине Договор о границе [3], а 24 марта 1965 г. – пограничный протокол, которые ознаменовали окончательное урегулирование пограничного вопроса между Китаем и Афганистаном и устранили препятствия для отношений между двумя странами [4].

Начиная с 1970 г., Китай предпринимал шаги по активизации двустороннего взаимодействия, уважая политику мира и нейтралитета, проводимую Афганистаном, тем самым позволив афганскому правительству развеять сомнения, что привело к улучшению китайско-афганских отношений. Афганистан неоднократно выражал поддержку КНР на мировой арене, в частности, твердо поддерживал восстановление законного места КНР в ООН. В 1971 г. Афганистан не только поддержал предложение Албании и 22 других стран о восстановлении законных прав КНР в ООН, но и проголосовал против предложения США и Японии о принятии КНР в ООН при сохранении представительства тайваньских властей, тем самым внося важный вклад в восстановление законного места КНР в организации (соответствующее решение об этом было принято Генеральной Ассамблеей ООН 25 октября 1971 г.) [5].

Политические трансформации в Афганистане в 1970-х гг. повлияли на развитие двусторонних отношений: в 1973 г. произошел государственный переворот М. Дауда и провозглашение республики, а в 1978 г. Народно-демократическая партия Афганистана захватила власть. Китай последовательно признал новые режимы, однако, хотя правительство М. Тараки заявило, что дружественно относится к Китаю, на деле Афганистан развивал отношения, прежде всего, с Советским Союзом. С 1979 г. афганские власти открыто выступали против Китая, ложно обвиняя Китай в «агрес-

сии против Вьетнама» и «вмешательстве во внутренние дела» [6, с. 217]. Столкнувшись с подобными заявлениями, Китай проявлял сдержанность и сохранил основные рамки дипломатических отношений. В этот период китайско-афганские отношения усложнились, поскольку подверглись двойному воздействию – со стороны советского фактора и смены режима в Афганистане.

Поскольку ввод советских войск в Афганистан серьезно повлиял на безопасность соседних с Китаем стран, хотя Китай и Афганистан не сделали официального заявления о разрыве дипломатических отношений, китайское правительство не признало правительство Б. Кармаля, что на некоторое время привело к блокированию контактов между двумя странами. В 1989 г. под давлением международного сообщества Советский Союз вывел свои войска из Афганистана. Однако и после вывода советских войск правительство КНР не поддерживало официальные связи с Афганистаном, а гражданские обмены между двумя странами были скудными.

В первой половине 1990-х гг. правительство КНР последовательно выступало за урегулирование афганской проблемы путем мирных переговоров и достижение национального примирения. Так, 30 апреля 1992 г. официальный представитель Министерства иностранных дел КНР выразил поддержку значительной роли ООН в афганском вопросе и призвал все стороны провести консультации для достижения мирного урегулирования [7, с. 461]. 29 января 1993 г. официальный представитель Министерства иностранных дел КНР вновь подтвердил эту позицию, призвав стороны конфликта в Афганистане как можно скорее прекратить огонь и добиться примирения [8, с. 75].

С 1994 г. в Афганистане набирало силу движение талибов, которые установили контроль над большей частью территории Афганистана в сентябре 1996 г. 29 октября 1997 г. было объявлено о создании «Исламского эмирата Афганистан». В этот период Китай в силу соседства с режимом «Талибана» страдал от религиозного экстремизма и распространения наркотиков. Так, было известно, что в феврале 2001 г. Усама бен Ладен обсуждал с высокопоставленными талибами обучение террористов «Восточного Туркестана», что усугубило угрозу региональной безопасности. В связи с этим Китай не признавал Исламский эмират Афганистан при режиме талибов, был обеспокоен ситуацией в Афганистане и поддерживал урегулирование афганской проблемы путем консультаций в рамках ООН [9].

Таким образом, в рассматриваемый период можно выделить следующие этапы развития политических отношений КНР и Афганистана.

Первый этап (1950–1963 гг.) характеризовался признанием со стороны афганского правительства КНР и началом первоначального взаимодействия. Официальное установление дипломатических отношений между Китаем и Афганистаном в 1955 г. стало полноценной отправной точкой двусторонних отношений. 22 ноября 1963 г. Китайская Народная Республика и Королевство Афганистан подписали в Пекине Договор о границе.

Второй этап (1963–1979 гг.) можно охарактеризовать как стратегический баланс в условиях китайско-советского раскола. После ухудшения китайско-советских отношений Афганистан стал точкой соперничества между двумя сторонами.

Третий этап (1979–1989 гг.) отражал китайское понимание противодействия гегемонизму и вмешательству СССР во внутренние дела Афганистана. Китай осудил ввод советских войск в Афганистан, был солидарен с международным сообществом для оказания давления на СССР. Отношения с афганским правительством на данном этапе не развивались.

Четвертый этап (1989–2001 гг.) происходил на фоне осторожной реконструкции международных отношений после окончания «холодной войны». После вывода советских войск Афганистан погрузился в гражданскую войну. Китай настаивал на невмешательстве во внутренние дела, отказался выбирать сторону между различными фракциями и призывал к урегулированию афганского вопроса в рамках ООН.

Судя по истории развития китайско-афганских отношений во второй половине XX в., они являлись отражением потребностей национальной безопасности КНР. Политика КНР в отношении Афганистана отталкивалась от принципов мирного сосуществования, суверенного равенства, невмешательства во внутренние дела и контргегемонии (в контексте советско-китайских отношений), но вместе с тем подвергалась корректировке в соответствии с изменениями в системе международных отношений. Эта эволюционная траектория отражала переход Китая от революционной дипломатии к прагматичному мультилатерализму, а также баланс между проблемами геополитики и безопасности, с одной стороны, и моральными принципами, с другой. Понимание этих особенностей политики КНР в отношении Афганистана является важной эмпирической основой для углубления сотрудничества между двумя странами в XXI в.

Из истории отношений Китая и Афганистана очевидно, что внешняя политика Китая в рассматриваемый период имела следующие отличительные особенности:

- сочетание принципиальности и гибкости: придерживаясь таких принципов, как «невмешательство во внутренние дела», КНР одновременно гибко корректировала внешнеполитическую стратегию для реагирования на сложные ситуации;

- совместное продвижение безопасности и развития: тесная интеграция вопросов геополитической безопасности и экономического сотрудничества для формирования логики «содействия безопасности посредством развития»;

- инструментализация мультилатерализма: умение использовать многосторонние платформы, такие как ООН, для снижения рисков односторонних действий;

- долгосрочное стратегическое видение: правительство КНР стремилось избегать влияния краткосрочных кризисов и сосредотачивало внимание на долгосрочном развитии.

Указанные особенности не только отражались в 1950–2001 гг. в отношениях между Китаем и Афганистаном, но и являлись воплощением общей внешнеполитической стратегии КНР, особенно в отношениях с соседними и развивающимися странами.

В то же время добрососедство и дружба всегда были важным краеугольным камнем укрепления и развития двусторонних отношений. После провозглашения Китайской Народной Республики Китай неуклонно придерживался политики добрососедства и дружбы, что позволило китайско-афганским отношениям в 1950–2001 гг. пройти испытание различными вызовами и трудностями, прежде чем, наконец, заложить прочную основу для сотрудничества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. 关于访问亚洲和欧洲十一国的报告 - 1957年3月5日在中国人民政治协商会议 = Отчет о посещениях одиннадцати стран Азии и Европы 5 марта 1957 г. на Народном политическом консультативном совете Китая // 中国人民政治协商会议全国委员会 = Национальный комитет Народного политического консультативного совета Китая. – URL: <http://www.cprcc.gov.cn/2011/10/09/ART11318142720595774.shtml> (дата обращения: 21.02.2025)

2. 钮松, 胡丹妮. 博弈1971: 恢复联合国合法席位与中国中东建交新突破的双向互动 = Игра 1971 года: Двустороннее взаимодействие между восстановлением законного места пребывания Организации Объединенных Наций и новым прорывом в установлении дипломатических отношений между Китаем и Ближним Востоком / 钮松, 胡丹妮 = Ниу Сонг, Ху Данни // 复旦大学国际关系评论 = Обзор международных отношений, Университет Фудань. – 2024. – № 34. – С. 300–329.

3. 中华人民共和国和阿富汗王国边界条约 = Договор о границе между Китайской Народной Республикой и Королевством Афганистан // 中华人民共和国外交部 = Министерство иностранных дел КНР. – URL: <https://treaty.mfa.gov.cn/web/detail1.jsp?objid=1531876411900> (дата обращения: 21.02.2025)

4. 中华人民共和国政府和阿富汗王国政府关于两国边界的议定书 = Протокол между Правительством Китайской Народной Республики и Королевским правительством Афганистана о границе между двумя странами // 中华人民共和国外交部 = Министерство иностранных дел КНР. – URL: <https://treaty.mfa.gov.cn/Treaty/web/detail1.jsp?objid=1531876429469> (дата обращения: 21.02.2025)

5. Восстановление законных прав Китайкой Народной Республики в Организации Объединенных Наций: док. ООН A/RES/2758(XXVI), 25 окт. 1971 г. // Цифровая библиотека ООН. – <https://digitallibrary.un.org/record/192054> (дата обращения: 21.02.2025)

6. 魏敏. 中国和阿富汗关系:70年发展与前景 = Вэй Минь. Китайско-афганские отношения: 70 лет развития и перспективы / 魏敏 = Вэй Минь // 中国与周边国家关系研究 = Исследования отношений Китая с соседними странами. – 2022. – Т. 1, № 1. – С. 215–231.

7. 1992年4月30日, 中国外交部发言人回答记者提问. = Пресс-секретарь Министерства иностранных дел Китая, отвечая на вопросы журналистов 30 апреля 1992 г. // Бюллетень Государственного совета Китайской Народной Республики. – URL: <https://www.gov.cn/gongbao/shuju/1992/gwyb199213.pdf> (дата обращения: 11.03.2025)

8. 1993年2月3日, 中国外交部发言人回答记者提问 = Пресс-секретарь Министерства иностранных дел Китая, отвечая на вопросы журналистов 3 февраля 1993 г. // Бюллетень Государственного совета Китайской Народной Республики. – URL: <https://www.gov.cn/gongbao/shuju/1993/gwyb199302.pdf> (дата обращения: 12.03.2025)

9. 为执行联合国安理会第 1267 和 1333 号决议而对个人和实体实施金融制裁的通知 = Уведомление о финансовых санкциях в отношении физических и юридических лиц в рамках выполнения резолюций 1267 и 1333 СБ ООН // Правительство КНР. – URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2002/content_61464.htm (дата обращения: 12.03.2025).

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ ФРАНЦИИ И ВЬЕТНАМА В XXI в.

С. Ф. Свилас¹⁾, О. С. Никонович²⁾

¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости 4, 220030, г. Минск, Беларусь, svilas@bsu.by

²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В статье раскрыты исторические предпосылки и условия политического взаимодействия между Парижем и Ханоем, его цели, содержание, уровни, результаты и перспективы. Подчеркнута роль отдельных политических лидеров и дипломатов двух стран, особое значение глобальных (ООН) и региональных (Европейского союза и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии) межправительственных организаций, других площадок (форум «Азия – Европа», Международная организация франкоязычных стран; двухсторонняя Комиссия по сотрудничеству в военной области; двухсторонняя Конференция по нецентрализованному сотрудничеству) в достижении уровня всеобъемлющего стратегического партнерства. Вьетнам стал важнейшим партнером Франции в Юго-Восточной Азии, а Франция – важнейшим европейским партнером Вьетнама.

Ключевые слова: Франция; Вьетнам; межгосударственный политический диалог; Европейский союз; Ассоциация государств Юго-Восточной Азии; форум «Азия–Европа»; всеобъемлющее стратегическое сотрудничество; двухстороннее децентрализованное сотрудничество.

POLITICAL DIALOGUE BETWEEN FRANCE AND VIETNAM IN THE 21st CENTURY

S. Svilas^a, O. Nikonovich^b

^a Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, svilas@bsu.by

^b Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The authors of the article reveal the historical background and conditions of political interaction between Paris and Hanoi, its goals, content, levels, results and prospects. The article highlights the role of individual political leaders and diplomats of the two countries, and their special importance in achieving a comprehensive strategic partnership between global (UN) and regional (European Union and Association of Southeast Asian Nations) intergovernmental organizations and other platforms (Asia-Europe Forum, International Organization of la Francophonie; bilateral Commission for Cooperation in military field; a bilateral Conference on non-centralized cooperation, etc.). Vietnam has become France's most important partner in Southeast Asia, and France is Vietnam's most important partner in Europe.

Keywords: France; Vietnam; interstate political dialogue; European Union; Association of Southeast Asian Nations; Asia-Europe Forum; comprehensive strategic cooperation; bilateral decentralized cooperation.

Французскую Республику и Вьетнам связывают почти полтора столетия общей истории. За это время связи между метрополией и колонией переросли в отношения равноправных партнеров. Формула президента Хо Ши Мина «Нет ничего дороже независимости и свободы!» перекликается со словами генерала де Голля, произнесенными 22 июня 1940 г., в трагический день Второго компьенского перемирия: «Да здравствует свободная и независимая Франция!» [1].

Франция – один из основателей ЕС, важнейший партнер Вьетнама в Европе, а Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ), активный участник Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), рассматривается Парижем как «ворота» в эту авторитетную международную организацию. Потерпев поражение в индокитайской войне (1946–1954 гг.), Франция делает ставку на Вьетнам как приоритет и плацдарм во взаимодействии с другими государствами Юго-Восточной Азии, всего Азиатско-Тихоокеанского региона. Французское правительство осуждало агрессию США во Вьетнаме (1955–1975 гг.), а президент де Голль мечтал видеть бывшую французскую колонию «независимым, мирным и единым, живущим в согласии с соседними странами» государством [2].

К активному взаимодействию Париж и Ханой приступили только через два десятилетия после установления дипломатических отношений. Очевидный вклад в этот процесс внес французский президент Ф. Миттеран, посетивший Вьетнам с официальным визитом (1993 г.). С другой стороны, ко времени визита СРВ добилась очевидных результатов в политике «обновления», «открытости и интеграции в международное сообщество».

С марта 1996 г. начинается история международной организации АСЕМ (форум «Азия – Европа»), созданной по инициативе Франции и Сингапура. Эта многосторонняя платформа стала механизмом для укрепления двухстороннего взаимопонимания и интенсификации сотрудничества прежде всего в таких сферах как экономика и безопасность [3].

Французская дипломатия неоднократно подчеркивала верность принципу взаимной выгоды в межгосударственных отношениях. Так, посол Жан Нугареда в 2004 г. напомнил о помощи его государства Вьетнаму в развитии «прекрасных отношений» с Европой. Вьетнам же оказывал помощь Франции в ее стремлении «занять достойное место в Азии», сыграл роль «трамплина для возвращения Франции в Азию» [4]. Президент Франции в 1995–2007 гг. Жак Ширак во время визитов во Вьетнам выражал уверенность, что «два народа соединяют прочные нити, несмотря на разногласия и географическую удаленность». Признавая «тяжелый груз прошлого», он оптимистично оценивал перспективы развития «равноправного партнерства и теплой дружбы»: «Франция всегда рядом с Вьетнамом, помогает Вьетнаму в модернизации экономических, политических и социальных механизмов» [5, с. 126].

Премьер-министры Жан-Марк Эро и Нгуен Тан Зунг выступили 25 сентября 2013 г. с совместным Заявлением об установлении отноше-

ний стратегического партнерства между двумя государствами, которое предусматривало:

- регулярный обмен мнениями по региональным и международным вопросам: выделялись такие его механизмы, как встречи на высоком уровне, диалоги между министерствами, обмен парламентскими делегациями, «Конференция по нецентрализованному сотрудничеству», ассоциации, неправительственные организации;

- развитие отношений ЕС – Вьетнам, прежде всего на базе рамочного Соглашения о партнерстве и всестороннем сотрудничестве; поддержку соглашения о свободной торговле между ними (оно вступило в силу в 2020 г.);

- укрепление взаимодействия на таких платформах, как «ООН, ЮНЕСКО, АСЕМ, Международная организация Франкофонии»;

- активизацию диалога ЕС – АСЕАН, поддержку Францией проектов развития субрегионов (прежде всего, Большого Меконга);

- усиление сотрудничества по правовым вопросам;

- расширение обмена делегациями различных уровней, особенно в военной сфере;

- противодействие распространению оружия массового поражения, поддержку расширения состава участников Договора о безъядерном статусе Юго-Восточной Азии;

- борьбу с такими явлениями, как «террор, незаконная миграция, торговля людьми, продажа оружия, поддельных товаров, наркотиков, связанное с вышеназванными действиями отмывание денег, информационные преступления»;

- приоритетное сотрудничество в «стратегически важных для Вьетнама областях»; к ним были отнесены «энергетика, авиационная и космическая промышленность, коммуникации, охрана окружающей среды и устойчивое развитие, банки, информационные технологии, сельское хозяйство, производство продуктов питания»;

- усиление координации и взаимопомощи в ВТО, Всемирном банке, Международном валютном фонде, региональных специализированных организациях;

- продвижение Вьетнамом, в первую очередь, направлений, финансово поддерживаемых Францией (сельское хозяйство, инфраструктура, промышленные регионы, окружающая среда, возобновляемые источники энергии);

- развитие диалога цивилизаций и культур на таких платформах, как культурные центры;

- согласование усилий по оказанию помощи в преподавании национальных языков; расширение гуманитарных обменов;

- дальнейшее развитие сотрудничества в области высшего образования и научных исследований [6].

Этот программный документ стал бесспорным шагом вперед в отношениях между Парижем и Ханоем. Важно отметить продолжение «Стра-

тегического диалога по безопасности и национальной обороне», «Диалога на высоком уровне по экономическим вопросам» [7, с. 77].

Быстрому развитию француско-вьетнамских отношений в XXI в. способствовали такие факторы, как завершение эпохи «холодной войны», кардинальные изменения во внутренней и внешней стратегии Вьетнама, поддержка обоими государствами тенденции к многополярному мироустройству и международного сотрудничества на принципах уважения, равенства, взаимной выгоды и доверия.

Франция и Вьетнам эффективно используют такую форму взаимодействия, как обмен делегациями различного уровня и формата. Как уже отмечалось, Франция стала первым государством Запада, глава которого посетил Вьетнам с официальным визитом (1993 г.). Преемник Ф. Миттерана, Ж. Ширак, прибыл в Ханой спустя четыре года после этого события, и участвовал в 7-м саммите франкоязычных стран. Он заявил, что между двумя народами сложились прочные связи, несмотря на «конфронтацию и географическую удаленность». Второй официальный визит Ж. Ширака состоялся в 2004 г., во время 5-го саммита форума «Азия–Европа» (ASEM 5). Он дал высокую оценку результатам реформ, проводимых в стране, и отметил «замечательный прогресс, которого Вьетнам достиг за очень короткое время»: административная реформа и политика открытых дверей создали условия для реализации потенциальных ресурсов страны; Франция полностью уверена в способности Ханоя добиться успеха в новый период своей истории, интегрироваться в мировые тенденции, сохраняя при этом собственную идентичность [8].

Во время визита генерального секретаря КПВ (2001–2011 гг.) Нонг Дык Маня (2005 г.) президент Ж. Ширак подтвердил, что «Франция всегда стоит бок о бок с Вьетнамом и продолжает помогать Вьетнаму модернизировать его экономические, политические и социальные институты». Взаимодействие Парижа и Ханоя Жак Ширак (его семья удочерила вьетнамскую девочку) охарактеризовал как «историческое и образцовое», основанное на общих ценностях. В 2006 г. посол Франции во Вьетнаме Жан-Франсуа Бларель констатировал в интервью вьетнамской прессе, что Париж и Ханой установили долгосрочные отношения сотрудничества, заложив основу для устойчивого партнерства [8].

Визит во Вьетнам накануне председательства этой страны в АСЕАН (2010 г.) премьер-министра Франсуа Фийона (ноябрь 2009 г.) подтвердил статус Вьетнама как привилегированного партнера Франции в Юго-Восточной Азии. В том же году Вьетнам посетил министр обороны Эрве Морен [9]. Визит делегации французских сенаторов (октябрь 2010 г.) состоялся накануне важного события – съезда Коммунистической партии Вьетнама (январь 2011 г.), который приводит к обновлению состава основных партийных и государственных должностных лиц [10].

Особенно продуктивным стал визит президента Франции (2012–2017 гг.) Франсуа Олланда (2016 г.): было подписано около двух десятков документов о сотрудничестве [11]. Премьер-министр (2017–2020 гг.) Эду-

ар Филипп посетил Вьетнам с целью укрепления 45-летних дипломатических отношений между двумя странами, а также 5-летнего стратегического партнерства в 2018 г. Делегация в составе трех министров, выборных должностных лиц и представителей бизнеса обсудила такие вопросы, как углубление стратегических отношений, развитие экономического и торгового партнерства, укрепление связей между народами. Эдуар Филипп заявил: «Теперь мы должны пойти дальше, чтобы Вьетнам стал эталонным партнером Франции в Юго-Восточной Азии, а Франция стала эталонным партнером Вьетнама в Европе» [12]. Ответом стратегического партнера на этот призыв стало участие председателя Вьетнамской национальной ассамблеи Нгуен Тхи Ким Нгана в Конференции по децентрализованному сотрудничеству Франция-Вьетнам (2019 г.), а также визит постоянного члена Секретариата ЦК КПВ Чан Куок Выонга (2020 г.) [13; 14].

Среди вьетнамских руководителей, посетивших Францию с официальными визитами, – генеральные секретари ЦК КПВ в разные годы Ле Кха Фиеу (2000 г.), Нонг Дык Мань (2005 г.), Нгуен Фу Чонг (2018 г.); президенты Ле Дык Ань (1995 г.), Чан Дык Лыонг (2002 г.), премьер-министры Во Ван Киет (1993 г.), Нгуен Тан Зунг (2007, 2013, 2015 гг.) [9]. Официальный визит премьер-министра Фам Минь Тиня во Францию в ноябре 2021 г. означал возобновление отношений на высоком уровне в регулярном режиме, прерванном во время пандемии [15].

Стратегическое партнерство, установленное в 2013 г., позволило систематизировать визиты, обмены, интервью, а десятая годовщина – усилить аналитическую и практическую работу по его углублению. В этом отношении показательным стал визит во Вьетнам председателя Сената Жерара Ларше (декабрь 2022 г.) [16].

В 2023 г. отмечалась еще одна годовщина: 50 лет двухсторонних дипломатических отношений. Она ознаменовалась событиями, отразившими укрепление связей между Парижем и Ханоем, включая визиты во вьетнамскую столицу министра внешней торговли Оливье Бехта и министра трансформации и государственной службы Станисласа Герини. Министр иностранных дел Вьетнама Буй Тхань Сон провел в Париже переговоры со своей коллегой Катрин Колонной, состоялся телефонный разговор президента Франции Эммануэля Макрона с генеральным секретарем КПВ Нгуен Фу Чонгом [17]. В мае 2024 г. Вьетнам посетили министр вооруженных сил Себастьян Лекорню и государственный секретарь по делам ветеранов и памяти Патрисия Миральес, приглашенные для участия в торжествах по случаю 70-й годовщины битвы при Дьенбьенфу [18]. В октябре 2024 г. Франция стала десятой страной в мире и первой страной ЕС, установившей с Вьетнамом отношения всеобъемлющего стратегического партнерства (после Китая, Индии, США, Австралии, Малайзии, Индонезии, России, Кореи и Японии) [19].

Таким образом, французско-вьетнамский политический диалог после установления дипломатических отношений насчитывает более чем полувековую историю и имеет благоприятные перспективы. Реализуемый на

разных уровнях и посредством разнообразных механизмов и платформ, он укрепил взаимное доверие. В 2013 г. Франция и Вьетнам констатировали достижение стратегического партнерства, а спустя 11 лет – всеобъемлющего стратегического партнерства. что стало иллюстрацией эффективности предпринятых многолетних усилий во всех областях и создало надежную базу для дальнейшего прогресса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. France-Vietnam, deux nations liées par l'histoire // Le Sénat. – 19.01.2011. – URL: https://www.senat.fr/ga/ga95/ga95_mono.html (дата обращения: 18.03.2025).
2. Нгуен Куанг Чиен. Панорама Французской Республики / Нгуен Куанг Чиен. – Ханой: Национальная политика, 1997. – 315 с.
3. Fostering Dialogue & Cooperation between Asia & Europe // TASEM info Board – Asia-Europe Meeting. – URL: <https://aseminfoboard.org/overview/> (date of access: 17.03.2025).
4. Укрепление вьетнамско-французского сотрудничества в области устойчивого развития энергетики / Báo Nhân dân // Department of grassroot information and foreign information Ministry of culture, sports and tourism. – 17.03.2025. – URL: <https://www.vietnam.vn/ru/tang-cuong-hop-tac-viet-nam-phap-trong-phat-trien-nang-luong-ben-vung> (дата обращения: 18.03.2025).
5. Воронин, А. С. Вьетнам: внешняя политика на службе модернизации / А. С. Воронин // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. – 2013. – № 31. – С. 125–154.
6. Новое развитие вьетнамо-французских отношений // Иллюстрированный журнал Вьетнам. – 04.10.2013. – URL: <https://vietnam.vnanet.vn/russian/print/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B5-%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B5-%D0%B2%D1%8C%D0%B5%D1%82%D0%BD%D0%B0%D0%BC%D0%BE-%D1%84%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D1%83%D0%B7%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85-%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B8-49084.html> (дата обращения: 18.03.2025).
7. Зыонг Тхай Хау. Вьетнамо-французские отношения стратегического партнерства с 2013 г. по настоящее время / Зыонг Тхай Хау // Независимый Вьетнам: национальные интересы и ценности : сб. ст. ИДВ РАН. – М., 2021. – С. 73–84.
8. Jacques Chirac // Mega Story. – 27.09.2019. – URL: <https://special.vietnamplus.vn/2019/09/27/jacques-chirac-viet-phap> (date of access: 17.03.2025).
9. Relations bilatérales // Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. – URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/vietnam/relations-bilaterales/> (date of access: 17.03.2025).
10. Афонин, С. О XI съезде КПВ / С. Афонин // Нят-Нам.ру. Материалы о Вьетнаме. – URL: <https://nhat-nam.ru/afonin2-25.html> (дата обращения: 17.03.2025).
11. Государственный визит президента Франции Франсуа Олланда во Вьетнам // Радио «Голос Вьетнама». – 06.09.2016. – URL: <https://vovworld.vn/ru-RU/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B8-%D0%B2%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%82-%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0-%D1%84%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D1%84%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D1%83%D0%B0-%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B0-%D0%B2%D0%BE-%D0%B2%D1%8C%D0%B5%D1%82%D0%BD%D0%B0%D0%BC-467511.vov> (дата обращения: 16.03.2025).

12. France-Viêtnam: une histoire partagée, un avenir commun // Service d'Information du Gouvernement (SIG). – URL: <https://www.info.gouv.fr/actualite/france-vietnam-une-histoire-partagee-un-avenir-commun#:~:text=Les%20relations%20entre%20la%20France,l%C3%A9ducation%20et%20la%20culture> (date of access: 17.03.2025).
13. Visite officielle de Tran Quoc Vuong en France // Association d'amitié Franco-Vietnamienne. – 04.11.2019. – URL: <https://www.aafv.org/non-classe/visite-officielle-de-tran-quoc-vuong-en-france/> (date of access: 16.03.2025).
14. Rencontre du Secrétaire d'Etat Jean-Baptiste Lemoine avec M. Tran Quoc Vuong, secrétaire permanent du parti communiste vietnamien (28 octobre 2020) // Ambassade de France à Hanoï. – 24.07.2021. – URL: <https://vn.ambafrance.org/Rencontre-de-M-Jean-Baptiste-Lemoine-avec-M-Tran-Quoc-Vuong-secretaire> (date of access: 17.03.2025).
15. Премьер-министр Вьетнама Фам Минь Тьинь начал официальный визит во Францию // Вьетнам Таймс. Союз обществ дружбы Вьетнама. – 03.11.2011. – URL: <https://huunghivietnga.thoidai.com.vn/detail-article-21588.html> (дата обращения: 16.03.2025).
16. Председатель Сената Франции успешно завершил официальный визит во Вьетнам // Нянзан Онлайн. – 10.12.2022. – URL: <https://ru.nhandan.vn/predsdatel-senata-frantsii-uspeshno-zavershil-ofitsial-nii-vizit-vo-v-etnam-post37335.html> (дата обращения: 16.03.2025).
17. Глава МИД Вьетнама провел телефонный разговор со своим французским коллегой // ВИА ВьетнамПлюс. – 23.07.2021. – URL: <https://ru.vietnamplus.vn/glava-mid-v-etnama-provel-telefonnii-razgovor-so-svoim-frantsuzskim-kollegoi-post16752.vnp> (дата обращения: 16.03.2025).
18. Денисович, Ю. Из врагов в друзья: на чем строятся нынешние отношения Вьетнама и Франции / Ю. Денисович // Информационное агентство ТАСС. – 14.05.2024. – URL: <https://tass.ru/opinions/20794509> (дата обращения: 16.03.2025).
19. Франция стала первой страной ЕС, имеющей всеобъемлющее стратегическое партнерство с Вьетнамом // ВИА ВьетнамПлюс. – 08.10.2024. – URL: <https://ru.vietnamplus.vn/frantsija-stala-pervoi-stranoi-es-imejuschei-vseob-emljuschee-strategicheskoe-partnerstvo-s-v-etnamom-post72728.vnp> (дата обращения: 16.03.2025).

ЕГИПЕТ И СОЗДАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПАЛЕСТИНЫ В 1964 г.

И. А. Т. С. Хемеда

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, eslamashry2231@gmail.com*

В статье рассматривается процесс создания Организации освобождения Палестины (ООП) – организации, стремящейся занять единственное место по представлению интересов арабов, живших на территории подмандатной Палестины до первой арабо-израильской войны, и их потомков. В частности, рассматривается роль Египта в создании ООП в 1964 г. В результате существовавших противоречий, сложности палестинского вопроса, отсутствия общего подхода к урегулированию разногласий возникло расслоение политического движения арабов Палестины. В 1964 г. Египет, который стремился консолидировать политические силы Палестины и стать доминирующей страной в регионе, был одним из основных участников создания ООП. Ключевыми причинами египетской вовлеченности в процесс были: стремление консолидировать политические силы Палестины и оказать сопротивление другим силам, участвующим в урегулировании палестинского вопроса. Позиция Египта по данному вопросу сделала Каир важным региональным игроком.

Ключевые слова: Египет; Организация освобождения Палестины; панарабизм; беженцы; Лига арабских государств.

EGYPT AND THE ESTABLISHMENT OF THE PALESTINE LIBERATION ORGANIZATION IN 1964

E. Hemeda

*Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, eslamashry2231@gmail.com*

The paper examines the process of creating the Palestine Liberation Organization (PLO), seeking to occupy the sole place in representing the interests of the Arabs who lived in the territory of Mandatory Palestine before the first Arab-Israeli war, and their descendants. In particular, it examines the role of Egypt in creating the PLO in 1964. As a result of the existing contradictions, the complexity of the Palestinian issue, and the lack of a common approach to resolving disagreements, the political movement of the Arabs of Palestine became stratified. In 1964, Egypt, which sought to consolidate the political forces of Palestine and become the dominant country in the region, was one of the main participants in the creation of the PLO. Among the key reasons for Egypt's involvement in the process were: the desire to consolidate the political forces of Palestine, to resist other forces involved in resolving the Palestinian issue. Egypt's aspirations in the process of consolidating the political forces of Palestine made Cairo an important regional player.

Keywords: Egypt; Palestine Liberation Organization; Pan-Arabism; Refugees; Arab League; Movement for the National Liberation of Palestine

В результате окончания Первой мировой войны территория Палестины была передана под руководство Великобритании, которая полу-

чила временное управление над территориями Ближнего Востока, входившими ранее в состав Османской империи. Мандат Великобритании закончился в 1947 г. Для определения дальнейшей судьбы региона была учреждена Специальная комиссия ООН по вопросам Палестины. Задача Комиссии состояла в поиске вариантов проживания арабов и евреев на территории Подмандатной Палестины. Утвержденный 29 ноября 1947 г. план урегулирования палестинского вопроса был отражен в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 181. Резолюция определяла границы арабского и еврейского государств, специальный режим города Иерусалим [1]. Принятые в ООН решения вызвали недовольство со стороны арабского населения палестинской территории, что привело к первой арабо-израильской войне [2, с. 118].

В результате первой арабо-израильской войны вопрос беженцев из Палестины стал одной из ключевых социальных проблем региона, так как она затронула большинство стран Ближнего Востока. Проблема палестинских беженцев вышла на международный уровень в связи с тем, что поток беженцев из Палестины привел к серьезным социальным процессам, росту антиизраильских настроений, ухудшению состояния экономического сектора ближневосточных стран [3, с. 239]. Среди новых реалий – появление множества лагерей беженцев, на территории которых размещались представители земледельцев, традиционной знати, что вело к политизации палестинских масс.

Попытки палестинцев создать свою государственность были прерваны первой арабо-израильской войной. Созданию общего представительства палестинских арабов препятствовало несколько факторов: отсутствие международного признания и политического единства среди палестинцев, борьба за влияние в Палестине между Египтом и Иорданией [4, с. 360].

В 1948 г. при поддержке Египта в Газе было образовано Всепалестинское правительство, однако, оно не обладало необходимыми полномочиями для международного признания. Несмотря на это, Всепалестинское правительство пользовалось поддержкой Лиги арабских государств [5, с. 237–240]. Помощь Египта на раннем этапе развития палестинского национально-освободительного движения стала свидетельством интереса Каира к улучшению положения палестинцев, а также стремления страны занять ключевое положение в решении данного вопроса.

Для Египта принципиальное значение представлял вопрос возвращения палестинских беженцев, как отметил в своей работе Л. А. Крыжко [6, с. 49]. Позиция Египта долгое время основывалась, с одной стороны, на желании сохранить и повысить авторитет среди палестинцев, арабов, но, с другой стороны, Каир стремился создать условия для зарождающегося контроля над палестинским движением сопротивления.

Стоит отметить, что на египетские позиции относительно вопроса Палестины глубокое влияние оказывало существование межарабских противоречий, которые были связаны с социально-политическими рас-

хождениями на пути решения палестинской проблемы. Дискуссии касались ключевых проблем, связанных с палестинскими беженцами. Первая проблема – это интеграция палестинских беженцев в местную социально-экономическую жизнь. Вторая проблема – возможность возвращения беженцев в Палестину [7, с. 77]. При этом стало понятно, что развитие политического движения палестинцев является неотъемлемым шагом для их дальнейшего развития, борьбы за право на самоопределение и свою территорию.

Палестинский вопрос лег в основу внешней региональной политики Египта. Во-первых, напряженность в регионе негативно отражалась на безопасности Египта. Во-вторых, Каир стремился завоевать лидерство в арабском мире. В 1950-е гг. палестинский вопрос перешел в статус-кво, палестинская ситуация оставалась в подвешенном состоянии, трансформировавшись лишь в проблему палестинских беженцев. Поэтому египетское руководство во главе с Г. А. Насером включилось в поиск новых путей решения палестинского вопроса. В частности, Г. А. Насер одним из первых заговорил о необходимости выделения палестинцев в качестве отдельной нации, когда на сессии Лиги арабских государств (ЛАГ) в 1959 г. заявил о праве палестинцев на самоопределение и собственную территорию.

Роль Египта в создании ООП сложно переоценить. Так, в марте 1959 г. во время 31-й сессии ЛАГ Г. А. Насер представил новый взгляд на палестинский вопрос. Если раньше египетская сторона акцентировала внимание на возвращении палестинских беженцев, то теперь египетский лидер подчеркивал ее национальный аспект, палестинский народ имел право на собственную территорию и самоопределение [8, с. 99]. Таким образом, египетский лидер Г. А. Насер еще до объявления о создании Организации освобождения Палестины (ООП) активизировал работу для создания обособленного органа, представляющего палестинский народ под эгидой Каира.

На рубеже 1950–1960-х гг. египетское руководство изменило свой подход к вопросам самоопределения палестинского народа и палестинским беженцам. В основу трансформации подходов к решению палестинского вопроса легла идея консолидации арабов с общей целью – окончательного решения палестинского вопроса. Благодаря активной дипломатической работе египетского президента Г. А. Насера, актуальность палестинского вопроса серьезно возросла, для его решения проводились регулярные встречи на разных уровнях. Подобная позиция египетского руководства получила определенный результат: усилилось палестинское движение сопротивления, вопрос беженцев стал неотъемлемой частью национального самоопределения Палестины [9].

Заложенная Г. А. Насером основа развития палестинского движения продолжила свое развитие в 1960-е гг. ООП строилась на идеях панарабизма, зародившихся в 1950–1960-е гг. В этот период получила развитие еще одна теория, идея которой заключалась в борьбе прогрессивных Египта и Сирии с консервативными правительствами Иордании и Ирака.

Основоположником этой стратегии выступил президент Египта Г. А. Насер. В этих условиях территория Палестины стала местом борьбы за влияние Египта с одной стороны, и Иордании, с другой стороны.

В 1960 г. на конференции министров иностранных дел государств-членов ЛАГ, прошедшей 22–28 августа 1960 г. недалеко от ливано-сирийской границы, делегация Объединенной Арабской Республики во главе с министром иностранных дел М. Фавзи заявила о необходимости создания «палестинской сущности», включающей в себя армию и руководство над палестинскими беженцами. При этом особенностью данного предложения стало отсутствие определенной территории, предназначенной для беженцев Палестины, что соответствовало мнению Иордании [10, с. 40–41].

Активизация египетской дипломатии во второй половине 1950-х гг. привела к тому, что в 1964 г. в Александрии состоялось создание организации Палестинского единства, с марта 1965 г. она была переименована в ООП. Ранее были образованы и другие палестинские объединения – «Фатх», «Герои возвращения», «Молодые мстители», которые в скором времени по популярности стали уступать ООП. Признание ООП арабскими странами произошло в сентябре 1964 г. Важным результатом этого периода стало принятие ООП в ЛАГ и Организацию Исламской конференции. Организацию возглавил палестинский политик А. Шукейри. Целью ООП стало создание независимого Палестинского государства. Финансирование ООП должно было осуществляться за счет частных пожертвований, в том числе от палестинской диаспоры, помощи арабских стран и др. [11, с. 37].

Для Египта создание ООП было важным по нескольким причинам. Во-первых, одна из задач ООП заключалась в борьбе с правительством в Иордании. Во-вторых, ООП стала противовесом популярному Движению за национальное освобождение Палестины. Кроме этого, работа ООП могла положительно повлиять на установление контроля над существующими палестинскими группами [12].

Создание ООП имело огромное значение для палестинского общества. Если ранее палестинцы не имели связующего звена и эффективных инструментов с внешним миром, то с созданием ООП были открыты новые возможности для формирования палестинского единства, его легитимизации [13, с. 145]. В XXI в. ООП стало важной политической силой Палестины, которая участвовала в мирном процессе с 1990-х гг., имеет статус наблюдателя в ООН, что предоставляет ей большие дипломатические возможности.

В лице ООП палестинцы получили представителя палестинского национального движения, также это положительно отразилось на укреплении палестинского сотрудничества с другими арабскими странами. Пройдя долгий путь формирования, в том числе с активным вмешательством соседних государств, палестинское движение сопротивления обрело необходимые навыки, среди которых гибкость, адаптация к изменениям и др.

Таким образом, палестинское движение с момента своего возникновения прошло долгий и сложный путь. Его формирование происходило в тесном партнерстве арабских стран и диаспоры с целью усиления национального самосознания, признания со стороны мирового сообщества, получения прав на проведение переговоров с другими государствами. Незавершенность палестинского вопроса привела к тому, что Египет стал важным игроком на пути формирования палестинского движения за независимость. Египет, который с момента возникновения палестинского вопроса стремился активно участвовать в урегулировании существующего комплекса проблем, начиная со второй половины 1950-х гг., стал ключевым участником в процессе формирования палестинского национального движения, результатом чего стало создание ООП.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Будущее Правительство Палестины // Организация Объединенных Наций: док. ООН A/RES/181(II). – URL: <https://documents.un.org/doc/resolution/gen/pro/040/42/pdf/nro04042.pdf> (дата обращения: 29.01.2024).
2. Власян, С. Р. Палестинской вопрос: международно-правовой аспект / С. Р. Власян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. – № 4. – С. 118–122.
3. Ланда, Р. Г. История арабских стран / Р. Г. Ланда. – М. : Восточный университет, 2005. – 320 с.
4. Гофман, А. В. Борьба палестинцев за независимость в 1960–1980-е гг. / А. В. Гофман // *Via in tempore*. История. Политология. – 2021. – Том. 48, № 2. – С. 359–366.
5. Эпштейн, А. Д. Израиль и Египет: пять войн за четверть века / А. Д. Эпштейн. – М. : Институт Ближнего Востока, 2020. – 442 с.
6. Крыжко, Л. А. Позиция Египта в решении вопроса палестинских беженцев в конце 1950-х – начале 1960-х гг. / Л. А. Крыжко // Ученые записки Крымского федерального ун-та им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2017. – № 3. – С. 47–56.
7. Листопадова, А. В. В поисках путей решения проблемы палестинских беженцев / А. В. Листопадова // Востокведный сборник. Выпуск 5. – М. : Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003. – С. 77–94.
8. Хайкал, М. Х. Удачные дни конференции ЛАГ / М. Х. Хайкал // Египетский журнал Аль-Ахрам. – 11 сентября 1964 г. – С. 16.
9. Крыжко, Л. А. Египетско-израильские пограничные вооруженные столкновения в первой половине 1950-х гг. / Л. А. Крыжко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. – 2017. – № 10. – С. 97–100.
10. Демченко, П. Е. Там, за рекой – Палестина / П. Е. Демченко. – М. : Советская Россия, 1989. – 128 с.
11. Кузнецов, Д. В. Арабо-израильский конфликт: История и современность. Очерк событий. Документы и материалы : учеб. пособие / Д. В. Кузнецов. – Благовещенск : Издательство БГПУ, 2006. – 290 с.
12. Аливаиви, А. М. Организация освобождения Палестины в перспективе провозглашения независимого государства Палестина / А. М. Аливаиви // Издательство «Проблемы науки». – URL: <https://scienceproblems.ru/organizatsija-osvobozhdenija-palestiny-v-perspektive-provozglasheniya-nezavisimogo-gosudarstva-palestina.html> (дата обращения: 09.03.2025).
13. Косач, Г. Г. Организация Освобождения Палестины: пути к созданию национальной государственности / Г. Г. Косач // Ближний Восток и современность. – 2001. – № 11. – С. 143–163.

АФРИКА КАК СТРАТЕГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИСПАНИИ

С. Ф. Свилас¹⁾, В. А. Певзнер²⁾

¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, svilas@bsu.by

²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lerapevzner@yandex.by

В статье на основе анализа правительственных документов «Фокус Африка 2023» и «Стратегия Испании и Африки на 2025–2028 гг.» раскрывается содержание африканского вектора внешней политики Испании в 2020-х гг. как одного из центральных. Определены его предпосылки, причины принятия, цели, задачи, а также особенности и трудности реализации. Показана роль главы правительства Педро Санчеса в иницировании и проведении нового курса. Подчеркнуто значение политического диалога по вопросам миграции, безопасности и изменения климата, подключения Испании к африканской зоне свободной торговли и взаимодействия с Африканским союзом как крупнейшим в мире интеграционным объединением. Несмотря на то, что большинство испанских программ в Африке являются компонентами проектов Европейского союза, они усиливают политическое, институциональное и экономическое влияние Мадрида на африканском континенте, роль Испании в мировой политике в качестве трансконтинентальной державы.

Ключевые слова: Испания; Африканский континент; трансконтинентальная держава; внешнеполитическая стратегия; персональная дипломатия; устойчивое развитие; миграционный кризис; «мягкая сила».

AFRICA AS A STRATEGIC DIRECTION FOR SPAIN'S FOREIGN POLICY

S. Svilas^a, V. Pevzner^b

^a Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, svilas@bsu.by

^b Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, lerapevzner@yandex.by

Based on the analysis of the government documents 'Focus Africa 2023' and 'Spain and Africa Strategy 2025-2028', the article reveals the content of the African vector of Spain's foreign policy in the 2020s as one of the central ones. Its prerequisites, reasons for its adoption, goals, objectives, as well as the peculiarities and difficulties of implementation are defined. The role of the head of the government Pedro Sanchez in the initiation and implementation of the new course is shown. The importance of political dialogue on migration, security and climate change, Spain's accession to the African Free Trade Area and interaction with the African Union as the world's largest integration grouping is highlighted. Although most Spanish programmes in Africa are components of European Union projects, they strengthen Madrid's political, institutional and economic influence on the African continent, Spain's role in world politics as a transcontinental power.

Keywords: Spain; African continent; transcontinental power; foreign policy strategy; personal diplomacy; sustainable development; migration crisis; soft power.

Европу и Африку связывают тесные исторические, экономические и политические связи. Являясь частью одного геополитического пространства, современная Испания («южные ворота Европы») проявляет к африканскому региону стратегический интерес, является его связующим звеном с Европейским союзом. Африка рассматривается Мадридом как перспективный рынок сбыта товаров и услуг, а сотрудничество с государствами этого континента – как условие ослабления миграционного кризиса, усиления влияния на региональном и глобальном уровнях. Развитие испано-африканского взаимодействия осложняется конкуренцией со стороны ряда стран (Китая, России, Франции, США, Италии, Португалии), а также политической нестабильностью, коррупцией и пиратством.

Активное включение Африки во внешнюю политику Испании началось после избрания председателем правительства Королевства Испании Педро Санчеса (июнь 2018 г.), который стал одним из инициаторов политического курса «Фокус Африка 2023», успешно реализованного в 2021–2024 г. [1]. Основными направлениями курса стали мир и безопасность (политический диалог по вопросам миграции, безопасности, изменения климата); устойчивое развитие инклюзивной экономики; торговля и инвестиции (подключение Испании к африканской зоне свободной торговли, строительство возобновляемых источников энергии – солнечных и ветровых электростанций); содействие развитию здравоохранения и водоснабжения; гуманитарная помощь в обеспечении продуктами питания и получении образования. Из 54 стран Африки центральное внимание уделялось Нигерии, Эфиопии, ЮАР. В качестве приоритетных рынков сбыта испанских товаров рассматривались Сенегал, Кот-д’Ивуар, Гана, Кения, Ангола, Мозамбик, Танзания. Интерес для реализации проектов и вложения инвестиций представляли Марокко, Алжир, Египет, Руанда, Уганда [2, с. 7–8]. Программа «Фокус Африка 2023», принятая в марте 2021 г., получила поддержку во время визита П. Санчеса в Анголу и Сенегал месяцем спустя [3].

В декабре 2024 г. П. Санчес представил «Стратегию Испании и Африки на 2025–2028 гг.». Она основана на принципе ассоциации, уважении и взаимной выгоде, учете позиций африканских стран, акценте на многостороннем взаимодействии. По оценке главы правительства, документ представляет «обновленный взгляд на африканский континент», который начинается с признания равенства африканских партнеров. Документ ориентирован на достижение «взаимовыгодной синергии», стратегического уровня партнерства, раскрытие лидерского потенциала и «протагонизма» стран Африки [4].

В ближайшие годы Испанию и Африку объединяют пять стратегических целей: 1) укрепление отношений, которые будут способствовать активным совместным действиям; 2) содействие устойчивому развитию Африки посредством вовлечения, прежде всего, молодежи; 3) построение тесных экономических и общественных связей на межрегиональном и глобальном уровнях; 4) повышение безопасности населения; 5) сосуществование в открытых обществах с прочными инклюзивными институтами [5].

Эта Стратегия охватывает весь континент, без деления африканских стран на категории или выделения приоритетных партнеров. Вместе с тем, особое внимание уделяется непосредственному соседству: странам Северной и Западной Африки, а также пяти странам региона Сахель [6, р. 13].

В рамках первой цели Испания сосредоточена на укреплении политического и дипломатического диалога через усиление взаимодействия на высоком уровне с африканскими партнерами. Встречи будут включать обсуждение вопросов политики, экономики, устойчивого развития, миграции и безопасности. Мадрид активизирует политический диалог с региональными организациями, в частности с Африканским Союзом и Экономическим сообществом стран Западной Африки посредством проведения раз в два года совещаний на высоком уровне. Кроме того, он расширяет свое дипломатическое присутствие на континенте, открывая новые посольства и отраслевые офисы (в частности, в Нигерии и Ливии). Предполагается укрепить испанские офисы по сотрудничеству в Западной Африке и Сахеле (для расширения деятельности в Гвинее-Бисау и Гамбии) [6, ср. 65–69]. Активизация политической и дипломатической деятельности не только укрепляет двусторонние отношения, но и позиционирует Испанию в африканских странах как их ключевого партнера на европейском и глобальном уровнях.

Экономическое и социальное развитие имеет большое значение для любой стратегии международного сотрудничества, поэтому Испания стремится внести свой вклад в повышение инклюзивности в Африке, способствуя развитию образования, трудоустройства молодежи и инвестициям. Среди приоритетов выделяются такие инициативы, как увеличение количества стипендий для африканской молодежи с возможностью обучения в Испании – *ÁFRICA-MED* и *ASALE* от *AECID* (испанское агентство международного сотрудничества в сфере развития), *Learn Africa* (от Фонда «Женщины для Африки») и *ERASMUS+* (от Европейского союза). Кроме того, будет стимулироваться участие испанских инвесторов в «*Global Gateway*» (Глобальный экономический портал ЕС) для разработки и реализации проектов, связанных с возобновляемыми источниками энергии, водоснабжением и др. [6, р. 69–70].

Помимо экономических связей, Испания активно продвигает изучение испанского языка и культуры через Институты Сервантеса – главные центры по продвижению культурной дипломатии этой страны за рубежом. На данный момент в Африке насчитывается 44 таких учреждения, а до 2028 г. запланировано открытие Института в Анголе, что является показателем заинтересованности в изучении испанского языка населением африканских стран [6, р. 52].

Миграционный кризис – одна из главных проблем Испании, угроза для национальной безопасности страны. Канарские острова, а также испанские анклавы Сеута и Мелилья являются основными точками притяжения мигрантов из-за их близкого расположения по отношению к Марокко и Сенегалу; сотрудничеству в указанной области уделяется при-

оритетное внимание со стороны испанских властей. Мадрид предпринимает значительные усилия по обеспечению безопасной и упорядоченной миграции через укрепление консульских служб и расширение соглашений о сотрудничестве с Марокко и Сенегалом. Планируется охватить такими программами также Гамбию и Мавританию [6, р. 74–75].

Стратегия Испании в Африке включает также конкретные действия по поддержке стран этого континента в решении таких задач, как предотвращение и разрешение конфликтов, борьба с терроризмом, укрепление морской безопасности. Так, в июле 2024 г. министр иностранных дел Испании Хосе Альварес подписал соглашение о внесении взноса в размере 2 млн евро в Фонд помощи жертвам при Международном уголовном суде, 1 млн из которых пойдет на помощь детям-солдатам, завербованным военным преступником Томасом Лубангой [7].

Мадрид относит к важным направлениям сотрудничество и по такой проблеме, как укрепление устойчивости к климатическим и экологическим угрозам. Разработаны меры по повышению осведомленности о возможных экологических преступлениях и борьбе с ними. До 2028 г. планируется создание африканской сети *Red Jaguar* по борьбе с экологическими преступлениями, аналогично той, что существует в Латинской Америке. В Африке будет создан Международный альянс по повышению устойчивости к засухе, инициированный совместно с Сенегалом при поддержке ООН [6, р. 79–81].

Испания поддерживает инициативы, направленные на укрепление верховенства закона, борьбу с коррупцией, расширение прав и возможностей африканских женщин и девушек. В рамках сотрудничества будет оказана поддержка по укреплению демократического управления и процессов децентрализации с помощью таких инициатив, как Глобальное соглашение мэров по климату и энергетике (*el Pacto Global de Alcaldes por el Clima y la Energía*), проект *PASCAL* в Анголе в поддержку децентрализации и участия гражданского общества в местном самоуправлении, программа *ARAP* в Гане по борьбе с коррупцией. Расширение политических, экономических, социальных прав и возможностей женщин будет осуществляться путем укрепления программ сотрудничества с такими региональными африканскими организациями, как *AUDA NEPAD* («Новое партнерство в интересах развития Африки»), и площадками ООН: Фондом ООН в области народонаселения, Программой развития Организации Объединенных Наций, структурой «ООН-женщины» [6, р. 81–82].

Африка представляет собой регион, переживающий масштабные трансформации, которые оказывают непосредственное влияние на настоящее и будущее европейского континента. Испания как страна, исторически и геополитически связанная с Африкой, занимает стратегически важное место в развитии межконтинентального сотрудничества. Осознание важности африканских стран и континента в целом как партнера привело к обновлению испанского внешнеполитического курса,

направленного на активизацию дипломатических, экономических и социальных связей.

Реализация стратегии «Фокус Африка 2023» (2021–2024 гг.) продемонстрировала высокую эффективность комплексного подхода к сотрудничеству, что стало основой для разработки еще одного правительственного документа – «Стратегия Испании и Африки (2025–2028 гг.)». Он впервые охватывает весь африканский континент, исключает иерархию партнеров и делает акцент на многосторонности, уважении и взаимной выгоде.

Внешнеполитическая стратегия Испании на африканском континенте ориентирована на долгосрочное партнерство, построенное на взаимном уважении и устойчивом развитии, а ее реализация позволит создать прочную основу для перспективного сотрудничества на многосторонней и двухсторонней основе во всех сферах общественной жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Sánchez: «Esta será la década de España en África» // La Moncloa. – 29.03.2021. – URL: <https://www.lamoncloa.gob.es/presidente/actividades/Paginas/2021/290331-sanchez-foco-africa1.aspx> (fecha de acceso: 17.03.2025).
2. Foco África 2023 // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación. – URL: <https://www.exteriores.gob.es/es/Comunicacion/Noticias/Paginas/Noticias/MICROSITE-FOCO-AFRICA.aspx/> (fecha de acceso: 17.03.2025).
3. Sánchez viaja a Angola y Senegal en un nuevo plan de acción para África // La Vanguardia. – 08.04.2021. – URL: <https://www.lavanguardia.com/politica/20210408/6635040/pedro-sanchez-viaje-africa-angola-senegal-plan-pandemia.html/> (fecha de acceso: 17.03.2025).
4. Pedro Sánchez: «Hoy damos un nuevo paso para consolidar la alianza entre África y España en busca de un futuro más rico, sostenible y justo» // La Moncloa. – 05.12.2024. – URL: <https://www.lamoncloa.gob.es/presidente/actividades/paginas/2024/051224-sanchez-estrategia-espana-africa.aspx> (fecha de acceso: 17.03.2025).
5. África // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y cooperación. – URL: <https://www.exteriores.gob.es/es/PoliticaExterior/Paginas/Africa.aspx> (fecha de acceso: 18.03.2025).
6. Estrategia España-África 2025–2028 // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación. – 13.12.2024 – URL: <https://www.exteriores.gob.es/es/Comunicacion/Noticias/Paginas/Noticias/Estrategia-Espana-África-2025-2028-relación-estratégica.aspx/> (fecha de acceso: 18.03.2025).
7. España contribuye con dos millones de euros al Fondo Fiduciario en Beneficio de las Víctimas de la Corte Penal Internacional // La Moncloa. – 05.07.2024. – URL: <https://www.lamoncloa.gob.es/serviciosdeprensa/notasprensa/exteriores/paginas/2024/050724-espana-contribucion-fondo-victimas.aspx/> (fecha de acceso: 19.03.2025).